

Обзор дисциплинарной практики за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей

1. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку дисциплинарное обвинение в самоустранении адвоката от защиты не нашло подтверждения. Совет установил, что адвокат, оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах (заболевание коронавирусной инфекцией и вынужденная самоизоляция в гостинице по месту предварительного следствия по уголовному делу), принял все разумные и доступные ему меры по организации защиты доверителя и согласованию этих мер с последним, при этом и сам не устранился от оказания юридической помощи.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 мая 2022 года дисциплинарное производство в отношении адвоката К. признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К., надлежащим образом извещенный о дне, времени и месте, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, указав на то, что с Заключением Квалификационной комиссии от 18 мая 2022 года он согласен и просит прекратить дисциплинарное производство ввиду отсутствия нарушения (вх. № ... от 27.06.2022).

Заявитель М. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии от 18 мая 2022 года он получил, ознакомился, с выводами не согласен. Считает, что адвокат К. ничего не сделал по заключенному соглашению об оказании юридической помощи. Помимо этого, адвокат К. ввел его (заявителя М.) в заблуждение относительно того, кто непосредственно будет оказывать юридическую помощь. По мнению заявителя М., адвокат К. обязан был принимать участие в его защите не только на стадии предварительного расследования, но и в ходе судебного разбирательства, хотя после изучения соглашения об оказании юридической помощи он понял, что в нем содержится обязательство адвоката К. оказывать юридическую помощь только на стадии предварительного расследования. У заявителя была уверенность, что будет положительный результат по уголовному делу, хотя адвокат К. ничего ему не обещал. В какой-то момент с адвокатом К. потерялась связь, они стали реже видаться. Как показалось заявителю М., у адвоката К. изменилось отношение к работе, и его стали интересовать только деньги. Заявитель М. не исполнил обязательство по оплате гонорара адвокату К. на том основании, что сам адвокат К. утратил интерес к его защите.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя М., Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что 06 октября 2021 года между адвокатом К. и доверителем М. путем обмена светокопиями в мессенджере WhatsApp было заключено соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу, предусматривающее в качестве предмета поручения защиту М., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя СУ УМВД России по городу Н. Указанное Соглашение предусматривало вознаграждение адвоката за оказание юридической помощи в размере 200 000 рублей с условием выплаты до 30 октября 2021 года, а также возмещение адвокату понесенных им расходов, связанных с исполнением поручения, в авансовом порядке. Соглашение также предусматривало возможность привлечения к оказанию юридической помощи других адвокатов.

11 октября 2021 года адвокат К. прибыл в город Н. для оказания юридической помощи М.

12 октября 2021 года М. перечислил 40 000 рублей на счет банковской карты адвоката К.

13 октября 2021 года состояние здоровья адвоката К. ухудшилось, в связи с чем он был вынужден обратиться за медицинской помощью в Бюджетное учреждение Х. автономного округа – Ю. «Н. городская поликлиника», а также в ООО «В.» для прохождения медицинского обследования, по результатам которого 13 октября 2021 года у адвоката К. была выявлена коронавирусная инфекция.

В связи с выявленным заболеванием адвокат К. был нетрудоспособен и проходил лечение в период с 13 октября 2021 года по 15 ноября 2021 года с оформлением электронного листка нетрудоспособности №

15 октября 2021 года адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp сообщил доверителю М. о поставленном ему диагнозе и своей нетрудоспособности с указанием номера электронного листка нетрудоспособности, а также выслал ему светокопию медицинского документа, подтверждающего наличие у него коронавирусной инфекции.

15 октября 2021 года адвокат К. посредством мессенджера WhatsApp предупредил М. о возможном предоставлении ему юридической помощи другим адвокатом, с чем М. согласился, ответив «Ок».

18 октября 2021 года адвокат К. направил М. сообщение следующего содержания: «Добрый день! На завтра планируйте к следователю. Будет мой коллега адвокат Ку., тел. ...».

18 октября 2021 года между адвокатом К. (доверителем) и адвокатом Ку. в пользу М. заключено соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее в качестве предмета поручения защиту М.,

подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя СУ УМВД России по городу Н. Х. автономного округа – Ю. Указанное соглашение об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года предусматривало выплату адвокатом К. адвокату Ку. вознаграждения в размере 200 000 рублей за оказание юридической помощи М.

18 октября 2021 года адвокат К. произвел частичную оплату вознаграждения адвоката Ку. в размере 60 000 рублей. Эти денежные средства были внесены в кассу адвокатского образования – Т. областной коллегии адвокатов, что подтверждается приходным кассовым ордером от 18 октября 2021 года № ... серии КГ.

19 октября 2021 года М. подал в адрес следователя СУ УМВД России по городу Н. Ю. заявление об отказе от юридической помощи ранее назначенного ему защитника А., сообщив о заключении соглашения с адвокатом Ку., а также о своем желании, чтобы указанный адвокат осуществлял его защиту на стадии предварительного расследования.

19 октября 2021 года адвокат Ку. вступил в уголовное дело в качестве защитника М., представив ордер от 19 октября 2021 года №

В период с 19 по 22 октября 2021 года адвокат Ку. в качестве защитника М. принял участие в ряде следственных и иных процессуальных действий, произведенных с участием М.

Адвокат К. посредством мессенджеров WhatsApp и Viber продолжал переписку с М. и адвокатом Ку., включающую обмен светокопиями процессуальных документов по уголовному делу.

20 октября 2021 года М. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

21 октября 2021 года обвиняемый М. и его защитник Ку. уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу № ...

22 октября 2021 года обвиняемый М. и его защитник – адвокат Ку. ознакомились с материалами уголовного дела в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ.

28 октября 2021 года заместитель прокурора города Н. утвердил обвинительное заключение по делу, а 29 октября 2021 года уголовное дело зарегистрировано Н. городским судом Х. автономного округа – Ю.

06 ноября 2021 года М. перечислил 20 000 рублей на счет банковской карты адвоката К.

30 ноября 2021 года между доверителем М. и адвокатом К. составлен Акт сдачи-приемки выполненных работ (услуг), согласно которому «<...> 1. «Доверителю» в соответствии с условиями соглашения б/н от 06.10.2021 своевременно и в полном объеме оказаны следующие квалифицированные юридические услуги: 1) консультирование «Доверителя» по вопросам применения действующего законодательства в целях защиты его законных

интересов и прав, разъяснение норм действующего законодательства и возможных правовых последствий; 2) изучение материалов, сбор и подготовка полного пакета документов для защиты прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу № ... по ч. 2 ст. 228 УК РФ в СУ УМВД России по г. Н. <...> 2. Все процессуальные действия, правовая позиция по делу сторонами согласованы в полном объеме <...> 4. <...> На момент подписания данного акта «Доверителем» внесено 60 000 рублей».

03 декабря 2021 года по уголовному делу № ... по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, было открыто судебное заседание Н. городского суда Х. автономного округа – Ю.

Защиту подсудимого М. в судебном заседании Н. городского суда Х. автономного округа – Ю. по назначению суда осуществлял адвокат Г.

10 декабря 2021 года по уголовному делу № ... провозглашен приговор. М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ с назначением ему наказания в виде лишения свободы на срок 03 года 03 месяца, со штрафом в размере 10 000 рублей. На основании ст. 73 УК РФ, назначенное М. наказание в виде лишения свободы судом постановлено считать условным с испытательным сроком 03 года.

Из жалобы заявителя М. следует, что он обвиняет адвоката К. в самоустранении от его защиты, а также во введении М. в заблуждение относительно лица, которое будет осуществлять его защиту по уголовному делу.

Кроме того, М. полагает, что указанные действия (бездействие) адвоката К. повлекли нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката в форме подрыва доверия М. к адвокатуре.

Оценивая указанные дисциплинарные обвинения, Совет учитывает, что предусмотренные пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством способами предполагают непосредственное личное участие адвоката (адвокатов), указанных в Соглашении на оказание юридической помощи, в процессе оказания юридической помощи доверителю. Согласно пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан «соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции». При этом в п. 4 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» сформулированы следующие

обязательные для всех адвокатов города Москвы разъяснения: «4. Адвокат – защитник обвиняемого (подозреваемого) вправе заключить соглашение на оказание юридической помощи этому же обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом. Заключение такого соглашения допускается, если в первоначальном соглашении содержится условие о согласии доверителя на привлечение к участию в защите другого адвоката и поименован адвокат, который может быть привлечен, либо когда обвиняемый (подозреваемый) дал предварительное письменное согласие своему защитнику на заключение им соглашения с другим адвокатом, как конкретным, так и по выбору самого защитника. При заключении соглашения об оказании юридической помощи между адвокатами должно быть достоверно установлено, что первоначальное соглашение с адвокатом не расторгнуто, а в самом соглашении имеется условие о возможности заключения аналогичного соглашения с привлекаемым адвокатом, либо от обвиняемого (подозреваемого) имеется предварительное письменное согласие на заключение его защитником соглашения с иным адвокатом. Адвокат-защитник после заключения соглашения об оказании юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) с другим адвокатом во всех случаях не вправе самоустраняться от осуществления защиты по уголовному делу (*Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденные Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) 2019. С. 127-129*).

Между тем, из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что адвокат К. своевременно прибыл к месту предварительного следствия для защиты М., а в период своей болезни и прохождения лечения не устранился от защиты, продолжая оказывать доверителю М. юридическую помощь. Эти обстоятельства подтверждаются материалами переписки между адвокатом К. и доверителем М. в мессенджерах WhatsApp и Viber, а также подписанным между указанными лицами актом выполненных работ от 30 ноября 2021 года. Однако адвокат К. был лишен возможности вступить в уголовное дело в качестве защитника М. ввиду чрезвычайных обстоятельств своей болезни и нахождения в режиме самоизоляции в гостинице города Н.

По этим причинам Совет не может согласиться с доводами заявителя М. о том, что адвокат К. устранился от оказания юридической помощи М.

Совет также не усматривает оснований для вывода о том, что адвокат К. ввел М. в заблуждение относительно лиц, оказывающих ему юридическую помощь, или объема юридической помощи.

На основании Соглашения от 06 октября 2021 года адвокат К. принял поручение на осуществление защиты М., подозреваемого в совершении

преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя СУ УМВД России по городу Н. Содержание Соглашения не содержит положений, могущих ввести доверителя в заблуждение ни относительно предмета поручения, ни относительно лица, с которым оно заключено, поскольку в нем прямо указан в этом качестве адвокат К.

Невозможность для адвоката К. вступить в уголовное дело в качестве защитника М. была обусловлена уважительной причиной – болезнью. Действуя последовательно и добросовестно, адвокат К. не только в письменной форме проинформировал доверителя М. о своей болезни, но и направил ему документы и сведения, подтверждающие выявленное у него заболевание – коронавирусную инфекцию.

Более того, адвокат К., проявляя высокую ответственность, в период болезни по своей инициативе принял меры к организации защиты М., в письменной форме согласовал с ним вопрос о привлечении другого адвоката для в качестве защитника, заключил соответствующие соглашение с адвокатом Ку., а затем сообщил М. сведения о нём с указанием номера его телефона.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Учитывая данные положения и принимая во внимание, что из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что переписку посредством мессенджера WhatsApp с доверителем М. адвокат К. осуществлял с использованием номера телефона доверителя М., указанного в Соглашении от 06 апреля 2021 года, Совет признает, что привлечение к оказанию юридической помощи адвоката Ку. было надлежащим образом согласовано адвокатом К. с доверителем М. в письменной форме.

При этом Совет принимает во внимание, что п. 2.2 Соглашения от 06 октября 2021 года предусматривает право адвоката К. привлекать для оказания юридической помощи М. других адвокатов, а также что в п. 4 Разъяснений № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» указывается на возможность привлечения адвокатом к осуществлению защиты другого адвоката, в том числе и тогда, «когда обвиняемый (подозреваемый) дал предварительное письменное согласие своему защитнику на заключение им соглашения с другим адвокатом, как конкретным, так и по выбору самого защитника».

Поскольку привлечение к оказанию юридической помощи адвоката Ку. было согласовано адвокатом К. с М. в письменной форме, Совет признает, что М. дал предварительное письменное согласие адвокату К. на заключение им соглашения с другим адвокатом, а затем в письменной форме одобрил возможность привлечения адвокатом К. другого адвоката для осуществления его защиты, подтвердив это как в переписке с адвокатом К., так и в своём письменном заявлении следователю об осуществлении его защиты адвокатом Ку.

Сведений о том, что М. возражал против осуществления его защиты адвокатом Ку. либо возражал против действий адвоката К. по своей вынужденной замене, материалы дисциплинарного производства не содержат.

Привлечение адвокатом К. адвоката Ку. к оказанию юридической помощи М. было должным образом формализовано путем заключения адвокатом К. в пользу М. соглашения об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года с адвокатом Ку. с предметом поручения и размером вознаграждения, тождественными предмету поручения и размеру вознаграждения, предусмотренным Соглашением от 06 октября 2021 года между М. и адвокатом К.

Таким образом, адвокат К. не стремился извлечь для себя какую-либо выгоду от привлечения к исполнению поручения адвоката Ку. Более того, его юридическую помощь М. адвокат К. оплатил самостоятельно. Как следует из содержания приобщенного к материалам настоящего дисциплинарного производства решения Н. городского суда Х. автономного округа – Ю. от 25 апреля 2022 года, адвокат К., обращаясь в Н. городской суд Х. автономного округа – Ю. с требованиями о взыскании с М. задолженности по Соглашению от 06 октября 2021 года, просил о взыскании лишь суммы неуплаченного вознаграждения, не предъявляя требований о возмещении каких-либо расходов, понесенных им в связи с оказанием юридической помощи, в том числе и в связи с проживанием в гостинице города Н.

Совет признаёт, что адвокат К., оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, принял все разумные и доступные ему в сложившейся ситуации меры по организации защиты М. и согласованию этих мер с последним.

Из обстоятельств настоящего дисциплинарного производства следует, что адвокат К. намеревался оказывать юридическую помощь М. лично, прибыл для этого в город Н., однако не смог вступить в уголовное дело вследствие своей болезни и режима самоизоляции. При этом адвокат К. не устранился от оказания юридической помощи, поскольку даже в период своей нетрудоспособности с 13 октября 2021 года по 15 ноября 2021 года знакомился со светокопиями отдельных материалов уголовного дела и направлял их М., давал ему рекомендации по собиранию доказательств и формированию позиции защиты.

Не нашёл подтверждения и довод заявителя М. о том, что он был введен в заблуждение относительно объема оказываемой ему юридической помощи.

Как следует из п. 1.2 Соглашения от 06 октября 2021 года и из пп. 2 и 3 п. 1 «Акта сдачи-приемки выполненных работ (услуг)» от 30 ноября 2021 года, юридическая помощь М. должна была быть оказана на стадии предварительного расследования.

Таким образом, Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката К. каких-либо действий и (или) бездействия, направленных к подрыву доверия М., а также содержащих признаки нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой в отношении всех дисциплинарных обвинений.

В связи с приводимым в жалобе М. указанием на то, что адвокат К. обратился в Н. городской суд Х. автономного округа – Ю. с иском заявлением к М. «о взыскании долга по договору возмездного оказания юридических услуг», Совет обращает внимание на то, что споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. В соответствии с п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов предметом рассмотрения дисциплинарных органов адвокатской палаты может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты».

В свете изложенного, компетенция Квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации строго ограничена и не может быть расширена за счет рассмотрения других вопросов, отнесенных к компетенции государственных органов или должностных лиц. Поэтому обстоятельства, связанные с установлением стоимости оказанной адвокатом юридической помощи, не могут быть предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и Совета. В случае возникновения разногласий относительно размера гонорара все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе М. без даты (вх. № ... от 22.03.2022), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Адвокат привлечена к дисциплинарной ответственности за направление адвокатского запроса физическому лицу с целью, не предусмотренной законом.

Квалификационная комиссия 18 мая 2022 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом П. допущены дисциплинарные нарушения п. 1 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Решений Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) и «Об адвокатском запросе» от 08 июля 2021 года (Протокол № 4), выразившееся в том, что она направила в адрес К. Адвокатский запрос № ... от 08 ноября 2021 года не для получения от К. конкретно определенных сведений (доказательств), необходимых адвокату П. в целях оказания квалифицированной юридической помощи доверителю А., а для того, чтобы понудить К. совершить определенные действия (обеспечить доверителю адвоката П. – А. доступ к квартирам и иному имуществу наследодателя Ко., передать ключи от принадлежавших ему квартир, составить опись имущества и т.д.).

Адвокат П. письменно подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним, просила заседание Совета провести в её отсутствие (вх. № ... от 27.06.2022).

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 24 октября 2021 года адвокат П. заключила соглашение об оказании правовой помощи с А., проживающей в городе Ч., на представление её интересов в рамках наследственного дела в связи со смертью 27 июля 2021 года ее дяди, Ко., проживавшего в городе Москве, совершала действия, направленные на представление интересов доверителя А. в различных учреждениях и организациях, проводила встречи, в том числе и с автором обращения в Адвокатскую палату города Москвы К., по вопросам незаконного завладения последней в больнице после смерти Ко. его личными ценными вещами, ключами от квартир, входящих в состав наследственной массы, имея цель сохранения всего объема наследства до вступления наследников в законные права.

Адвокатский запрос от 08 ноября 2021 года № ... был направлен адвокатом П. в адрес К. в соответствии с поручением А. и выданной ею доверенностью, поскольку проживающие в г. Ч. доверители адвоката П. намеревались разрешить возникшую ситуацию в досудебном порядке.

Адвокатский запрос в интересах А., адресованный физическому лицу К., содержал ссылку на п. 1 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и предложения адресату запроса: обеспечить А. доступ в пять квартир, расположенных в городе М. и в городе Ч. (с указанием адресов места нахождения), собственником которых являлся Ко., и обеспечить передачу ключей от входных дверей квартир либо их дубликатов по акту приема-передачи; предоставить документы, подтверждающие несение расходов, связанных с содержанием имущества Ко., для их последующей компенсации; обеспечить подтверждение наличия после смерти Ко. его личных вещей в принадлежавших ему квартирах, в соответствии с описью медицинского учреждения ГБУЗ города Москвы ГKB № ... Департамента здравоохранения города Москвы; обеспечить доступ в принадлежавшие Ко. квартиры заинтересованных лиц и личное участие Ко. в составлении описи имущества Ко., находящегося в квартирах. К. также предлагалось уведомить о готовности исполнить эти действия в ответном письме, а также в кратчайшие сроки подготовить и выдать на руки адвокату П. ответ на запрос.

Кроме того, в анализируемом адвокатском запросе было указано, что неправомерный отказ адвокату в предоставлении информации в связи с поступившим от него адвокатским запросом, несвоевременное предоставление соответствующей информации либо предоставление недостоверной информации влекут административную ответственность.

Факт направления адвокатского запроса вышеуказанного содержания в адрес физического лица К. подтвержден материалами дисциплинарного производства, в том числе объяснениями адвоката П.

Адвокатский запрос от 08 ноября 2021 года № ... по форме соответствует Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2016 года № 288, однако по содержанию он не отвечает ни требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни решениям Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее ФПА РФ).

Вместе с тем, требования к форме и содержанию адвокатского запроса должны соблюдаться адвокатом уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными.

Понятие адвокатского запроса, его цель и предназначение сформулированы в ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Требования к форме и порядку направления адвокатского запроса установлены Приказом Минюста РФ от 14 декабря 2016 года № 288.

Так, согласно п. 1 указанной статьи Закона, адвокатский запрос представляет собой официальное обращение адвоката в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и

иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

Вопрос о корректности использования адвокатами предоставленного им федеральным законодателем публичного правомочия по направлению адвокатского запроса, в том числе о порядке и допустимых целях использования этого специального правового инструмента, неоднократно и детально рассматривался органами адвокатского самоуправления. Так, Совет ФПА РФ в Решении «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) и в Решении «Об адвокатском запросе» от 08 июля 2021 года (Протокол № 4) указывает следующее:

«...адвокатский запрос выступает материальным механизмом, обеспечивающим реализацию конституционно значимой функции по оказанию юридической помощи. Данное полномочие предоставлено лицам, имеющим статус адвоката, исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, – то есть сбора уже имеющихся у адресата адвокатского запроса конкретно определенных сведений, совокупность которых позволит обосновать позицию в интересах доверителя, по вопросам, входящим в компетенцию адресата.

Использование адвокатского запроса не в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю или в не предусмотренных законом целях (не для сбора доказательств) недопустимо, так же как недопустим сбор информации следователем или судом вне расследования или рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела».

Оба решения Совета ФПА РФ находятся в открытом доступе и доведены до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте ФПА РФ (<<https://fparf.ru>>).

Указанные Решения приняты Советом ФПА РФ в пределах его компетенции и подлежат выполнению всеми членами адвокатского сообщества в силу требований п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что Адвокатский запрос от 08 ноября 2021 года № ... адресован и направлен адвокатом П. не в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, как это предусматривает Закон, а физическому лицу – К., и не для сбора имеющихся у адресата запроса конкретно определенных сведений, а в целях устранения препятствий со стороны К. в доступе доверителю адвоката П. - А. к движимому и недвижимому имуществу наследодателя Ко.

Наличие в запросе указания об ответственности за непредставление сведений либо представление неполных или недостоверных сведений в ответе на адвокатский запрос указывает на намерение адвоката П. посредством направления запроса оказать на К. определенное давление для понуждения к совершению указанных в запросе действий в интересах своего доверителя.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом П. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и решений Совета ФПА РФ.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката П. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что она нарушение допустила впервые, признала его, существенного вреда интересам К. не причинено. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение п. 1 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Решений Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) и «Об адвокатском запросе» от 08 июля 2021 года (Протокол № 4), выразившееся в том, что она направила в адрес К. Адвокатский запрос от 08 ноября 2021 года № ... не для получения от К. конкретно определенных сведений (доказательств), необходимых адвокату П. в целях оказания квалифицированной юридической помощи доверителю А., а для того, чтобы понудить К. совершить определенные действия (обеспечить доверителю адвоката П. – А. доступ к квартирам и иному имуществу наследодателя Ко., передать ключи от принадлежавших ему квартир, составить опись имущества и т.д.).

3. Совет прекратил статус адвоката, который более двух лет не уведомлял об изменении членства совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намеревался стать после исключения сведений о нем из Реестра адвокатов города Москвы.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 22 июня 2022 года адвокатом Т. допущено неисполнение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и абз. 1 п. 5 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 года (Протокол № 4) в редакции Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 14 февраля 2020 года, принятого Советом федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в пределах его компетенции и основанного на положениях абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Одновременно с этим Квалификационной комиссией в Заключении указано о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2022 года № ... (вх. № ... от 20.05.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что Заключение Квалификационной комиссии получено ею своевременно, с содержанием Заключения ознакомлена и согласна с выводами Комиссии, предложила прекратить Т. статус адвоката.

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве указано, что в соответствии со статьей 14 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 63-ФЗ) территориальный орган Минюста России ведет реестр адвокатов субъекта Российской Федерации.

Сведения об адвокатах вносятся территориальными органами Минюста России в федеральную государственную информационную систему «Учет адвокатов» Российской Федерации и адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации» (далее – ФГИС «Учет адвокатов»), сведения из которой, за исключением сведений, доступ к которым ограничен федеральным законом, размещены на официальном сайте lawyers.minjust.ru в сети Интернет.

Из уведомления Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 25.07.2019 № ... следует, что адвокат Т. принял решение об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Ч.

Республики. Распоряжением Главного управления Минюста России по Москве от 14.08.2019 № ... сведения об адвокате Т. исключены из регионального реестра адвокатов г. Москвы. Однако в соответствии с информацией, имеющейся в ФГИС «Учет адвокатов», указанный адвокат до настоящего времени не внесен в реестр адвокатов Ч. Республики либо иные реестры адвокатов субъектов Российской Федерации.

Таким образом, адвокат Т. в нарушение пунктов 5 и 6 статьи 15 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра не уведомил об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать, а также не уведомил в трехмесячный срок совет адвокатской палаты об избранной им форме адвокатского образования.

В связи с этим, в действиях адвоката Т., по мнению заявителя, содержится длящееся нарушение требований законодательства, установленных подпунктом 4 пункта 1 статьи 7, пунктом 2 статьи 13, пунктами 5 и 6 статьи 15, пунктом 7 статьи 35 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ; пунктом 2 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 02.04.2010 года (в редакции Решения от 14 февраля 2020 года).

К представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2022 года о прекращении статуса адвоката Т. приложены:

- ответ Адвокатской палаты Ч. Республики № ... от 06 мая 2022 года на запрос Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве (на одном листе);

- уведомление Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 июля 2019 года № ... (на одном листе).

Адвокатской палатой города Москвы 08 июня 2022 года на электронный почтовый адрес адвоката Т. была направлена копия представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2022 года №

08 июня 2022 года от адвоката Т. с электронного почтового адреса <...> в Адвокатскую палату города Москвы на электронный почтовый адрес <...> поступило электронное письмо (вх. № ... от 14 июня 2022 года), в котором адвокат указал: «С внесённым представлением согласен, прошу прекратить мой статус адвоката».

Материалами дисциплинарного производства установлено, что 13 мая 2015 года в Совет Адвокатской палаты города Москвы поступило заявление адвоката Т. с просьбой принять его в члены Адвокатской палаты города Москвы с указанием на то, что сведения о нем исключены из Реестра адвокатов Ч. Республики (вх. № ... от 13.05.2015).

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 19 мая 2015 года (Протокол № 6. Постановление № 5) адвокат Т. был принят в Адвокатскую палату города Москвы в связи с изменением членства в Адвокатской палате Ч. Республики.

08 июля 2019 года в Совет Адвокатской палаты города Москвы поступило заявление адвоката Т. о принятии им решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Ч. Республики (вх. № ... от 09.07.2015).

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 июля 2019 (Протокол № 7, Решение № 115) адвокат Т. исключен из членов Адвокатской палаты города Москвы в связи с принятием решения об изменении членства в Адвокатской палате города Москвы на членство в Адвокатской палате Ч. Республики, о чем было уведомлено Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

14 августа 2019 года Распоряжением Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве № ... сведения об адвокате Т. были исключены из Реестра адвокатов города Москвы.

Однако данных о том, что адвокат Т. является членом Адвокатской палаты Ч. Республики либо адвокатской палаты другого субъекта Российской Федерации, ФГИС «Учет адвокатов» не содержит.

Адвокат Т. доводы, изложенные в Представлении, не оспаривает.

Оценивая установленные обстоятельства, Квалификационная комиссия в своём Заключении правильно отметила, что согласно положениям, изложенным в п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат может одновременно являться членом адвокатской палаты только одного субъекта Российской Федерации, сведения о нем вносятся только в один региональный реестр.

В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат, принявший решение об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации, уведомляет об этом заказным письмом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (далее также – совет адвокатской палаты, совет), членом которой он является.

Об указанном решении адвоката совет уведомляет территориальный орган юстиции в десятидневный срок со дня получения уведомления адвоката. В случае наличия у адвоката задолженности по отчислениям перед адвокатской палатой совет вправе не направлять указанное уведомление до полного погашения адвокатом суммы задолженности.

Территориальный орган юстиции исключает сведения об адвокате из регионального реестра не позднее чем через месяц со дня получения уведомления совета. При этом адвокат обязан сдать свое удостоверение в территориальный орган юстиции. Взамен сданного адвокатом удостоверения территориальный орган юстиции выдает адвокату документ,

подтверждающий статус адвоката. В данном документе указываются дата внесения сведений об адвокате в региональный реестр и дата исключения сведений об адвокате из регионального реестра. Адвокат в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра заказным письмом обязан уведомить об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать.

Совет адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации в месячный срок со дня получения от адвоката указанного уведомления проверяет сведения об адвокате и выносит решение о его приеме в члены адвокатской палаты. Об этом решении совет уведомляет территориальный орган юстиции и адвоката в десятидневный срок со дня принятия решения.

Территориальный орган юстиции в месячный срок со дня получения уведомления от совета вносит сведения об адвокате в региональный реестр и выдает адвокату новое удостоверение.

Кроме того, п. 6 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что адвокат после изменения им членства в адвокатской палате обязан уведомить совет адвокатской палаты, членом которой он стал, об избранной им форме адвокатского образования в трехмесячный срок со дня внесения сведений о нем в региональный реестр в связи с изменением членства.

В соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» порядок изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации определяется советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Порядку изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации (утвержден Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 года (Протокол № 4), с изменениями от 14 февраля 2020 года; размещен на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где доступен по ссылке <<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/order/>>):

«Статус адвоката и членство в адвокатской палате являются непрерывными, за исключением случаев, предусмотренных законом» (абз. 1 п. 1);

«Изменение членства в адвокатской палате представляет собой единую процедуру, которая инициируется направляемым адвокатом уведомлением и завершается вынесением решения совета о принятии в члены адвокатской палаты по месту регистрации» (абз. 2 п. 2);

«До вынесения советом соответствующей адвокатской палаты решения о приеме в члены палаты адвокат обязан информировать совет адвокатской палаты по прежнему месту регистрации по вопросам, связанным с завершением адвокатской деятельности на территории субъекта РФ, в том числе об отсутствии либо исполнении обязательств перед доверителями, и несет перед этой палатой ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей» (п. 3);

«Адвокат в месячный срок со дня исключения сведений о нем из регионального реестра адвокатов обязан заказным письмом либо личным заявлением уведомить об этом совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намерен стать.

К уведомлению о принятии в члены адвокатской палаты адвокат прилагает выданную уполномоченным органом справку, подтверждающую статус адвоката, надлежащим образом заверенный документ, подтверждающий изменение регистрации по месту жительства, а также иные документы, предусмотренные правилами адвокатской палаты, в которую подается уведомление.

Совет палаты, рассматривающий уведомление об изменении членства, вправе запросить в адвокатской палате, членом которой адвокат являлся, копии материалов его личного дела.

Копия решения о принятии в члены адвокатской палаты направляется в адвокатскую палату, членом которой адвокат ранее являлся. В случае, если адвокат осуществлял адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете, указанное решение является основанием для исключения сведений об адвокатском кабинете из реестра адвокатских образований» (п. 5).

Решения Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и ее органов, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех адвокатских палат и адвокатов (п. 7 ст. 35 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Адвокат обязан исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

После издания 14 августа 2019 года Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Распоряжения № ... об исключении сведений об адвокате Т. из Реестра адвокатов города Москвы адвокат Т. вплоть до настоящего времени, в нарушение абз. 1 п. 5 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 года (Протокол № 4), с изменениями

от 14 февраля 2020 года), основанного на предписании абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не исполнил обязанность уведомить совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой он намеревался стать после исключения сведений о нем из Реестра адвокатов города Москвы, о принятом им решении об изменении членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации.

Наличие в действиях (бездействии) адвоката Т. нарушения свидетельствует о распространении на него дисциплинарной юрисдикции органов Адвокатской палаты города Москвы, поскольку членом адвокатской палаты иного субъекта Российской Федерации адвокат Т. с 14 августа 2019 года вплоть до настоящего времени не стал (п. 2 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации, утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 года (Протокол № 4), в редакции Решения от 14 февраля 2020 года).

Совет соглашается с указанными выводами Квалификационной комиссии и признаёт презумпцию добросовестности адвоката Т. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении нарушений доказанной.

Вместе с тем Квалификационная комиссия не усмотрела оснований для вывода о нарушении адвокатом Т. требований п. 6 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», поскольку вследствие невнесения сведений о нем в региональный реестр в связи с изменением членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации у него не возникло обязанности по уведомлению совета адвокатской палаты, членом которой он стал, об избранной им форме адвокатского образования.

С этим выводом Квалификационной комиссии Совет также соглашается.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его умышленный, грубый и длительный характер, что свидетельствует об очевидном пренебрежении адвокатом Т. требованиями законодательства, Кодекса профессиональной этики адвоката, а также решений, принятых органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции.

Учитывая эти обстоятельства, а также длительную утрату адвокатом Т. связи с адвокатским сообществом, Совет полагает необходимым применить к

адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет признаёт, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в один год.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1 п. 1 и 2, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и абз. 1 п. 5 Порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации и урегулирования некоторых вопросов реализации адвокатом права на осуществление адвокатской деятельности на территории Российской Федерации, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2010 года (Протокол № 4) в редакции Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 14 февраля 2020 года, принятого Советом федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в пределах его компетенции и основанного на положениях абз. 3 п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Установить в отношении Т. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, в один год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2022 года № ... (вх. № ... от 20.05.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

4. Адвокат получила предупреждение за участие в судебном заседании после расторжения Соглашения с доверителем.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 02 марта 2022 года адвокатом С. допущено нарушение положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности...»*), выразившееся в том, что 25 мая 2021 года она участвовала в судебном заседании Г. районного суда города Москвы при рассмотрении гражданского дела № ... в интересах истца – доверителя Р. после расторжения доверителем Р. Соглашения об оказании юридической помощи от 08 декабря 2020 года, имевшего место 24 февраля 2021 года, о чем адвокату С. стало известно не позднее 23 апреля 2021 года.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя – Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась частично, возражала против частичного прекращения дисциплинарного производства, в связи с чем ходатайствовала о направлении его в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав представителя заявителя, Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией установлено, что 08 декабря 2020 года между адвокатом С. и Р. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с условиями которого адвокат С. приняла обязательство оказать Р. следующие виды юридической помощи: *«подготовка иска, представление интересов в Г. районном суде города*

Москвы по делу об установлении факта принятия наследства (доли в квартире)». Оказание юридической помощи было ограничено представлением интересов Р. в суде первой инстанции, обжалование судебного акта в вышестоящих инстанциях не входило в объем поручения по соглашению.

В этот же день Р. нотариально оформила адвокату С. доверенность на представление интересов Р. в судах, прокуратуре, службе судебных приставов.

Квалификационной комиссией также установлено, что адвокат С. на основании ордера от 24 февраля 2021 года № ..., выданного М... коллегией адвокатов, представляла интересы Р. в Г. районном суде города Москвы при рассмотрении гражданского дела № ... по иску Р. и других лиц (соистцов) к Р. о признании недействительным свидетельства о праве на наследство по закону, признании права собственности на недвижимое имущество. Так, она участвовала в качестве представителя Р. в судебных заседаниях по указанному делу 25 февраля, 30 марта, 23 апреля и 27 апреля (после перерыва), 25 мая 2021 года, а также дважды знакомилась с материалами дела в Г. районном суде города Москвы – 25 февраля и 23 апреля 2021 года.

24 февраля 2021 года Р. подала в экспедицию Г. районного суда города Москвы собственноручно подписанное ею заявление, в котором просила вернуть исковое заявление на доработку и не допускать адвоката С. к судебному процессу в качестве своего представителя.

Кроме того, 30 марта 2021 года Р. отменила ранее выданную адвокату С. доверенность, и соответствующие сведения были внесены в реестр нотариальных действий.

Учитывая последовательность описанных действий Р., Совет расценивает их как однозначно свидетельствующие о том, что по состоянию на 24 февраля 2021 года Р. не намеревалась продолжать сотрудничество с адвокатом С., поскольку воля Р. на прекращение полномочий адвоката С., связанных с представлением Р. в Г. районном суде города Москвы при рассмотрении гражданского дела № ..., была ясно и недвусмысленно выражена ею в заявлении, поданном в суд 24 февраля 2021 года.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что 25 мая 2021 года адвокат С. участвовала в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по гражданскому делу № ... в качестве представителя истца Р. после расторжения последней Соглашения об оказании юридической помощи от 08 декабря 2020 года, Совет принимает во внимание следующие обстоятельства.

Согласно объяснениям адвоката С. с заявлением Р. она ознакомилась 23 апреля 2021 года, после чего устно обсудила с ней данный вопрос и получила от нее устное подтверждение о продолжении работы. Однако у нее отсутствует письменное подтверждение доверителя Р. о том, что последняя, вопреки ранее поданному в суд заявлению о недопуске адвоката С. и отмене выданной ей доверенности, решила продолжить сотрудничество с ней.

При таких обстоятельствах Совет отклоняет как несостоятельный и голословный довод адвоката С. о том, что доверитель Р. не отказывалась от её юридической помощи и не расторгала соглашение от 08 декабря 2020 года в письменном виде.

Относительно отмены доверенности адвокат С. указала, что доверенность была оформлена для ее участия в интересах Р. в другом судебном деле, и что она не получала от доверителя Р. уведомления об отмене доверенности.

Лицо, выдавшее доверенность и впоследствии отменившее ее, обязано известить об отмене лицо, которому доверенность выдана, а также известных ему третьих лиц, для представительства перед которыми дана доверенность (п. 1 ст. 189 ГК РФ).

Вопреки доводам представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, Совет обращает внимание, что лицо, которому выдана доверенность (представитель), в отличие от третьих лиц, то есть лиц, не являющихся непосредственными участниками правоотношений, возникающих в связи с выдачей доверенности, не считается извещенным о совершенной в нотариальной форме отмене доверенности на следующий день после внесения сведений об этом в реестр нотариальных действий (последний абзац п. 1 ст. 189 ГК РФ). При этом непосредственными участниками указанных правоотношений являются представитель и представляемый (ст. 185 ГК РФ).

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства того обстоятельства, что приведенное выше законоположение было соблюдено Р., и что она известила адвоката С. об отмене выданной на ее имя доверенности.

Вместе с тем, адвокат С., ознакомившись с заявлением, поданным Р. в Г. районный суд города Москвы 24 февраля 2021 года, не могла не понять из текста данного заявления, что Р. фактически расторгла ранее заключенное ими соглашение об оказании юридической помощи от 08 декабря 2020 года и прекратила ранее предоставленные адвокату С. полномочия по исполнению поручения представлять ее интересы в суде вне зависимости от того, были они оформлены доверенностью или нет. Как указано выше, содержание данного заявления ясно и недвусмысленно выражает волеизъявление Р. об отказе от заключенного соглашения с адвокатом С.

При таких обстоятельствах адвокат С., действуя разумно и добросовестно, была обязана прекратить свое участие в гражданском деле. Однако, как усматривается из материалов дисциплинарного производства, этого адвокатом С. сделано не было.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основании соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме. Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются ГК РФ с

изъятиями, предусмотренными указанным Федеральным законом. Таким образом, Р. имела безусловное право в одностороннем порядке заявить о расторжении заключенного с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи.

По указанным причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а её вину нарушении положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в участии 25 мая 2021 года в судебном заседании Г. районного суда города Москвы при рассмотрении гражданского дела № ... в интересах истца – доверителя Р., - установленной.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения, в том, что адвокат С. незаконно участвовала 16 августа 2021 года в заседании судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по апелляционной жалобе представителя Р. на решение Г. районного суда города Москвы от 25 мая 2021 года, Совет отмечает, что в апелляционном определении содержатся сведения о том, что 16 августа 2021 года заседание судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по апелляционной жалобе представителя Р. на решение Г. районного суда города Москвы от 25 мая 2021 года было проведено в отсутствие лиц, участвующих в деле, включая истца Р. и ее представителя.

Адвокат С. свое участие в указанном судебном заседании 16 августа 2021 года в интересах Р. категорически отвергает, ссылаясь, в том числе на условия заключенного 08 декабря 2020 года соглашения и отсутствие соответствующего поручения.

Иных доказательств совершения адвокатом С. рассматриваемого дисциплинарного нарушения, помимо апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 августа 2021 года, Главным управлением в материалы дисциплинарного производства не представлено. При этом, вопреки мнению представителя заявителя, из содержания указанного определения также не следует, что адвокат С. участвовала в судебном заседании суда апелляционной инстанции, поскольку о её участии в определении упоминается лишь при описании позиций сторон в суде первой инстанции.

Учитывая изложенные обстоятельства, Совет не находит оснований для удовлетворения ходатайства представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве о направлении настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства и приходит к выводу о том, что в указанной части презумпция добросовестности адвоката С. не опровергнута.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный ею дисциплинарный проступок, Совет учитывает

его грубый и умышленный характер. Профессиональное поведение адвоката С. свидетельствует об игнорировании ею основополагающих требований законодательства и профессиональной этики.

Вместе с тем, учитывая признание адвокатом С. вины в совершении дисциплинарного проступка, раскаяние и заверение в будущем не допускать подобных действий, а также принятые ею меры по заглаживанию причинённого доверителю вреда, письменное обращение Р. к Совету, в котором она указывает, что адвокат С. полностью возвратила ей гонорар, предусмотренный соглашением, а также просит не применять к ней самую строгую меру дисциплинарной ответственности (вх. № ... от 30.05.2022), Совет полагает возможным предоставить адвокату С. возможность скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества. По этим причинам Совет приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности...»*), выразившееся в том, что 25 мая 2021 года она участвовала в судебном заседании Г. районного суда города Москвы при рассмотрении гражданского дела № ... в интересах истца – доверителя Р. после расторжения доверителем Р. Соглашения об оказании юридической помощи от 08 декабря 2020 года, имевшего место 24 февраля 2021 года, о чем адвокату С. стало известно не позднее 23 апреля 2021 года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокат С. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 21 января 2022 года № ... (вх. № ... от 28.01.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

5. Адвокат наказан за подачу иска о взыскании с доверителя в свою пользу денежных средств по договорам займа в период действия соглашения об оказании юридической помощи. Помимо этого, при подаче заявления об обеспечении иска адвокат использовал сведения

об объектах недвижимости доверителя, ставшие ему известными в ходе оказания этому доверителю юридической помощи.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 02 марта 2022 года адвокатом К. допущены:

нарушение пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя), выразившееся в том, что в период действия соглашения об оказании юридической помощи (Договора № ... на оказание консультационных (юридических) услуг адвокатом физическому лицу от 18 июля 2019 года), заключенного между адвокатом К. и доверителем В., адвокат К. 20 ноября 2020 года обратился в Ч. районный суд города Москвы с исковыми требованиями о взыскании с В. в свою пользу суммы основного долга по договорам займа от 05 октября 2018 года и от 24 декабря 2018 года в размере 950 000 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, процентов за пользование займами в размере 239 700 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 76 687 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, а также расходов по оплате государственной пошлины в размере 60 000 рублей;

нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что адвокат К. 12 апреля 2021 года обратился в Ч. районный суд города Москвы с заявлением об обеспечении иска по гражданскому делу № ... от 12 апреля 2021 года, к которому приложил выписки из Единого государственного реестра недвижимости, полученные с использованием сведений о принадлежащем В. недвижимом имуществе, ставших ему известными в ходе оказания ей юридической помощи, а затем привел информацию о недвижимом имуществе В. в заявлении от 12 мая 2021 года, поданном в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по городу Москве;

ненадлежащее, вопреки положениям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю ... доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в том, что:

- после получения 20 сентября 2021 года просьбы доверителя В. о предоставлении отчета о проделанной работе, содержащейся в уведомлении (требовании) от 06 сентября 2021 года, адвокат К. не представил доверителю В. отчет о проделанной работе;

- после отмены 06 сентября 2021 года поручения доверителем В., адвокат К. не возвратил ей Доверенность № ... от 25 февраля 2020 года, выданную адвокату К. на представление интересов В., удостоверенную нотариусом города Москвы Д.

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобам В. без даты (вх. № ... от 03.12.2021) и от 24 декабря 2021 года (вх. № ... от 24.12.2021):

в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом К. неквалифицированной юридической ООО «...»; в нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката в связи с оказанием им ранее юридической помощи Ко.; в совершении в 2018-2019 годах «банковских операций» в нарушение «правил и норм Постановления Правительства РФ от 09 апреля 2021 года № 569 “Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации” - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель В., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, обеспечила явку своего представителя – адвоката З., который подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласился. Дополнительно пояснил, что В. узнала о том, что состоялось судебное решение о взыскании с нее денежных средств по договорам займа, примерно в конце зимы в 2021 году.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии в целом согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, указал, что, по его мнению, законодательство не запрещало ему вступать в гражданско-правовые отношения с доверителем В. Договор займа с В. заключался, чтобы было лучше для неё, при этом он был с ней честен. Считает, что не мог в одностороннем порядке расторгнуть договор об оказании юридической помощи, и так вышло, что он слишком много на себя взял и как инвестор, и как юрист, и как потом истец. Все выписки по объектам недвижимости были получены им из системы «...».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым скорректировать объем дисциплинарных обвинений.

Установлено, что начиная с 2013 года адвокат К. оказывал заявителю В. комплексную юридическую помощь по широкому кругу вопросов на основании различных соглашений об оказании юридической помощи, включая действовавший во время рассматриваемых событий Договор № ... на оказание консультационных (юридических) услуг адвокатом физическому лицу от 18 июля 2019 года (далее – Договор от 18 июля 2019 года № ...), предусматривавший консультирование доверителя В. по правовым вопросам, а также *«осуществление всех необходимых действий, предусмотренных законодательством РФ»* в ее интересах по ее требованию *«при появлении достаточных правовых оснований»*, *«представление интересов Доверителя в следственных, судебных органах и иных организациях по вопросам, относящимся к предмету настоящего договора»* при наличии юридических оснований. Для исполнения своих поручений В. выдавала адвокату К. доверенности, в том числе и доверенность от 25 февраля 2020 года ..., удостоверенную нотариусом Д.

Заявитель В. и адвокат К. ежемесячно, в том числе в период с января 2020 года по январь 2021 года включительно, подписывали составлявшиеся последним акты о выполненных услугах по указанному Договору.

В период оказания юридической помощи В. между нею как заемщиком и адвокатом К. как займодавцем были заключены Договор займа денежных средств между частными лицами от 05 октября 2018 года на сумму 700 000 долларов США и аналогичный договор от 24 декабря 2018 года на сумму 250 000 долларов США. В подтверждение передачи денежных средств по вышеуказанным договорам сторонами были составлены расписки от 05 октября 2018 года и от 24 декабря 2018 года. Впоследствии В. факт передачи денежных средств по данным договорам займа стала оспаривать, указывая, что договоры являлись *«фиктивными»*, то есть безденежными.

14 сентября 2020 года, в период оказания В. юридической помощи по Договору от 18 июля 2019 года № 18619, адвокат К. направил в адрес В. претензию от 14 сентября 2020 года с предложением в добровольном порядке в срок до 14 октября 2020 года погасить задолженность по договорам займа, а затем, 20 ноября 2020 года, подал в Ч. районный суд города Москвы исковое заявление от 12 ноября 2020 года о взыскании с В. в свою пользу суммы основного долга по договорам займа от 05 октября 2018 года и от 24 декабря 2018 года в размере 950 000 долларов США, процентов за пользование займами в размере 239 700 долларов США, процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 76 687 долларов США (всё в рублевом эквиваленте по курсу ЦБ РФ на день исполнения решения суда), а также расходов по оплате государственной пошлины в размере 60 000 рублей.

Решением Ч. районного суда города Москвы от 26 января 2021 года исковые требования адвоката К. к В. были удовлетворены. Впоследствии суды апелляционной и кассационной инстанций с этим решением согласились.

12 апреля 2021 года адвокат К. обратился в Ч. районный суд города Москвы с заявлением об обеспечении своего иска, в котором просил наложить арест на имущество В., а именно: 1/6 долю в праве собственности на квартиру (Москва, ул. ...); квартиру в М. области (О. район, ...); жилой дом в М. области (район К., ...); квартир в Москве (ул. ...). К этому заявлению адвокат К. приложил выписки из ЕГРН, подтверждающие права В. на перечисленное имущество. На этом основании определением Ч. районного суда города Москвы от 16 апреля 2021 года, вынесенным по заявлению адвоката К., был наложен арест на денежные средства и имущество В. Судом также был выдан исполнительный лист от 12 мая 2021 года № После этого адвокат К. обратился в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по городу Москве с заявлением от 12 мая 2021 года о принятии исполнительного листа для исполнения.

Заявитель В. направила в адрес адвоката К. уведомление (требование) от 06 сентября 2021 года (получено адресатом 20 сентября 2021 года), в котором, в числе прочего, сообщила адвокату К. о расторжении соглашения об оказании юридической помощи в одностороннем порядке по инициативе доверителя, потребовала от адвоката К. представить ей отчет о проделанной им работе за 2020-2021 год, а также вернуть документы, полученные им в ходе оказания ей юридической помощи.

Затем В. направила в Адвокатскую палату города Москвы две жалобы (вх. № ... от 03.12.2021, вх. № ... от 24.12.2021), где поставила вопрос о привлечении адвоката К. к строгой дисциплинарной ответственности за злоупотребление её доверием, проигрыш поручавшихся ему дел, вовлечение её в фиктивные заемные операции, сокрытие поданного против неё иска, шантаж и другие нарушения.

Переходя к рассмотрению изложенных в жалобах В. дисциплинарных обвинений, Совет, прежде всего, соглашается с Квалификационной комиссией в том, что доводы заявителя о безденежности договоров займа, заключенных между нею и адвокатом К., не только не подтверждены какими-либо доказательствами, но и опровергнуты вступившим в законную силу решением Ч. районного суда города Москвы от 26 января 2021 года, подтвердившим факты заключения спорных договоров займа и получение В. денежных средств от адвоката К.

Равным образом не нашли подтверждения в ходе дисциплинарного производства доводы жалоб В. о том, что адвокат К., злоупотребляя её доверием, скрыл факт судебного разбирательства в Ч. районном суде города Москвы по своему иску к В., в том числе путем получения за В. адресованной ей почтовой корреспонденции по доверенности, выданной В. адвокату К. для оказания ей юридической помощи. Квалификационной комиссией

обоснованно отвергнуты и доводы заявителя о том, что адвокат К. умышленно скрывал от неё факт подачи против неё иска и соответствующие судебные уведомления. В Заключении Квалификационной комиссии приведены подробные обоснования этих выводов, с которыми Совет также соглашается.

В то же время Совет обращает внимание на тот факт, что адвокат К. обратился в Ч. районный суд города Москвы с иском о взыскании с В. долга по договорам займа 20 ноября 2020 года - в период действия соглашения об оказании ей юридической помощи (Договора от 18 июля 2019 года № 18619), которое было расторгнуто по инициативе доверителя В. лишь 06 сентября 2021 года. Материалами дисциплинарного производства достоверно установлено, что на момент обращения адвоката К. к В. с претензией от 14 сентября 2020 года, а равно и на момент подачи им 20 ноября 2020 года искового заявления к ней, юридическая помощь В. им по-прежнему оказывалась. Это, в частности, следует из актов от 18 сентября, 18 октября, 18 ноября, 18 декабря 2020 года, от 18 января 2021 года о выполненных услугах по договору от 18 июля 2019 года № ... и ряда других документов.

При таких обстоятельствах, предъявив искомые требования к своему доверителю В. и тем самым став её процессуальным оппонентом, адвокат К. явно не мог действовать в её законных интересах, которые состояли, в том числе, и в возражении против иска адвоката К., а также в реализации прав, предусмотренных ст. 35 ГПК РФ.

Адвокат К. со всей очевидностью действовал в собственных интересах как истец по предъявленному им к В. гражданскому иску, и эти интересы прямо противоречили интересам последней. По этой причине заявление адвокатом К. требований имущественного характера к доверителю В. было явно несовместимо с продолжением оказания ей юридической помощи по Договору от 18 июля 2019 года № ... Изложенное указывает на нарушение адвокатом К. пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающего адвокату действовать вопреки законным интересам доверителя.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в использовании адвокатом К. информации об имуществе В., полученной им в ходе оказания ей юридической помощи, при подаче заявления об обеспечении иска в Ч. районный суд города Москвы, Совет исходит из требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката: *«Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре».*

Установлено, что в ходе оказания В. юридической помощи в гражданском судопроизводстве адвокат К. неоднократно знакомился с материалами дел, находившихся в производстве различных судов, где имелись сведения об объектах недвижимости, принадлежащих В., по адресам: ...

Изложенные обстоятельства указывают на то, что адвокат К., получив в ходе оказания юридической помощи доверителю В. сведения о принадлежащем ей недвижимом имуществе, привел их в своих заявлениях от

12 апреля 2021 года в Ч. районный суд города Москвы об обеспечении своего иска к В., а затем - в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по городу Москве для осуществления принудительного взыскания с неё. При этом объяснения адвоката К. о том, что сведения об имуществе В. были получены им из системы «...», а равно и иными общедоступными способами, отклоняются Советом как не влияющие на оценку его профессионального поведения, поскольку возможность дальнейшего получения им сведений, в том числе уточненных, об имуществе В. из иных источников не опровергает установленного в ходе дисциплинарного производства факта первоначальной осведомленности адвоката К. о вышеперечисленных объектах недвижимого имущества именно в связи с оказанием В. юридической помощи.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом К. требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что он 12 апреля 2021 года обратился в Ч. районный суд города Москвы с заявлением об обеспечении иска по гражданскому делу № ..., к которому приложил выписки из ЕГРН, полученные с использованием сведений о принадлежащем В. недвижимом имуществе, ставших ему известными в ходе оказания ей юридической помощи, а затем привел информацию о недвижимом имуществе В. в заявлении от 12 мая 2021 года, поданном в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по городу Москве.

Рассматривая доводы В. об удержании адвокатом К. выданной ему В. Доверенности от 25 февраля 2020 года ..., удостоверенной нотариусом Д., и иных документов, полученных им в ходе оказания В. юридической помощи, а также о непредставлении адвокатом К. отчета о проделанной работе, Совет руководствуется п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому *«при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе»*.

По этому поводу адвокат К. пояснил, что Доверенность от 25 февраля 2020 года ... с истекшим сроком действия находится у него, поскольку В. ее не запросила. При этом адвокат К. отрицал наличие у него каких-либо иных подлинных документов, полученных от В. Кроме того, адвокат К. представил в материалы дисциплинарного производства акты о выполненных услугах по договору от 18 июля 2019 года № ... за период с 18 февраля 2021 года по 18 сентября 2021 года, которые подписывались им в одностороннем порядке и направлялись на электронный почтовый ящик заявителя В. Как следует полагать, указанные акты, по мнению адвоката К., должны были заменить отчеты об исполненной им работе.

Совет обращает внимание, что в уведомлении (требовании) В. в адрес адвоката К. от 06 сентября 2021 года содержится, в числе прочего, требование

о представлении отчета о проделанной работе, которое в силу приведенных выше положений Кодекса профессиональной этики адвоката порождает обязанность адвоката К. исполнить это требование. При этом содержание актов о выполненных услугах не позволяет признать их отчетами о проделанной работе по смыслу нормы п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Они не содержат информации о конкретных действиях адвоката, совершенных в интересах доверителя, а содержат лишь общую формулировку о том, что *«в соответствии с данным договором за указанный период Адвокатский кабинет осуществлял абонентское юридическое обслуживание, регулярные устные консультации и письменные консультации по юридическим вопросам текущей деятельности Клиента»*.

При таких обстоятельствах Совет признаёт установленным ненадлежащее, вопреки положениям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в непредставлении ей отчета о проделанной работе в ответ на требование об этом.

В то же время Совет не усматривает дисциплинарного нарушения в невозвращении заявителю адвокатом К. доверенности от 25 февраля 2020 года ... Из текста указанной доверенности следует, что срок её действия - один год, и таким образом, на момент направления В. уведомления (требования) адвокату К. от 06 сентября 2021 года доверенность утратила юридическую силу и не могла быть использована по назначению. Поэтому, вопреки выводу Квалификационной комиссии, Совет полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в данной части.

Доказательств того, что адвокат К. располагает иными подлинными документами, полученными от В., заявителем в материалы дисциплинарного производства не представлено. Учитывая данное обстоятельство, Совет полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части дисциплинарного обвинения в удержании адвокатом К. документов, полученных им в ходе оказания юридической помощи доверителю В., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

По основаниям, приведённым в Заключение Квалификационной комиссии, Совет также считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части следующих дисциплинарных обвинений: в получении адвокатом К. информации о принятии к производству Арбитражного суда города Москвы заявления ИФНС России № ... по городу Москве о признании несостоятельной (банкротом) ИП В., а равно и о банковском счете В. именно в ходе оказания ей юридической помощи адвокатом К.; в оказании адвокатом К. неквалифицированной юридической помощи, включая судебные разбирательства с участием ООО «...»; в «подыгрывании» процессуальным оппонентам заявителя путем сообщения им информации, негативно влияющей на В. или помогающей им «выигрывать» судебные процессы; в обещаниях

адвокатом К. положительного результата оказания юридической помощи; в размещении «на сайтах» адвоката К. указания на то, что он «лучший адвокат» и «ради клиента готов на все»; в оказании юридической помощи в условиях противоречия интересов доверителей; в проявленном к В., как к бывшему доверителю, неуважении со стороны адвоката К.; в совершении адвокатом К. действий, нарушающих неприкосновенность частной жизни В., выразившихся в изготовлении «тайных видео в частной собственности» В.; в том, что банковскими операциями, совершенными в 2018-2019 годах, адвокат К. нарушил требования Постановления Правительства РФ от 09 апреля 2021 года № 569 «Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами, доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за допущенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом основополагающих профессиональных обязанностей, повлекшем конфликт с доверителем и утрату его доверия.

Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал совершенные нарушения.

При таких обстоятельствах Совет полагает возможным сохранить адвокату К. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- нарушение пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя»), выразившееся в том, что в период действия соглашения об оказании юридической помощи (Договора № ... на оказание консультационных (юридических) услуг адвокатом физическому лицу от 18 июля 2019 года),

заключенного между адвокатом К. и доверителем В., он 20 ноября 2020 года обратился в Ч. районный суд города Москвы с исковыми требованиями о взыскании с В. в свою пользу суммы основного долга по договорам займа от 05 октября 2018 года и от 24 декабря 2018 года в размере 950 000 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, процентов за пользование займами в размере 239 700 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 76 687 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Центрального Банка РФ на день исполнения решения суда, а также расходов по оплате государственной пошлины в размере 60 000 рублей;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), выразившееся в том, что он 12 апреля 2021 года обратился в Ч. районный суд города Москвы с заявлением об обеспечении иска по гражданскому делу № ..., к которому приложил выписки из Единого государственного реестра недвижимости, полученные с использованием сведений о принадлежащем В. недвижимом имуществе, ставших ему известными в ходе оказания ей юридической помощи, а затем привел информацию о недвижимом имуществе В. в заявлении от 12 мая 2021 года, поданном в Межрайонный отдел судебных приставов по особым исполнительным производствам неимущественного характера ГУ ФССП по городу Москве;

- ненадлежащее, вопреки положениям п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю ... доверенность, а также при отмене или по исполнении поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в том, что после получения 20 сентября 2021 года просьбы доверителя В. о предоставлении отчета о проделанной работе, содержащейся в уведомлении (требовании) от 06 сентября 2021 года, он не представил доверителю В. отчет о проделанной работе.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобам В. без даты (вх. № ... от 03.12.2021) и от 24 декабря 2021 года (вх. № ... от 24.12.2021):

- в части дисциплинарных обвинений в оказании неквалифицированной юридической ООО «...»; в нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката в связи с оказанием им ранее юридической помощи Ко.; в совершении в 2018-2019 годах «банковских операций» в нарушение требований Постановления Правительства РФ от 09 апреля 2021 года № 569 «Об утверждении Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами,

доверительными собственниками (управляющими) иностранной структуры без образования юридического лица, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации” - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

6. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы заявителя о том, что адвокат «завладела денежными средствами» и не оказала квалифицированную помощь, не нашли своего подтверждения.

Квалификационная комиссия в своем Заключение от 09 февраля 2022 года пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. (Г.) по жалобе ООО «...» от 17 декабря 2021 года (вх. № ... от 21.12.2021):

в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат А. (Г.) «завладела денежными средствами» в размере 125 000 рублей, которые были переведены неустановленным физическим лицом на банковский счет Гр. в ПАО «...» в качестве оплаты работы адвоката Г. по Соглашению № ... от 03 августа 2020 года об оказании юридической помощи, заключенному адвокатом Г. с ООО «...» - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

14 марта 2022 года (вх. ... от 14.03.2022) адвокат Г. представила в Адвокатскую палату города Москвы документы о смене 02 февраля 2022 года фамилии Г. на фамилию А. после вступления в брак и копию полученного 04 марта 2022 года удостоверения адвоката, выданного на имя А. [данный факт внесен в реестр адвокатов города Москвы Распоряжением Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 28.02.2022 № ... – примечание Совета].

14 апреля 2022 года адвокат А. (Г.) в письменном Заявлении (вх. ... от 22.04.2022) сообщила об ознакомлении с Заключением Квалификационной комиссии и согласии с ним, просила провести заседание Совета без её участия.

Заявитель жалобы директор ООО «...» Б., извещённая надлежащим образом и получившая 14 апреля 2022 года Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, явку своего представителя не обеспечила, письменные возражения не представила. 14 апреля 2022 года Б. по телефону уведомила руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств Перминову Т.А. о необходимости отложения рассмотрения производства по причине её болезни; затем 25 апреля 2022 сообщила о намерении составить и направить письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии, и просила *«напомнить ей об этом, если возражения вдруг не поступят в Совет»*; 26 апреля 2022 по телефону Б. подтвердила своё участие в заседании Совета 28 апреля 2022 года с 12:15 час. до 13:00 час. (служебная записка Перминовой Т.А. от 28.04.2022). 28 апреля 2022 года в 12:55 час. Б. по телефону сообщила, что принимать участие в заседании Совета не будет, *«нет возможности ждать»*, и просила отложить рассмотрение на любой другой будний день в период с 08:15 час. до 12:00 час. В 13:06 час. по электронной почте поступило ходатайство Б. (вх. ... от 28.04.2022): *«Ввиду того, что на 28.04.2022 на 12:15 час. было согласовано online-совещание по дисциплинарному производству Г., однако в 13:00 час. оно так и не началось. Прошу перенести совещание на более позднее время и организовать его без опозданий участников»*.

Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства, а также положения пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, предусматривающие, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что ООО «...» в лице директора Б. заключило с адвокатом Г. Соглашение от 03 августа 2020 года № ... об оказании юридической помощи по гражданскому (арбитражному) делу. Адвокат Г. приняла на себя обязательства *«защищать права и представлять законные интересы ООО «...», оказывать юридическую помощь по гражданскому (арбитражному) делу»*.

Предметом поручения по Соглашению являлись: *«правовой анализ представленных Доверителем документов; составление мотивированного отзыва в Арбитражный суд г. Москвы по делу № ... по иску ООО «...» к ООО «...», участие в судебных заседаниях в суде 1 инстанции по делу № ... в Арбитражном суде города Москвы как представителя ответчика ООО «...», реализация всех предоставленных АПК РФ ответчику прав в арбитражном процессе; составление апелляционной жалобы на решение Арбитражного*

суда г. Москвы; участие в судебных заседаниях в Д. арбитражном апелляционном суде по апелляционной жалобе ООО «...»»

Согласно п.2.1. Соглашения ООО «...» обязалось оплатить адвокату Г. гонорар за юридическую помощь в сумме 350 000 рублей, в том числе: за участие в суде первой инстанции в Арбитражном суде г. Москвы по делу № ... в сумме 250 000 рублей, «из которых 125 000 рублей доверитель оплачивает в течение 3-х дней с момента подписания Соглашения на расчетный счет Коллегии адвокатов «...» со ссылкой на номер и дату Соглашения и ФИО адвоката – Г..; оставшаяся сумма в размере 125 000 рублей оплачивается доверителем в течение пятнадцати дней с даты заключения соглашения»; за участие в суде апелляционной инстанции - 100 000 рублей в течение трех дней после подачи апелляционной жалобы на решение Арбитражного суда г. Москвы по делу №

Денежные средства поступили на расчетный счет Коллегии адвокатов «...» полностью. Два платежа произведены непосредственно ООО «...»: 06 августа в размере 125 000 рублей и 16 декабря 2020 года в сумме 100 000 рублей. Кроме того, 25 февраля 2021 года на расчетный счет коллегии зачислен платеж от Гр. «за ООО «...» адвокату Г. по ... от 03.08.20» в размере 125 000 рублей.

Адвокат Г. во исполнение принятых на себя обязательств на основании представленных ООО «...» документов и пояснений в период с 14 сентября по 2 ноября 2020 года согласовала с директором ООО «...» Б. позицию по делу, основанную на отрицании факта поставки товара истцом, составила мотивированный отзыв. Адвокат Г. учла полученные посредством мессенджера WhatsApp и по электронной почте замечания директора ООО «...» Б. по проекту мотивированного отзыва, внесла необходимые уточнения в текст отзыва, который сдан ею в материалы дела № ... Арбитражного суда города Москвы. Впоследствии адвокат Г. представляла в этом суде интересы доверителя, участвовала в судебных заседаниях 13 октября и 17 ноября 2020 года. На вынесенное 24 ноября 2020 года решение суда первой инстанции адвокат Г. подготовила и 24 декабря 2020 года подала апелляционную жалобу, слушание дела по которой было назначено на 15 февраля 2021 года. Детальный перечень видов и объема правовой работы, выполненной адвокатом Г. по Соглашению, изложен в составленных адвокатом актах выполненных работ от 20 января и от 22 февраля 2022 года, переданных доверителю.

Вышеизложенное следует из приведённого в Заключении Квалификационной комиссии анализа материалов дисциплинарного производства: картотеки арбитражных дел (<<https://kad.arbitr.ru/>>), где была получена информация по делу № ... Арбитражного суда города Москвы по исковому заявлению ООО «...» к ООО «...»; переписки адвоката с доверителем; письменных и устных пояснений сторон; подписанного адвокатом Г. отзыва, в котором по существу учтены замечания и комментарии директора ООО «...» Б.

В судебном заседании Д. арбитражного апелляционного суда 15 февраля 2021 года в 10:20 час. адвокат не участвовала, поскольку директор ООО «...» Б. уведомлением от 11 февраля 2021 года, направленным по электронной почте 14 февраля 2021 года, известила адвоката Г. о расторжении соглашения об оказании юридической помощи и об отзыве выданной ей доверенности.

Директор ООО «...» Б. оставила без ответа письмо адвоката Г. от 14 февраля 2021 года с просьбой исполнить обязательства по уплате 125 000 руб. по Соглашению, поскольку на счет Коллегии поступили лишь 225 000 руб. из согласованных сторонами Соглашения от 3 августа 2020 года 350 000 рублей, либо подтвердить зачет как платеж от ООО «...» принятого «*в обеспечение исполнения ... обязательств по оплате по ...*» гарантийного платежа и поручительства от третьего лица в размере 125 000 рублей, совершенного 5 августа 2020 года (от неустановленного физического лица «П.» на карту Гр.), если до 25 февраля 2021 года соответствующая сумма денежных средств не поступит на счет адвокатского образования непосредственно от доверителя ООО «...».

Директор ООО «...» Б., получив письмо адвоката Г., не совершила платеж в сумме 125 000 рублей во исполнение Соглашения об оказании юридической помощи, не выразила несогласия с тем, что ранее переведенные 125 000 рублей, как указано в жалобе заявителя «*на банковскую карту родственника адвоката Г.*», будут засчитаны Коллегией от ООО «...» в счет оплаты по Соглашению об оказании юридической помощи.

Оплата 125 000 рублей от ООО «...» не поступила, поэтому платежным поручением от 24 февраля 2021 года сумма 125 000 рублей была перечислена Гр. на расчетный счет Коллегии адвокатов «...» «*за ООО «...» адвокату Г. по ... от 03.08.2020*» и была учтена Коллегией в качестве платежа по Соглашению.

Данные обстоятельства подтверждаются материалами дисциплинарного производства и его участниками не оспариваются.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Г. «*завладела денежными средствами*» в сумме 125 000 рублей, которые были оплачены 5 августа 2020 года в качестве вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи «*на счет ее родственника*», Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что ООО «...» не вправе предъявлять адвокату Г. претензию в неоприходовании денежных средств и в невыдаче доверителю соответствующего финансового документа, поскольку из представленного заявителем ООО «...» в приложении к жалобе чека ПАО «...» по операции в сумме 125 000 рублей («*перевод с карты на карту*») от 05 августа 2020 года, следует, что ООО «...» не совершало указанного платежа, он выполнен иным лицом - клиентом ПАО «...», перечислившим на карту Гр., также клиента ПАО «...», на сумму 125 000 рублей.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению в связи с обнаружившимся отсутствием допустимого повода для его возбуждения.

Кроме того, Совет констатирует, что ООО «...» частично исполнило обязательства, предусмотренные п.2.1. Соглашения, по уплате вознаграждения адвокату Г. 16 декабря 2021 года в сумме 100 000 рублей за участие в суде апелляционной инстанции, 06 августа в сумме 125 000 рублей за участие в суде первой инстанции. По состоянию на 14 февраля 2021 года задолженность по Соглашению составляла 125 000 рублей. Расчеты по Соглашению были завершены 25 февраля 2021 года, когда на расчетный счет Коллегии был зачислен платеж в сумме 125 000 рублей от Гр. с формулировкой «за ООО «...» адвокату Г. по ... от 03.08.20». У Совета отсутствуют основания полагать, что заявитель – директор Б., представившая в приложении к жалобе чек ПАО «...» от 5 августа 2020 года о вышеуказанном платеже на сумму 125 000 рублей между физическими лицами, не знала об этом платеже и о том, что он совершен в интересах ООО «...».

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неоказании адвокатом Г. квалифицированной юридической помощи доверителю, Совет соглашается с обоснованным выводом Квалификационной комиссии о том, что презумпция добросовестности адвоката Г. заявителем ООО «...» не опровергнута по всем выдвинутым в жалобе дисциплинарным обвинениям в этой части, в том числе в том, что адвокат Г.: не инициировала проведение камеральных налоговых проверок контрагентов общества по сделке, оплата по которой была предметом рассмотрения Арбитражным судом города Москвы по иску ООО «...» к ООО «...»; не приняла во внимание доводы директора ООО «...» Б. о том, что «фирма, с которой заключен договор, стала похожа на фирму-однодневку»; не провела проверку участников судебного процесса и не изучила документы, предоставленные ей доверителем ООО «...»; не требовала от истца в ходе судебного процесса доказать факт поставки и «заняла позицию истца»; не заявила о недостоверности универсального передаточного документа (УПД); не согласовала с доверителем ООО «...» позицию и отзыв по делу, в результате чего дело было проиграно.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства, подтверждающие доводы жалобы о том, что адвокат Г. получала от доверителя ООО «...» поручения, связанные с «иницированием» камеральных либо иных налоговых проверок контрагентов общества (при этом у контрагентов доверителя не имелось признаков «фирм-однодневок»); не ознакомилась с предоставленными ей доверителем документами (при этом в жалобе отсутствует перечень таких документов); не согласовала и не учла замечания и комментарии к проекту отзыва, сделанные директором ООО «...» Б. (при этом в жалобе не указано, какие конкретно замечания и комментарии к проекту отзыва, сделанные директором ООО «...» Б. не были учтены адвокатом Г. при подготовке окончательной версии отзыва по делу).

Совет констатирует, что юридическая помощь, предмет которой сформулирован в Соглашении, была оказана адвокатом Г. При этом Соглашением предусмотрено представление интересов ООО «...» в судах первой и апелляционной инстанций, что свидетельствует о том, что при

заключении Соглашения стороны предвидели возможность вынесения судом первой инстанции неблагоприятного для доверителя ООО «...» решения.

Согласно п. 7 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при исполнении поручения адвокат исходит из презумпции достоверности информации, представленной доверителем, и не проводит ее дополнительной проверки.

В п. 3.7 Соглашения указано: *«ничто в данном соглашении, а также в деятельности адвоката не должно пониматься или истолковываться как обещание успеха либо гарантии со стороны адвокатов для доверителя»*. Поэтому, рассматривая дисциплинарное обвинение о том, что *«адвокат заверяла директора ООО «...» Б., что выиграет дело»*, Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о его необоснованности, указав, что каких-либо доказательств, подтверждающих данное дисциплинарное обвинение, заявителем ООО «...» не представлено, и оно носит характер голословного.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката А. (Г.) неопровергнутой в отношении всех перечисленных выше дисциплинарных обвинений, а дисциплинарное производство в данной части – подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката А. (Г.) (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе ООО «...» от 17 декабря 2021 года (вх. № ... от 21.12.2021):

- в части дисциплинарного обвинения в том, что она «завладела денежными средствами» в размере 125 000 рублей, которые были переведены неустановленным физическим лицом на банковский счет Гр. в ПАО «...» в качестве оплаты работы адвоката Г. по Соглашению № ... от 03 августа 2020 года об оказании юридической помощи, заключенному адвокатом Г. с ООО «...», - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката А. (Г.) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

7. Совет прекратил статус адвоката за игнорирование фундаментальных профессиональных правил и требований и отсутствие необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств.

В ходе дисциплинарного производства было установлено, что адвокат:

- не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами в порядке, установленном действующим законодательством;

- не ознакомилась с материалами гражданского дела, а спустя месяц после заключения соглашения без согласия доверителя перепоручила это другому адвокату;

- подала кассационную жалобу в Верховный Суд РФ заведомо с пропуском установленного законодательством трехмесячного срока и сообщила доверителю недостоверную информацию о том, что кассационная жалоба была подана своевременно;

- использовала вульгарные и неуважительные выражения в общении с доверителем;

- не представила доверителю отчет о выполненной работе.

Квалификационная комиссия 02 марта 2022 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом Х. совершены:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональные обязанности перед доверителем Х., выразившееся в том, что, получив 13 августа 2021 года от доверителя Ху. денежные средства в сумме 50 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года № ..., она не выдала доверителю Ху. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в том, что, заключив 13 августа 2021 года с доверителем Ху. Соглашение № ... об оказании юридической помощи, она в течение месяца с даты заключения Соглашения не ознакомилась с материалами гражданского дела № ... по иску Ху. к Управлению Министерства внутренних дел по О. городскому округу в М. области, а спустя месяц после заключения соглашения перепоручила оказание данного вида юридической помощи адвокату С., осуществляющей адвокатскую деятельность в Московской коллегии адвокатов «...», председателем которой является адвокат Х., не получив согласия на это

доверителя Ху., и сообщила доверителю Ху. недостоверную информацию о ходе исполнения данного поручения;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), п. 1 ст. 390.3 ГПК РФ профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в подаче кассационной жалобы в интересах Ху. в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации 05 октября 2021 года заведомо с пропуском установленного законодательством трехмесячного срока и в сообщении при этом доверителю Ху. недостоверной информации о том, что кассационная жалоба была якобы подана адвокатом Х. своевременно 27 сентября 2021 года;

- нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), выразившееся в том, что в голосовом сообщении, направленном доверителю Ху. в мессенджере WhatsApp 03 октября 2021 года, она, обещая выслать доверителю Ху. почтовую квитанцию, подтверждающую отправку в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации кассационной жалобы, сформулировала свое обещание следующим образом: *«а эту бумажку сраную я Вам сейчас отправлю»;*

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в том, что она не представила Ху. по его просьбе с 18 ноября 2021 года и по дату рассмотрения дисциплинарного производства отчет о выполненной ею правовой работе по Соглашению от 13 августа 2021 года № ...об оказании юридической помощи.

Одновременно Квалификационная комиссия признала необходимым прекратить дисциплинарное производство в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета заявитель Ху. подтвердил получение Заключение Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласился с выводами Комиссии за исключением указания на то, что он подписывал кассационную жалобу. Обратил внимание Совета на то, что доверился адвокату Х. полностью, а она его обманула. Единственное, что она помогла сделать, это письменно обратиться к главе профсоюза, и более она ничего не сделала. Он также получил перенаправленные ему адвокатом Х. фотографии материалов

дела, полученные ею от адвоката С. Считает, что таких адвокатов надо лишать статуса. На вопрос члена Совета о возможности примирения с адвокатом Х. сообщил, что не готов к примирению, потому что все длится с августа 2021 года, адвокат на связь с ним не выходила, изначально никакие вопросы решать не хотела, хотя он её предупреждал, что будет подавать жалобу в Адвокатскую палату.

Адвокат Х. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласилась частично, ссылаясь на представленную в материалы дисциплинарного производства квитанцию о внесении денежных средств в кассу коллегии адвокатов, переписку с Ху., из которой следует, что обращение об ознакомлении с материалами гражданского дела были направлены ею сразу же после заключения Соглашения об оказании юридической помощи, и 19 августа были получены ответы об отклонении обращения; что 6 сентября 2021 года она направила Ху. посредством мессенджера WhatsApp запись разговора с сотрудником гражданской канцелярии с информацией о распоряжении председателя О. суда об ограничении приема граждан на ознакомление с материалами дел из-за распространения коронавирусной инфекции, с разъяснением порядка ознакомления с делами только по приглашению сотрудника канцелярии. Заявила, что на основании пункта 2.2. г) Соглашения об оказании юридической помощи адвокат без согласия доверителя вправе привлекать помощника, что и было сделано для фотографирования материалов гражданского дела: она привлекла адвоката своей коллегии С. Считает, что Соглашение об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года не содержит пункта о представлении доверителю письменного отчета о работе. Материалы дела после ознакомления с ними в суде первой инстанции были высланы Ху. в полном объеме посредством мессенджера WhatsApp 15 сентября, все это имеется в переписке. Считает, что доверитель полностью получил всю информацию о выполненной ею работе посредством мессенджера WhatsApp. В остальной части с Заключением Комиссии согласна. При этом она была готова вернуть Ху. всю сумму полученных от него денежных средств, однако поскольку взаимоотношения перешли в формат дисциплинарного производства, теперь она вряд ли готова это сделать.

Отвечая на уточняющие вопросы членов Совета, пояснила, что поскольку для стажера и помощника адвоката необходима была доверенность на право представления интересов, а её не было, для выполнения поручения об ознакомлении с материалами дела она привлекла адвоката С., которая ознакомилась с делом по ордеру. Кассационную жалобу подписал Ху. при личной встрече. Признала, что допустила нарушение процессуального срока подачи кассационной жалобы в Верховный Суд РФ, в чем раскаивается. Ходатайство о восстановлении срока в Верховный Суд РФ от имени Ху. не составляла, потому что доверитель «был на эмоциях, вошел с ней в конфликт, написал жалобу и не хотел общаться». Сейчас готова подать в Верховный Суд

РФ ходатайство о восстановлении срока, приложив «заключение Совета» о допущенном нарушении с её стороны. Считает, что «Заключение Совета» будет являться основанием восстановления пропущенного по вине адвоката срока на подачу кассационной жалобы в Верховный Суд РФ. Подтвердила, что квитанцию о получении и оприходовании денежных средств она доверителю не выдавала. Первоначально при подписании Соглашения «такой возможности не было», а впоследствии Ху. «сам не просил» выдать ему квитанцию. Сообщения, в котором доверитель просил представить ему отчет, она не получала.

От ответа на вопрос о причинах противоречий в её объяснениях по одним и тем же вопросам уклонилась.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет полностью соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 12 мая 2020 года Ху. обратился в О. городской суд М. области с исковым заявлением к Управлению Министерства внутренних дел по О. городскому округу М. области, в котором просил суд признать незаконным и отменить приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде увольнения в связи с отсутствием на рабочем месте без уважительных причин, признать незаконным и отменить приказ о расторжении контракта и увольнении из органов внутренних дел, восстановить действие контракта и восстановить его в органах внутренних дел. Решением О. городского суда М. области от 02 июля 2020 года по гражданскому делу № ... в удовлетворении заявленных Ху. исковых требований было отказано.

Апелляционным определением от 26 октября 2020 года судебная коллегия по гражданским делам М. областного суда оставила решение суда первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу Ху. без удовлетворения.

Указанные судебные акты были оставлены без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам П. кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2021 года, вынесенным по кассационной жалобе Ху. Соответственно, срок для подачи кассационной жалобы в Верховный Суд РФ истекал через три месяца - 28 сентября 2021 года.

13 августа 2021 года Ху. заключил с адвокатом Х. Соглашение об оказании юридической помощи, в пункте 1 которого адвокат Х. приняла на себя обязательство оказать Ху. следующие «юридические услуги» по «гражданскому делу по иску Ху. к УМВД РФ по О. городскому округу о восстановлении на работе в Верховном суде РФ, а именно: ознакомление с делом в суде первой инстанции; подготовка и подача жалобы в Верховный суд РФ, обращение в профсоюз полиции России, обращение в СМИ по факту незаконного увольнения».

В соответствии с п. 3.1. Соглашения Ху. оплатил вознаграждение адвоката Х. в сумме 50 000 рублей, однако никаких финансовых документов, подтверждающих оплату по соглашению, от адвоката Х. не получил.

Адвокат Х. представила в материалы дисциплинарного производства квитанцию к приходному кассовому ордеру от 13 августа 2021 года № ... о принятии от Ху. и внесении в кассу Московской коллегии адвокатов «...» суммы в размере 50 000 рублей на основании Соглашения № ... по гражданскому делу Ху. к УМВД по О. городскому округу.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что квитанция к приходному кассовому ордеру должна быть выдана на руки лицу, которое сдало деньги в кассу. Следовательно, представив в материалы дисциплинарного дела квитанцию к приходному кассовому ордеру, а не приходный кассовый ордер, адвокат Х. подтвердила обоснованность дисциплинарного обвинения в том, что никаких финансовых документов, подтверждающих оплату по соглашению, она Ху. не выдавала, в заседании Совета объяснив это тем, что Ху. «сам не просил».

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

Нарушения, связанные с невыдачей доверителю документов по проведению операции с полученными от него средствами, нашли свое отражение в пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдаче доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое

пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)).

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о ненадлежащем исполнении адвокатом Х. профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившемся в том, что, получив от него 13 августа 2021 года денежные средства в сумме 50 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года, адвокат Х. не выдала Ху. финансовый документ, подтверждающий внесение денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования в установленном порядке. Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой в этой части дисциплинарных обвинений.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Х. не оказывала квалифицированную юридическую помощь лично, перепоручив, без получения на то согласия Ху., ознакомление с материалами гражданского дела в суде первой инстанции адвокату С., адвокат Х. по существу подтвердила в заседании Совета. Не отрицала она и тот установленный материалами дисциплинарного производства факт, что в переписке она сообщала Доверителю недостоверную информацию о том, что именно она находится в суде 15 сентября 2021 года, перенаправляя ему с помощью мессенджера WhatsApp фотографии материалов дела, полученные от находившейся в О. городском суде адвоката С. Из представленных в материалы дисциплинарного производства писем заместителя председателя О. городского суда М. области и временно исполняющего обязанности председателя О. городского суда М. области, следует, что по заявлению Ху., которое поступило в суд 19 августа 2021 года, с материалами гражданского дела № ... по иску Ху. к УМВД России по О. городскому округу 15 сентября 2021 года ознакомлена С.

Представленная Ху. переписка с адвокатом Х. в мессенджере WhatsApp от 15 сентября 2021 года свидетельствует о том, что адвокат Х. на вопрос доверителя, удалось ли ей ознакомиться с делом, ответила, что она «находится в О. суде». При этом, как указано выше, в заседании Совета адвокат Х. пояснила, что для фотографирования материалов гражданского дела, она привлекла адвоката С. Совет отклоняет как несостоятельную ссылку адвоката Х. на предоставленное ей пп. г) п.2.1. Соглашения право привлекать к исполнению поручения стажера или помощника, поскольку адвокат С. таковой не являлась и не могла быть привлечена к оказанию юридической помощи Ху. без его согласия. Кроме того, адвокат Х., как указано выше, приняла на себя самостоятельное обязательство ознакомиться с материалами дела, которое не исполнила.

По смыслу положений ст. 1 и 2, пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат должен лично оказывать доверителю квалифицированную юридическую помощь. Установленная пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, также предполагает личное и непосредственное участие адвоката в оказании юридической помощи доверителю, что не предполагает произвольного поручения адвокатом исполнения данной профессиональной обязанности перед доверителем третьим лицам.

Механическая пересылка адвокатом доверителю фотокопий материалов судебного дела, изготовленных иным лицом, также не может рассматриваться как исполнение обязательства адвоката об ознакомлении с материалами дела. Исполнение этого обязательства не сводится к технической работе по изготовлению фотографий и (или) их пересылке, а предполагает профессиональные изучение и анализ материалов дела адвокатом для использования результатов этих действий в дальнейшем оказании доверителю юридической помощи.

По этим причинам Совет констатирует, что адвокат Х., приняв на себя обязательство лично оказать доверителю Ху. все виды юридической помощи, определенные соглашением, не исполнила это обязательство в части личного ознакомления с материалами гражданского дела и не оказала Ху. данный вид квалифицированной юридической помощи, предусмотренный заключенным с ним соглашением. При этом она сообщала доверителю Ху. недостоверную информацию о ходе исполнения ею принятого поручения, в действительности поручив его исполнение адвокату С. спустя месяц после заключения соглашения.

Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой также и в этой части.

Адвокат Х. в заседании Совета признала дисциплинарные обвинения в ненадлежащем оказании юридической помощи по подготовке и подаче кассационной жалобы в Верховный Суд РФ. Она также признала, что 27 сентября 2021 года сообщила доверителю недостоверную информацию о том, что отправила кассационную жалобу по почте, при этом почтовую квитанцию Ху. не представила, поскольку в действительности кассационную жалобу в Верховный Суд РФ она почтой не отправляла, а подала её в канцелярию Верховного Суда РФ только 5 октября 2021 года, то есть за пределами трехмесячного срока, установленного п 1 ст. 390.3 ГПК РФ.

Как следует из сведений, содержащихся в карточке производства по делу (материалу) Верховного Суда РФ № ..., кассационная жалоба Ху. на решение О. городского суда М. области от 02 июля 2020 года и судебный акт П. кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2021 года поступила в Верховный Суд РФ 05 октября 2021 года, и жалоба возвращена без рассмотрения письмом от 07 октября 2021 года.

Вместе с тем, как указано выше, адвокат Х. письменно и устно сообщала Ху., что подала кассационную жалобу 27 сентября 2021 года по почте; затем признала, что подала её непосредственно в Верховный Суд РФ, и пояснила ему, что жалоба была зарегистрирована только 05 октября 2021 года, поскольку, как ей пояснили в суде, регистрация занимает несколько дней. Заявив, что в ее распоряжении имеется второй экземпляр кассационной жалобы якобы с отметкой приемной Верховного Суда РФ, подтверждающей подачу жалобы 27 сентября 2021, ни доверителю Ху., ни в материалы дисциплинарного дела этот экземпляр не представила, что в совокупности с иными доказательствами свидетельствует о несоответствии действительности и этого утверждения адвоката Х.

Так, из письма Верховного Суда РФ от 10 февраля 2022 года, представленного заявителем Ху. в материалы дисциплинарного производства, следует, что кассационная жалоба, поданная в приемную Верховного Суда Российской Федерации 05 октября 2021 года, зарегистрирована 06 октября 2021 года, оформлена на бланке адвоката Х. и подписана Ху. В письме Верховного Суда РФ от 07 октября 2021 года также указано, что «согласно штампу Приемной Верховного Суда Российской Федерации кассационная жалоба поступила 5 октября 2021 года».

Перепиской адвоката ХР. с Ху. в мессенджере WhatsApp в период с 27 сентября по 07 октября 2021 года подтверждается, что адвокат Х. сообщала доверителю ложные сведения о направлении ею кассационной жалобы в Верховный Суд РФ по почте 27 сентября 2021 года и неоднократно обещала ему выслать копию жалобы и почтовую квитанцию, подтверждающую её отправку. 01 октября 2021 года она направила Ху. текст кассационной жалобы в виде документа в формате MS Word, при этом никакого ответа на неоднократные просьбы Ху. представить ему почтовую квитанцию об отправке кассационной жалобы в суд, помимо обещаний это сделать, Ху. от адвоката Х. не получил.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Х. нарушила пп. в) пункта 2.1 Соглашения об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года, предусматривающий обязанность адвоката Х. «согласовывать правовую позицию по делу с доверителем и ставить его в известность о предполагаемых действиях в связи с выполнением поручения».

Подав кассационную жалобу в интересах Ху. в приемную Верховного Суда РФ не 27 сентября 2021 года, как она ложно указывала в переписке с доверителем, а 05 октября 2021 года, заведомо с пропуском установленного

законодательством срока, и при этом сообщив доверителю недостоверную информацию, о том, что жалоба была якобы подана ею своевременно, 27 сентября 2021 года, адвокат Х. нарушила не только процессуальную норму, предусмотренную п. 1 ст. 390.3 ГПК РФ, но и требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («адвокат обязан: 1) честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами») и п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»).

Доверитель Ху. постоянно интересовался состоянием подачи кассационной жалобы, что подтверждено представленной им в материалы дисциплинарного производства указанной выше перепиской с адвокатом Х. и её голосовыми сообщениями в мессенджере WhatsApp от 27 сентября, 01, 02 и 03 октября с повторяющимся вопросом: подана ли ею кассационная жалоба, а также с просьбой представить ему копию жалобы и квитанцию об отправке ее в суд. 03 октября 2021 года в ответ на эти обращения Ху. адвокат Х., продолжая сообщать доверителю ложную информацию, использовала в общении с доверителем вульгарную лексику, сформулировав ответ на его просьбу прислать почтовую квитанцию, подтверждающую отправку жалобы в суд, следующим образом: «а эту бумажку сраную я Вам сейчас отправлю».

Такая манера общения адвоката Х. воспринята заявителем Ху. как неприемлемая и оскорбительная, и Совет, разделяя эту оценку, приходит к выводу о том, что избранная адвокатом Х. манера поведения по отношению к доверителю не соответствует нормам делового общения адвоката.

Такое профессиональное поведение адвоката Х. в отношении доверителя Ху.: намеренное сообщение ему недостоверных сведений о якобы оказываемой ею юридической помощи, которая в действительности была оказана ею ненадлежащим образом и с нарушением требований законодательства, Совет оценивает как недопустимое.

В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению.

Манера поведения, соответствующая деловому общению, характеризуется строгостью, сдержанностью, умением корректно, вежливо и уважительно вести устный и письменный диалог, переписку с оппонентом, доверителем, иными лицами, не допуская использования инвективных, бранных, вульгарных, нецензурных и иных подобных слов и выражений.

Большой толковый словарь русского языка дает следующую характеристику и толкование значения слова «сраный»: «вульг. 1. Запачканный экскрементами. 2. Гадкий, отвратительный 3. Презренный,

проклятый», а стилистически данное слово охарактеризовано как вульгарное (Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов и др. СПб.: Норинт, 1998).

Использование адвокатом Х. в голосовом сообщении доверителю Ху., в ответ на просьбу о представлении важного для него документа, словосочетания «бумажка сраная» в качестве характеристики такого документа, является проявлением манеры поведения, не соответствующей деловому общению.

Дисциплинарное обвинение в непредставлении доверителю Ху. отчёта Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией и вопреки доводам адвоката Х., также признаёт обоснованным. Ссылка адвоката Х. на то, что Соглашением об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года обязанность адвоката представлять отчет не предусмотрена, не меняет данной оценки. Так, перепиской между заявителем Ху. и адвокатом Х. в мессенджере WhatsApp подтверждается, что сообщением от 05 октября 2021 года Ху. предложил адвокату Х. добровольно возратить ему 50 000 рублей вознаграждения в связи с «ненадлежащим оказанием юридических услуг и неисполнением обязанностей по договору». Сообщением в мессенджере WhatsApp от 18 ноября 2021 года, после того как адвокат Х. несколько дней не отвечала на его сообщения, Ху. еще раз просил адвоката Х. вернуть все судебные акты, а также подготовить «договор о расторжении и отчет о работе».

В соответствии с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене или по исполнении поручения адвокат обязан предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства того, что адвокат Х., получив 18 ноября 2021 года от доверителя Ху. уведомление о расторжении соглашения и просьбу представить ему отчет о проделанной ею работе по оказанию ему юридической помощи, представила Ху. такой отчет или иные сведения и документы, в которых содержалась бы запрошенная им информация. В заседании Совета адвокат Х. заявила, что считает отчетом о выполнении поручения доверителя направление ему посредством мессенджера WhatsApp фотографий материалов дела.

Совокупность приведённых обстоятельств свидетельствует о намеренном неисполнении адвокатом Х. профессиональной обязанности, предусмотренной п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем презумпция её добросовестности признаётся Советом опровергнутой и в этой части.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией

Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет признаёт установленным, что в результате непрофессиональных действий и бездействия адвоката Х. кассационная жалоба в интересах заявителя Ху. в Верховный Суд РФ не была подана в установленный законом срок, при этом ею не было подготовлено и заявлено в установленном порядке ходатайство о восстановлении срока на подачу указанной жалобы.

Материалами дисциплинарного производства также установлено, что адвоката Х. неоднократно сообщала заявителю Ху. недостоверную информацию: о якобы личном исполнении ею поручения об ознакомлении с материалами дела, о якобы поданной ею 27 сентября 2021 года кассационной жалобе, которую она фактически подала лишь 5 октября 2021 года.

Такое профессиональное поведение адвоката Х. Совет оценивает, как недопустимое и причинившее существенный вред как доверителю, так и репутации адвоката и адвокатуры в целом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Х. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный, грубый и злостный характер, свидетельствующий о явном игнорировании адвокатом Х. основополагающими правилами профессионального поведения и требованиями профессиональной этики.

Описанное выше профессиональное поведение адвоката Х. свидетельствует о том, что она не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, игнорирует фундаментальные правила и требования, предъявляемые к адвокату.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката Х. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не находит возможным применить к адвокату Х. более мягкую меру дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Х. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Х. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств и данных о личности Х., считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения настоящего дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктами 1, 4, 7, подп. 3 пункта 6 ст. 18; подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Х. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанности перед доверителем Ху., выразившееся в том, что, получив 13 августа 2021 года от доверителя Ху. денежные средства в сумме 50 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 13 августа 2021 года № ..., она не выдала доверителю Ху. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в том, что, заключив 13 августа 2021 года с доверителем Ху. Соглашение № ... об оказании юридической помощи, она в течение месяца с даты заключения Соглашения не ознакомилась с материалами гражданского дела № ... по иску

Ху. к Управлению Министерства внутренних дел по О. городскому округу в М. области, а спустя месяц после заключения соглашения перепоручила оказание данного вида юридической помощи адвокату С., осуществляющей адвокатскую деятельность в Московской коллегии адвокатов «...», председателем которой является адвокат Х., не получив согласия на это доверителя Ху., и сообщила доверителю Ху. недостоверную информацию о ходе исполнения данного поручения;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), п. 1 ст. 390.3 ГПК РФ профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в подаче кассационной жалобы в интересах Ху. в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации 05 октября 2021 года заведомо с пропуском установленного законодательством трехмесячного срока и в сообщении при этом доверителю Ху. недостоверной информации о том, что кассационная жалоба была якобы подана адвокатом Х. своевременно 27 сентября 2021 года;

нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), выразившееся в том, что в голосовом сообщении, направленном доверителю Ху. в мессенджере WhatsApp 03 октября 2021 года, она, обещая выслать доверителю Ху. почтовую квитанцию, подтверждающую отправку в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации кассационной жалобы, сформулировала свое обещание следующим образом: *«а эту бумажку сраную я Вам сейчас отправлю»;*

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ху., выразившееся в том, что она не представила Ху. по его просьбе с 18 ноября 2021 года и по дату рассмотрения дисциплинарного производства отчет о выполненной ею правовой работе по Соглашению от 13 августа 2021 года № ... об оказании юридической помощи.

Установить в отношении Х. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении Х., возбужденное по жалобе Ху. от 22 ноября 2021 года (вх. № ... от 22.11.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

8. Адвокат получил предупреждение за оказание юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов и использование в судебном заседании информации, полученной в ходе оказания юридической помощи бывшему доверителю, с целью формирования у суда негативного отношения к нему.

Квалификационная комиссия 02 февраля 2022 года вынесла Заключение:

- о нарушении адвокатом Г. п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом № ..., находящимся в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в том числе по вопросу обжалования постановления Т. районного суда города Москвы 14 февраля 2019 года о наложении ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. деревни Т. О. района М. области, и обладая сведениями, составляющими профессиональную (адвокатскую) тайну, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи Д., 10 марта 2021 года представлял интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы в рамках дела (материала) № ... также по вопросу снятия ареста с ее недвижимого имущества в обстоятельствах, когда интересы его доверителя С. противоречили интересам его бывшего доверителя Д., и, в целях усиления позиции С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. и формирования у суда негативного отношения к Д., допустил следующее насмешливое высказывание в отношении его бывшего доверителя Д.: «это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению»;

- о нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что 16 ноября 2020 года он оказывал юридическую помощь В. при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве в ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению его бывшего доверителя Д., в условиях конфликта интересов доверителей Д. и В.

Одновременно в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года представлял интересы Д. при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он должен был участвовать, но не участвовал от ее имени в качестве защитника в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ее оппонентов ООО «...» и П., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель жалобы Д. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной Комиссии ознакомлена в полном объеме, поддержала свой письменный Отзыв от 23.03.2022 (вх. № ... от 23.03.2022), в котором она, соглашаясь с выводами Комиссии в части установленных нарушений, полагает, что в действиях адвоката Г. содержится также нарушение п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку, по её мнению, деятельность адвоката Г. несовместима со статусом адвоката. В заседании Совета Д. ходатайствовала о направлении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового разбирательства с целью установления нарушения адвокатом Г. п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Считает, что к нему должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета сообщил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, согласился в полном объеме с выводами Квалификационной комиссии, а также указал, что после ознакомления с Заключением переосмыслил своё поведение и осознал его ошибочность, поэтому полностью признаёт установленные Комиссией нарушения и просит Совет учесть это, а также то, что ранее к дисциплинарной ответственности он не привлекался, и сохранить ему возможность исправиться в составе профессионального сообщества.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, не находит оснований для направления настоящего дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового разбирательства и соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем, Совет полагает необходимым частично изменить объём дисциплинарного обвинения. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Г., осуществляя с 16 февраля 2015 года адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...», в ноябре 2018 года оказывал Д. юридическую помощь: совместно с другими адвокатами Адвокатского бюро «...» участвовал в подготовке обращения от ее имени к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В этом обращении изложены фабула и обстоятельства уголовного дела № ... в отношении Д., находящегося в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве.

Уголовное дело № ... было возбуждено в декабре 2017 года, в качестве обвиняемой Д. была привлечена постановлением следователя от 14 ноября 2018 года. Постановлением Т. районного суда города Москвы от 28 июня 2019 года по ходатайству следователя был наложен арест на недвижимое имущество, принадлежащее Д., в виде земельного участка с кадастровым номером № ..., жилого дом с кадастровым номером № ..., а также нежилого

сооружения с кадастровым номером № ... по адресу: М. область, О. район, деревня Т., дачный поселок Р., дом ..., путем запрета на совершение регистрационных действий и сделок с ним.

В настоящее время в производстве Арбитражного суда города Москвы находится дело № ... по заявлению П. о признании Д. несостоятельной (банкротом). При этом адвокат П. осуществляет адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 11 января 2009 года и является старшим партнером адвоката Г. Заявление П. поступило в суд 07 июня 2019 года. Определением Арбитражного суда города Москвы от 12 июля 2019 года заявление признано обоснованным, в отношении Д. введена процедура реструктуризации долгов гражданина, финансовым управляющим утвержден С. Решением суда от 03 декабря 2019 года Д. признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим Д. утвержден С. Одним из кредиторов Д. в указанном деле также является ООО «...». Требования П. и ООО «...» к Д. включены в реестр требований кредиторов определениями Арбитражного суда города Москвы по делу о банкротстве Д. от 12 июля и 16 сентября 2019 года, соответственно. Определением Арбитражного суда города Москвы от 10 декабря 2021 года удовлетворено заявление кредитора П. о процессуальном правопреемстве, и кредитор П. в деле о банкротстве Д. заменен на его правопреемника ООО «...».

Принадлежащее Д. недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. М. области, на которое наложен арест в рамках указанного выше уголовного дела, включено в конкурсную массу по делу о ее банкротстве. Д. обращалась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением об исключении указанного недвижимого имущества из конкурсной массы как единственного жилья ее и членов ее семьи. Определением от 16 июня 2020 года Арбитражный суд города Москвы, рассмотрев указанное заявление Д. в рамках обособленного спора по делу о банкротстве, отказал в его удовлетворении. Данное определение было оставлено без изменения Постановлением Девятого арбитражного суда города Москвы от 11 сентября 2020 года и Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 08 декабря 2020 года. Определением от 05 февраля 2021 года Верховный Суд Российской Федерации отказал в передаче кассационных жалоб, поданных Д. и ее финансовым управляющим С. на указанные судебные акты, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Адвокат Г. на основании ордера от 29 апреля 2019 года № 39, выданного Адвокатским бюро «...», осуществлял защиту Д. в Московском городском суде в судебном заседании 29 апреля 2019 года по рассмотрению ее апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года, которым суд удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на недвижимое имущество Д., расположенное в поселке Р. М. области. В судебном заседании 29 апреля 2019 года Московский городской суд удовлетворил апелляционную жалобу Д.: постановление Т.

районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года было отменено, и материал направлен на новое разбирательство в суд первой инстанции.

В материалах дисциплинарного производства имеется письмо Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 17.01.2022), из которого следует, что соглашение об оказании юридической помощи Д. по осуществлению ее защиты в Московском городском суде в указанной выше обособленной судебной процедуре по наложению ареста на её имущество по уголовному делу было заключено не ею, а третьим лицом. Из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022) также усматривается, что указанное соглашение заключено 28 апреля 2019 года, предмет соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи Д., заключающейся в представлении интересов Д. в судебном заседании в Московском городском суде при рассмотрении апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда г. Москвы от 14.02.2019 по материалу № ...»*, поручение по соглашению принял адвокат Г.

После 29 апреля 2019 года адвокат Г. юридическую помощь Д. не оказывал.

28 июня 2019 года адвокат Г. намеревался участвовать в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении того же дела (материала) № ... о наложении ареста на недвижимое имущество Д. в поселке Р. по ходатайству следователя в рамках уголовного дела в отношении Д., но уже в интересах ООО «...» на основании доверенности от 11 июня 2019 года, а также в интересах П.

10 марта 2021 года адвокат Г. участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ... в интересах финансового управляющего Д. – С. по его жалобе о признании незаконным постановления следователя от 09 августа 2019 года об отказе в удовлетворении ходатайства С. о снятии с недвижимого имущества Д., расположенного в поселке Р. М. области, ареста, наложенного согласно постановлению Т. районного суда города Москвы в рамках указанного выше уголовного дела.

Как следует из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022), соглашение об оказании юридической помощи С. заключено 13 января 2021 года, и предмет данного соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи по представлению интересов С. во всех указанных им судебных заседаниях в рамках рассмотрения поданных им жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, направленных на признание незаконным ареста имущества Д. в рамках уголовного дела № ... и его отмене (в том числе при апелляционном и кассационном обжаловании)»*, поручение по соглашению принял адвокат Г.

Таким образом, установлено, что 29 апреля 2019 года адвокат Г. осуществлял защиту обвиняемой Д. в апелляционной инстанции Московского городского суда в ходе обособленной судебной процедуры по наложению

ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в рамках уголовного дела № ..., находившегося в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, на основании соглашения от 28 апреля 2019 года, заключенного неустановленным лицом в интересах Д., а 10 марта 2021 года адвокат Г., представляя финансового управляющего Д. – С., участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении жалобы последнего о признании незаконным постановления следователя СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве от 09 августа 2019 года об отказе в удовлетворении ходатайства С. о снятии ареста с этого же недвижимого имущества на основании соглашения от 13 января 2021 года, заключенного неустановленным лицом в интересах С. То есть, адвокат Г. являлся в апреле 2019 года защитником обвиняемой Д., а в марте 2021 года представителем ее финансового управляющего – С. в обособленных судебных процедурах, связанных с наложением ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в рамках одного и того же указанного выше уголовного дела в отношении Д.

Кроме того, установлено, что 16 ноября 2020 года адвокат Г. оказывал юридическую помощь адвокату В., осуществляющей адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 11 января 2009 года, при даче ею объяснений в ходе проведения З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве доследственной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, на основании ордера от 16 ноября 2020 года № ..., выданного Адвокатским бюро «...» на защиту интересов В.

Как следует из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022), соглашение об оказании юридической помощи В. было заключено 16 ноября 2020 года, и предмет данного соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи В. во всех правоохранительных органах, в том числе в органах Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с участием Доверителя в рамках расследования уголовного дела, в том числе с правом обжалования действий (бездействия) в вышестоящий орган, органы прокуратуры и суд, с правом совершения всех необходимых процессуальных действий, заявлять ходатайства, собирать доказательства, представлять доказательства по делу, а также в рамках рассмотрения уголовного дела по существу в суде первой, апелляционной, кассационной инстанции, с правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования решений, постановлений и определений»*, поручение по соглашению принял адвокат Г.

Установить в ходе дисциплинарного разбирательства лиц, которые заключали с Адвокатским бюро «...» соглашения об оказании юридической помощи в интересах Д., В. и С., не представилось возможным, поскольку и Управляющий партнер Адвокатского бюро «...» Т., и адвокат Г. отказались

представить соответствующие сведения Адвокатской палате города Москвы при подготовке и в ходе дисциплинарного разбирательства.

Заявитель Д. выдвинула следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Г.:

- в оказании ей юридической помощи 14 марта 2019 года при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соответствующего соглашения;

- в участии в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 28 июня 2019 года при рассмотрении материала № ... о наложении ареста на её недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. М. области, по ходатайству следователя в рамках уголовного дела в отношении Д., в интересах ООО «...» и П. При этом адвокат Г. должен был в данном судебном заседании осуществлять защиту интересов Д., поскольку ранее, 29 апреля 2019 года, он уже осуществлял ее защиту при рассмотрении Московским городским судом апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда города Москвы по тому же материалу. Кроме того, адвокат Г. должен был уведомить Д. о том, что не будет осуществлять ее защиту в судебном заседании 28 июня 2019 года, однако не сделал этого;

- в оказании юридической помощи адвокату Адвокатского бюро «...» В. в 2020 году при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве в ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению Д., при наличии конфликта интересов доверителей – Д. и В.;

- в передаче без согласия Д. ее финансовому управляющему С. информации, которая стала известна адвокату Г. в связи с оказанием юридической помощи Д. по возбужденному в отношении нее уголовному делу, которую впоследствии С. использовал «при подготовке жалоб по ст. 125 УПК РФ», включая жалобу в Т. районный суд города Москвы по вопросу о снятии ареста с недвижимого имущества Д. Адвокат Г. представлял интересы С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы по указанному материалу 10 марта 2021 года при наличии конфликта интересов доверителей – Д. и С.;

- в представлении в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года при рассмотрении материала № ... о снятии ареста с недвижимого имущества Д. недостоверных и клеветнических сведений о ее имуществе, обстоятельствах ее жизни и жизни ее семьи, совершаемых ею действиях, а также в насмешливых высказываниях в адрес Д. в ходе судебного заседания: *«Это не её единственное жилье, это дворец на Р., она живет с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следователь наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению».*

Оценивая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года оказывал юридическую помощь Д. при даче ею объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он не осуществлял

ее защиту в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении материала № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ООО «...» и П., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката двухлетний срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности истек соответственно 14 марта 2021 года и 28 июня 2021 года, то есть еще до подачи жалобы Д. Рассматриваемые нарушения не являются длящимися. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части данных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Г. оказывал юридическую помощь адвокату Адвокатского бюро «...» В. при наличии конфликта интересов доверителей, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт обоснованным.

Согласно пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, раскрывая существо конфликта интересов, устанавливают следующие правила, которыми должен руководствоваться адвокат в своей деятельности:

- адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон (п. 1 ст. 11);

- адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса (пп. 10 п. 1 ст. 9).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что адвокат Г. в период с 22 по 25 ноября 2018 года выполнял в интересах Д. правовую работу по подготовке ее обращения к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в котором были изложены факты и обстоятельства возбужденного в отношении Д. уголовного дела, а также содержались доводы о необходимости его прекращения. 25 ноября 2018 года адвокат Г. направил по электронной почте своим коллегам из Адвокатского бюро «...», а также Д. «свою версию» данного заявления. Кроме того, адвокат Г. осуществлял защиту Д. в Московском городском суде в заседании 29 апреля 2019 года при рассмотрении ее апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы, которым наложен арест на принадлежащее ей недвижимое имущество по ходатайству следователя в рамках того же уголовного дела.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Г. не отрицал, что он оказывал В. юридическую помощь при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве, а также подтвердил, что в

материалы дисциплинарного производства Д. представила именно те объяснения, которые В. давала следователю 16 ноября 2020 года с его участием.

Объяснения В. от 16 ноября 2020 года были получены следователем в соответствии с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» и ст. 144 УПК РФ в ходе проверки сообщения о преступлении. Нормы указанного закона и УПК РФ, в том числе положения ст. 144 УПК РФ, не устанавливают обязанность должностного лица (в данном случае, следователя), проводящего доследственную проверку сообщения о преступлении, сообщать лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, сведения о том, кем, в связи с чем, в отношении кого было подано такое сообщение.

Однако из содержания объяснений В., которые она давала в ходе опроса 16 ноября 2020 года, усматривается, что следователь задавал вопросы об обстоятельствах, связанных с оказанием ею юридической помощи Д. и судебных спорах, в которых она представляла интересы Д., об обстоятельствах ее знакомства и взаимоотношений с П., об известных ей обстоятельствах наложения ареста на дом, принадлежащий Д., об обстоятельствах заключения Д. договоров займа с П. и рассмотрения гражданского дела по иску П. к Д. в связи с этими договорами, о ее переписке в мессенджере WhatsApp с Д. в октябре 2018 года по вопросу о явке последней в З. районный суд города Москвы для участия в заседании по иску П., о руководстве ООО «...», о расчетах между Д. и ООО «Э.», об обстоятельствах знакомства представителей ООО «...» с Д.

Как указано выше, адвокаты Г., В. и П. совместно осуществляют адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 16 февраля 2015 года. При этом адвокат В. в период с лета 2015 года до конца мая 2019 года представляла интересы Д. в Арбитражном суде города Москвы, в Б. районном суде города Москвы, а также оказывала ей юридическую помощь в связи с продажей объектов недвижимости.

Адвокат Г. оказывал Д. юридическую помощь с конца ноября 2018 года до конца апреля 2019 года в связи с указанным выше уголовным делом № ..., а также в связи с рассмотрением апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года, которым суд удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на указанную выше недвижимость Д. П., являясь старшим партнёром адвокатского бюро, координировал всю работу по оказанию Д. юридической помощи и лично участвовал в переписке адвоката Г. с Д. в конце ноября 2018 года, конце января и начале апреля 2019 года в связи с уголовным делом в отношении Д.

К письменным объяснениям адвоката Г. приложена копия возражений Д. на Заключение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы от 15 сентября 2021 года по ее жалобе на адвокатов Адвокатского бюро «...» В. и П.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Г. получил информацию, необходимую ему для оказания юридической помощи Д., не только от нее самой, но также и от своих партнеров В. и П., которые, учитывая их продолжительную совместную с адвокатом Г. адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...», а также предмет оказания адвокатом Г. юридической помощи Д., сообщали ему известные им сведения об обстоятельствах совершенных Д. сделок, связанных с недвижимым имуществом в поселке Р., включая сведения о произведенной ООО «...» оплате за Д. части стоимости принадлежащей ей недвижимости в поселке Р. пользу ООО «Э.».

С учётом всей совокупности изложенных обстоятельств адвокат Г., являющийся профессиональным советником по юридическим вопросам, не мог не понимать, что заявление в Следственный комитет Российской Федерации о привлечении к уголовной ответственности адвоката В. было подано именно его бывшим доверителем Д.

В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 72 УПК РФ: «защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика», и в таких обстоятельствах обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу (п. 1 ст. 62 УПК РФ).

В Разъяснениях № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 07 сентября 2003 года указано, что «В случаях, когда адвокат защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоречие с интересами другого, адвокату, который не вправе согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ далее продолжать защищать обоих, следует выйти из дела. Предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным».

Несмотря на то, что приведенные Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы сформулированы для иной процессуальной ситуации, адвокату Г., безусловно, следовало учитывать сформулированную в нем правовую позицию при решении вопроса о возможности оказания юридической помощи В. в ходе дачи ею объяснений после того, как для него как профессионального участника уголовного судопроизводства стало понятно, что доследственная проверка проводится по заявлению его бывшего доверителя Д.

Совокупный анализ приведенных нормативных требований позволяет сделать вывод о том, что для адвоката недопустимо совершать какие-либо действия, которые могут привести к конфликту интересов доверителей. Обязанность адвоката по предотвращению конфликта интересов доверителей состоит, в частности, в том, чтобы воздерживаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность

сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создает риск такого нарушения. При этом сведения, сообщенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя.

Оценивая установленную в ходе дисциплинарного разбирательства совокупность обстоятельств, связанных с оказанием адвокатом Г. юридической помощи В., Совет признаёт, что адвокат Г. пренебрег указанными выше требованиями, поскольку он, понимая, что заявление в Следственный комитет Российской Федерации в отношении В. подано его бывшим доверителем Д., не устранился от оказания юридической помощи В. По этой причине Совет приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката и признаёт презумпцию его добросовестности опровергнутой в данной части.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Г. передал С. - финансовому управляющему Д. информацию, которая стала известна адвокату Г. в связи с оказанием ей юридической помощи по возбужденному в отношении нее уголовному делу, и которую С. впоследствии использовал «при подготовке жалоб по ст. 125 УПК РФ», в том числе жалобы по вопросу о снятии ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., которая рассматривалась Т. районным судом города Москвы с участием в судебном заседании 10 марта 2021 года адвоката Г., а также в том, что в указанном судебном заседании адвокат Г. представлял ее финансового управляющего при наличии конфликта интересов, Совет также приходит к выводу о том, что указанные дисциплинарные обвинения нашли свое подтверждение.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что с осени 2018 года Д. намеревалась продать принадлежащее ей недвижимое имущество в поселке Р. третьему лицу, однако сделать это не удалось в связи с вынесением 14 февраля 2019 года Т. районным судом города Москвы упомянутого выше постановления о наложении ареста на это имущество. При рассмотрении 29 апреля 2019 года Московским городским судом апелляционной жалобы Д. на указанное постановление Т. районного суда города Москвы ее защитником как раз и выступал адвокат Г.

Намерение Д. в указанный период времени реализовать данный объект недвижимости подтверждается и заключенным ею 24 мая 2019 года договором его купли-продажи, который она также ранее представила в материалы предыдущего дисциплинарного производства по её жалобам в отношении адвокатов Адвокатского бюро «...» П. и В.

Таким образом, заинтересованность Д. в снятии ареста с ее недвижимого имущества в поселке Р. в апреле 2019 года была вызвана ее намерением свободно реализовать право собственника, продав принадлежащий ей объект недвижимости третьему лицу, чему препятствовали наложенные судом арест

и запрет на совершение регистрационных действий. Все это не могло не быть известно адвокату Г., который, представляя в тот момент интересы Д., добился нужного ей результата.

Когда же адвокат Г. участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года при рассмотрении дела (материала) № ..., в ходе которого поддерживал позицию финансового управляющего Д. – С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р. и приводил аргументы в поддержку данной позиции, для Д. ситуация была уже иной.

К 13 января 2021 года, когда Адвокатским бюро «...» было заключено соглашение с третьим лицом о представлении интересов С., и адвокат Г. принимал поручение по этому соглашению, решением Арбитражного суда города Москвы Д. была признана банкротом, в отношении нее была введена процедура реализации имущества, недвижимое имущество в поселке Р. было включено в конкурсную массу, а С. был назначен ее финансовым управляющим.

Адвокат Г., принимая поручение неустановленного лица на оказание юридической помощи С., знал о том, что последний является финансовым управляющим Д. в деле о банкротстве, а также о ходе рассмотрения этого дела. Знал адвокат Г. и о том, что конкурсным кредитором в указанном деле является его партнер по бюро – П., к тому же указанная информация является общедоступной на официальном сайте Федеральные арбитражные суды Российской Федерации (<http://www.arbitr.ru/>).

Таким образом, адвокат Г., представляя в 2021 году интересы финансового управляющего Д. – С. в обособленной судебной процедуре по снятию ареста, наложенного на недвижимое имущество Д. в рамках уголовного дела, действовал исключительно в интересах финансового управляющего и конкурсных кредиторов, включая ПН. и ООО «...», которые явно противоречили интересам самой Д., добивавшейся пересмотра решения суда о признании ее задолженности перед П. и исключения указанного имущества из конкурсной массы с целью его продажи.

Таким образом, адвокат Г., оказывая финансовому управляющему Д. – С. юридическую помощь в связи с уголовным делом, по которому он ранее оказывал юридическую помощь самой Д., а также представляя интересы С. в суде при рассмотрении вопроса о снятии ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р. с целью передачи его в конкурсную массу, действовал в условиях конфликта интересов, поскольку он ранее осуществлял защиту самой Д. по тому же вопросу, но с другой целью – самостоятельной продажи ею объекта недвижимости.

Несмотря на это, поручение на представление интересов С. было адвокатом Г. принято и исполнялось.

При этом, адвокат Г. не пытался поставить своего бывшего доверителя Д. в известность ни о своем намерении оказывать юридическую помощь С., ни о факте ее оказания.

Как следует из протокола судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 10 марта 2021 года, адвокат Г., обосновывая необходимость снятия ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., указывал на то, что наличие ареста препятствует реализации данного имущества в рамках процедуры банкротства Д., осуществлению расчетов с ее конкурсными кредиторами и с финансовым управляющим С. в части осуществления с ним расчетов по выплате вознаграждения и возмещению расходов.

Адвокат Г. понимал, что позиция Д. и ее отношение к вопросу снятия ареста с недвижимого имущества в поселке Р. при рассмотрении этого вопроса Т. районным судом города Москвы в 2021 году была уже иной. Именно поэтому в судебном заседании 10 марта 2021 года он прямо указал, что Д. «счастлива тем, что следователь наложил арест на это имущество».

В этом же судебном заседании адвокат Г., обосновывая необходимость удовлетворения ходатайства С. о снятии ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., указывал на истечение в декабре 2019 года сроков давности привлечения ее к уголовной ответственности, а также на то, что никаких следственных действий не производится и с 2018 года никакого движения по уголовному делу нет. Тем самым он использовал сведения, ставшие ему известными адвокату в ходе оказания юридической помощи Д., при обосновании в суде позиции ее финансового управляющего С. в обстоятельствах, когда интересы Д. не просто не совпадали с интересами С., но были им противоположны.

Все вышеизложенное свидетельствует о намеренном и грубом пренебрежении адвокатом Г. требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката об обязанностях адвоката по недопущению конфликта интересов доверителей (в том числе потенциального), являющихся основополагающими этическими требованиями адвокатской деятельности.

Доверие к адвокатуре в целом основано на доверии к каждому члену адвокатского сообщества, адвокатской корпорации, и это доверие возможно только при условии профессионального, честного и добросовестного отношения адвоката к своему делу, к адвокатской профессии и своим обязанностям.

Добросовестность адвоката по отношению к лицу, обратившемуся за оказанием правовой помощи, проявляется в особом, фидуциарном (лично-доверительном) характере отношений между ними. Предполагается, что добросовестность адвоката означает осуществление им своей деятельности по представлению прав и интересов доверителя с той степенью заботливости и осмотрительности, с какой адвокат отстаивал бы в аналогичной ситуации собственные интересы (Пилипенко Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. М., Норма, 2016 год).

Убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Даже спустя длительное время адвокат не может представлять интересы процессуального противника бывшего доверителя, в том числе и по другому делу, и вести его против интересов бывшего доверителя; обладание сведениями, составляющими профессиональную (адвокатскую) тайну, ранее доверенными адвокату, не может давать ему никаких преимуществ при представлении интересов других лиц, и использование адвокатом таких сведений без согласия доверителя и/или против его интересов недопустимо, поскольку нарушает п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Иное понимание прав «бывшего» доверителя противоречило бы сути конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, государственной гарантией которого является институт адвокатуры (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). Данный подход выработан в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы достаточно давно (см. Обзоры дисциплинарной практики // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2005. № 7-8, С. 34-38. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2010. Выпуск 1-2. С. 52-53).

Согласно ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката, он «устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. Адвокаты вправе в своей деятельности руководствоваться нормами и правилами Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества постольку, поскольку эти правила не противоречат законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям Кодекса».

В соответствии с п. 3.2.3 Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества от 28 октября 1988 года, текст которого размещен на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<<https://fparf.ru/documents/international-acts/>>), «Адвокат не может принять дело нового клиента, если конфиденциальная информация, данная прежним клиентом, может быть нарушена либо если конфиденциальные знания адвоката по делам бывшего клиента благоприятствуют новому клиенту.»

Однако, как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Г., принимая в 2021 году поручение на оказание юридической помощи финансовому управляющему ДВ. – С., руководствовался поверхностным и формальным подходом: на простом сопоставлении периодов оказания им юридической помощи доверителям без должного внимания к вопросу о том, насколько в действительности совпадают или не совпадают их интересы с учетом известных ему фактических обстоятельств, что и привело к нарушению им основополагающих норм адвокатской этики.

Кроме того, аргументируя в заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года необходимость снятия ареста с принадлежащей Д.

недвижимости в поселке Р., адвокат Г. сообщил суду следующую информацию: *«Это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению».*

Оценивая приведенное высказывание адвоката Г. с точки зрения его содержательности, стилистики, лексики и манеры изложения, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает обоснованным довод жалобы о том, что оно звучит насмешливо. Кроме того, Совет считает, что оно направлено на формирование у суда негативного отношения к Д. как к человеку богатому, у которого в собственности находится много объектов недвижимости и которого совершенно устраивает ситуация невозможности продажи некоторых из них для удовлетворения требований лиц, перед которыми у нее имеется задолженность.

Вместе с тем, учитывая цель, которую адвокат Г. хотел достичь данным высказыванием, а также всю совокупность установленных обстоятельств, при которых адвокат Г. допустил рассматриваемое высказывание в адрес своего бывшего доверителя, Совет приходит к выводу о том, что оно не составляет отдельного, самостоятельного нарушения, но подлежит совместной оценке вместе с иными действиями адвоката Г. в отношении его бывшего доверителя Д., которые уже получили в данном дисциплинарном разбирательстве оценку как подрывающие доверие к адвокату.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом, в том числе защиту ее интересов в Московском городском суде по вопросу наложения ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в поселке Р. в рамках уголовного дела, представляя интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года по тому же вопросу в обстоятельствах, когда интересы С. противоречили интересам Д., используя сведения, ранее полученные им при оказании помощи Д. и допуская в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года насмешливые высказывания, направленные на создание у суда негативного отношения к Д., совершил действия, направленные к подрыву доверия к нему как к адвокату, то есть нарушил п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет исключает из данного дисциплинарного обвинения указание на использование адвокатом Г. сведений, составляющих адвокатскую тайну, поскольку при описанных обстоятельствах оно не подлежит квалификации в качестве самостоятельного нарушения.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Г. за допущенные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Г.

основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. В то же время Совет учитывает, что адвокат Г. полностью признал допущенные им нарушения и раскаялся в содеянном, заверил Совет в том, что сделал соответствующие выводы и впредь не допустит подобных нарушений. Совет также принимает во внимание, что адвокат Г. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При указанных обстоятельствах Совет предлагает адвокату Г. пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает возможным применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом № ..., находящимся в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в том числе по вопросу обжалования постановления Т. районного суда города Москвы 14 февраля 2019 года о наложении ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. деревни Т. О. района М. области, и обладая сведениями, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи Д., 10 марта 2021 года представлял интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы в рамках дела (материала) № ... также по вопросу снятия ареста с ее недвижимого имущества в обстоятельствах, когда интересы его доверителя С. противоречили интересам его бывшего доверителя Д., и, в целях усиления позиции С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. и формирования у суда негативного отношения к Д., допустил следующее насмешливое высказывание в отношении его бывшего доверителя Д.: «Это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению»;

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат Г. 16 ноября 2020 года оказывал юридическую помощь В. при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве в

ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению его бывшего доверителя Д., в условиях конфликта интересов доверителей Д. и В.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Д. от 20 октября 2021 года (вх. № .. от 26.10.2021) в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года представлял интересы Д. при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он должен был участвовать, но не участвовал от ее имени в качестве защитника в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ее оппонентов ООО «...» и П., -вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

9. Совет установил, что попытка адвоката начать переговоры с родственниками процессуального оппонента своего доверителя по мирному урегулированию семейного спора не является дисциплинарным проступком, и прекратил дисциплинарное производство.

Квалификационная комиссия 19 января 2022 года вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе адвоката В. без даты (вх. № ... от 12.11.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат В., извещённый надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 24.03.2022) с просьбой рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Адвокат М., извещённый надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 24.03.2022), в котором просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел настоящее дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Б. районного суда города Москвы с 18 июня 2021 года находится гражданское дело № ... (...) по иску У. к ответчику Ус. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Одновременно с этим в производстве этого же суда с 27 августа 2021 года находилось гражданское дело № ... по иску Б. межрайонного прокурора города Москвы, У.А., У.К., У.И. и У.Х. к ответчику Ус. о выделении долей в жилом помещении, приобретенном с использованием материнского капитала. Интересы У. и её совершеннолетнего сына У.А. в указанных делах представлял заявитель, адвокат В., а интересы ответчика Ус. – адвокат М. 08 ноября 2021 года адвокат М. со своего мобильного телефона +7... посредством мессенджера WhatsApp направил У.А., являющемуся совершеннолетним сыном гражданки У. и гражданина Ус., сообщение следующего содержания: «Добрый вечер! Согласны ли вы со мной поговорить в целях поиска цивилизованного выхода из конфликтной ситуации? Адвокат М.». В дополнение к этому сообщению, адвокатом М. было направлено дополнительное текстовое сообщение следующего содержания: «К сожалению, позиция, занятая адвокатом вашей мамы, на мой взгляд, не является конструктивной, поэтому я вынужден в том числе обращаться и к вам». Совершеннолетний сын У. – У.А., на указанное сообщение адвоката М. ответил сообщением следующего содержания: «Мой адвокат В., по всем вопросам пишите ему», на что от адвоката М. в адрес У.А. последовало сообщение следующего содержания: «Он по всем вопросам бесполезен»)).

Адвокат В. обвиняет адвоката М. в том, что последний вступил в непосредственное общение с доверителем адвоката В. - гражданином У.А. и с несовершеннолетней дочерью доверительницы У. – У.Х., дал по его мнению, негативную оценку профессиональной деятельности адвоката В. по защите интересов доверителей У-х, вплоть до оскорбления, чем умышленно нарушил положения п. 2. ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат вправе беседовать с процессуальным противником своего доверителя, которого представляет другой адвокат, только с согласия или в присутствии последнего), п. 1 ст. 15 Кодекса (адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав) и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса (адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры).

Рассматривая указанные дисциплинарные обвинения, Совет приходит к выводу о том, что они не нашли своего подтверждения.

Каких-либо доказательств направления адвокатом М. текстовых сообщений несовершеннолетней дочери У. – У.Х., в материалы

дисциплинарного производства не представлено. Более того, заявителем не представлено доказательств направления адвокатом М. вышеназванных текстовых сообщений даже в адрес совершеннолетнего У.А., так как представленные заявителем светокопии скриншотов страниц переписки в мессенджере WhatsApp не позволяют с достаточной достоверностью идентифицировать получателя данных текстовых. Вместе с тем, адвокатом М. не отрицался факт направления соответствующих текстовых сообщений У.А., в связи с чем Квалификационная комиссия обоснованно дала оценку указанных действий адвоката М. на предмет их соответствия Кодексу профессиональной этики адвоката.

Как следует из объяснений адвоката М., указанные выше текстовые сообщения им были направлены на телефонный номер совершеннолетнего У.А. по причине категорического отказа адвоката В., выступающего в настоящем дисциплинарном производстве в качестве заявителя, начать какие-либо переговоры по мирному урегулированию вопроса, связанного с установлением порядка общения ответчика Ус. с несовершеннолетними детьми последнего.

Отказ заявителя В. от проведения каких-либо переговоров с адвокатом М., направленных на примирение сторон, а именно супругов У-х, не отрицается и самим заявителем В. а также дополнительно подтверждается представленными им в материалы дисциплинарного производства пояснениями У., в которых отмечается, что «нежелание переговоров» – позиция самой У., которой строго следовал заявитель В.

Пункт 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат вправе беседовать с процессуальным противником своего доверителя, которого представляет другой адвокат, только с согласия или в присутствии последнего.

В то же время п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает для адвоката возможность способствовать примирению сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу. Поэтому предложение начать переговоры по данному вопросу, сделанное адвокатом М. посредством текстовых сообщений на мобильный телефон совершеннолетнего члена семьи У-х – У.А., не только не свидетельствует о нарушении адвокатом М. требований п. 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, а, напротив, демонстрирует позитивную позицию адвоката, направленную на достижение примирения сторон. Такие действия, соответствующие положениям п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, в спорах, вытекающих из семейных правоотношений, являются особо значимыми и заслуживают поддержки.

Данный вывод находится во взаимосвязи с п. 2 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которой предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат заботится об устранении всего, что препятствует мировому соглашению.

Совет также учитывает тот факт, что совершеннолетний сын У. и Ус. – У.А. не являлся процессуальным противником своего отца Ус., являющегося доверителем адвоката М. в судебном споре, связанном с установлением порядка общения ответчика Ус. со своими несовершеннолетними детьми.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что направление адвокатом М. текстового сообщения У.А. с предложением начать переговоры по мирному урегулированию семейного спора между его родителями У. и Ус. не может рассматриваться как действия, нарушающие п. 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет пришел к выводу о необоснованности утверждений заявителя - адвоката В. о том, что данные текстовые сообщения адвоката М. в адрес У.А. преследовали целью «оказания негативного психологического давления» на доверителей заявителя В. и «умаления его [адвоката В. – примечание Совета] деловой репутации» через «негативную оценку моей профессиональной деятельности по защите интересов доверителей У-х, вплоть до оскорбления».

Отправление адвокатом М. в переписке с У.А. в ответ на сообщение последнего: «Мой адвокат В., по всем вопросам пишите ему», сообщения «Он по всем вопросам бесполезен)), во взаимосвязи со смыслом ранее отправленных адвокатом М. сообщений и подтвержденной материалами дисциплинарного производства позицией заявителя В., состоявшей в категорическом отказе от каких-либо переговоров с целью достижения примирения супругов У. и Ус., свидетельствует о том, что данное высказывание адвоката М. касалось именно отношения адвоката В. к достижению мирового соглашения по конкретному судебному спору и не являлось оценкой как личности адвоката В., так и его профессиональной деятельности.

Совет отмечает, что Квалификационная комиссия обоснованно указала заявителю адвокату В., что «очевидно неправильно», когда адвокат, как независимый профессиональный советник по правовым вопросам, принимая в ходе профессиональной деятельности «на себя всю боль своих доверителей и отождествляет себя с клиентом, становится субъектом конфликта» (из выступления Президента ФПА Российской Федерации Ю.С. Пилипенко на пленарной сессии «Примирение в праве: компромисс или уступка?» Ковалевских чтений-2020).

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. неопровергнутой в отношении всех дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе адвоката В. без даты (вх. № ... от

12.11.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

10. Совет прекратил статус адвоката, которая неоднократно вступала в уголовные дела с использованием личных связей с сотрудниками правоохранительных органов.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 19 января 2022 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем Е., что выразилось в заключении ею 05 апреля 2021 года в помещении ОД ОМВД России по району Д. города Москвы с Е. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – ОД ОМВД России по району Д. города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К., в качестве защитника Е. по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих дознавателя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседание Совета не явилась, заявив письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие (вх. № ... от 22.02.2022). Одновременно с этим, в ходатайстве она указала, что получила Заключение Квалификационной комиссии, с выводами Комиссии не согласна, поддерживает свои пояснения по существу жалобы. Ее представители – адвокаты Д. и Г. участвовать в заседании Совета не будут. Все материалы ею были представлены ранее, дополнений к ним нет.

Заявитель Е. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним и согласие с выводами Комиссии. Дополнительно Е. заявил, что представил рукописные доводы и документы в поддержку принятого Заключения, которые он просит Совет учесть при вынесении решения (вх. № ... от 23.03.2022).

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав заявителя Е., Совет в полном объеме соглашается с выводами

Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К. находилось уголовное дело по обвинению Е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ.

05 апреля 2021 года сотрудники полиции доставили Е. в ОМВД России по району Д. города Москвы, в связи с подозрением в совершении указанного преступления.

В этот же день между адвокатом С. и заявителем Е. был заключен Договор (соглашение) об оказании юридической помощи № ... По условиям Договора адвокат С. приняла на себя поручение по осуществлению защиты Е. на стадии предварительного расследования в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы, а вознаграждение адвоката С. составило 30.000 рублей. На момент подписания указанного Договора Е. уже находился в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы.

В материалах дисциплинарного производства имеется заявление Е. на имя старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К. от 05 апреля 2021 года о том, что он возражает против производства следственных действий в ночное время.

06 апреля 2021 года в период с 00.00 час. по 00.20 час. Е. был допрошен в качестве подозреваемого по указанному уголовному делу при участии адвоката С., представившей ордер от 05 апреля 2021 года № ..., выданный Московской городской коллегией адвокатов «...». В ходе допроса Е. отказался от дачи показаний по обстоятельствам уголовного дела в связи с наступлением ночного времени, сообщив лишь сведения о наличии у него судимости и об адресах своей регистрации и фактического места жительства. Протокол допроса подозреваемого Е. от 06 апреля 2021 года подписан им и адвокатом С. без замечаний.

Адвокат С. осуществляла защиту Е. на протяжении всего дознания по уголовному делу и ознакомилась с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УК РФ.

26 апреля 2021 года Е. по предложению адвоката С. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в том числе консультации, в связи с чем Е. не имеет претензий к адвокату С.

25 ноября 2021 года по приговору мирового судьи судебного участка № ... района Д. города Москвы Е. признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ.

В приговоре указано: *«...Доводы защитника ... и подсудимого Е. о том, что в ходе проведения предварительного следствия имелись существенные нарушения права на защиту, поскольку квалифицированная юридическая помощь Е. не оказывалась, была допущена подмена назначения защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, а именно: защитник ... в ордере указала, что она является защитником по соглашению, а фактически она была назначена,*

фактически защита адвокатом ... не осуществлялась, ни одного самостоятельного ходатайства ею заявлено не было, являются несостоятельными, поскольку право на защиту Е. в ходе предварительного расследования нарушено не было, из материалов дела видно, что в ходе предварительного расследования Е. была оказана квалифицированная юридическая помощь со стороны профессионального защитника – адвоката, допущенного к участию в деле на основании соглашения, из протоколов следственных действий усматривается, что они производились с участием адвоката ..., при этом никаких заявлений от Е. о ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей не поступало. Сам Е. не отрицал участия адвоката ... при производстве следственных действий и не отказывался от нее как защитника. Фактов недобросовестного осуществления адвокатом ... обязанностей защитника в ходе предварительного расследования, нарушения ею требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», судом не установлено и из материалов уголовного дела не усматривается».

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат С. фактически не осуществляла защиту Е. по уголовному делу, не поддержала его ходатайства, жалобы, в том числе заявление об отказе участвовать в производстве следственных действий в ночное время; при производстве процессуальных действий адвокат С. демонстративно не вникала в суть происходящего, красила ногти, постоянно с кем-то переписывалась по телефону и много раз выходила из кабинета для телефонных разговоров, а по окончании дознания по уголовному делу не заявила никаких ходатайств, Совет отмечает, что указанные дисциплинарные обвинения какими-либо доказательствами не подтверждаются. Сама адвокат С. указанные доводы жалобы Е. также не подтверждает.

Напротив, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 05 апреля 2021 года Е. заключил с адвокатом С. Договор (соглашение) об оказании юридической помощи. Из объяснений Е. следует, что указанный Договор он заключил, находясь в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы, куда был доставлен сотрудниками полиции. Собственноручное заявление Е. от 05 апреля 2021 года о его отказе участвовать в следственных действиях в ночное время свидетельствует о том, что до сведения последнего были доведены соответствующие положения УПК РФ. Кроме того, протокол допроса подозреваемого Е. от 06 апреля 2021 года, произведенного с участием адвоката С., содержит информацию о разъяснении дознавателем Е. его прав, а также его отказ от дачи показаний в ночное время, и подписан последним без замечаний. Каких-либо доказательств, подтверждающих производство с Е. процессуальных действий в ночное время, а также неоказание ему юридической помощи адвокатом С., заявителем не представлено.

Совет считает необходимым отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственного действия в ночное время не допускается,

за исключением случаев, не терпящих отлагательства. При этом согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ под ночным временем понимается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. Полномочие по отнесению следственного действия к числу неотложных предоставлено законом лицу, в производстве которого находится уголовное дело. С учетом изложенного Совет отмечает, что к компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления не относится оценка таких действий и решений дознавателя.

Совет также обращает внимание заявителя Е. на то, что дисциплинарные обвинения в указанной части неконкретны, так как в его жалобе не указано, в какой именно момент производства по уголовному делу и какие именно ходатайства и жалобы Е. адвокат С. не поддержала, а какие ходатайства не заявила по окончанию дознания по уголовному делу.

Кроме того, Е. не отказывался от адвоката С., а 26 апреля 2021 года подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в связи с чем он не имеет претензий к адвокату С.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат С. вступила в уголовное дело в качестве защитника Е., представив в материалы уголовного дела ордер от 05 апреля 2021 года № ..., а также ордер от 13 апреля 2021 года № ..., в каждом из которых указано, что он выдан на основании соглашения об оказании юридической помощи, при этом Е. не заключал с адвокатом С. никаких соглашений об оказании юридической помощи, Совет отмечает, что в силу положений пп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2-7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 50 УПК РФ).

Несмотря на то, что Е. отрицает заключение с адвокатом С. соглашения об осуществлении его защиты и утверждает, что адвокат С. была представлена ему дознавателем как назначенный защитник, в материалах дисциплинарного производства содержатся светоконии подписанных Е. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 05 апреля 2021 года № ... и акта выполненных адвокатом С. работ от 26 апреля 2021 года. Кроме того, как указано выше, указанные доводы Е. признаны необоснованными судом по результатам рассмотрения уголовного дела по существу.

В своих дополнениях к жалобе и устных объяснениях Е. указывает, что 05 апреля 2021 года подписывал какие-то документы, представленные ему адвокатом С., не вникая в их содержание, но не помнит, подписывал ли он 26 апреля 2021 года акт выполненных адвокатом С. работ.

Приведенные обстоятельства позволяют Совету прийти к выводу о том, что указанный Договор действительно подписывался Е., и именно на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 05 апреля 2021 года № ... адвокат С. представила в материалы уголовного дела ордер от 05 апреля 2021 года № ..., выданный на защиту Е., в котором в графе «основание выдачи ордера» указано «соглашение».

Представленная Е. в материалы дисциплинарного производства светокония ордера от 13 апреля 2021 года № ..., находящегося в материалах уголовного дела, сама по себе не свидетельствует о каких-либо нарушениях прав Е.

Вместе с тем, давая оценку рассматриваемому дисциплинарному обвинению, Совет считает необходимым применить сформировавшийся в дисциплинарной практике стандарт доказывания соблюдения адвокатом профессиональных правил при вступлении в уголовное дело в качестве защитника. В этих целях Совет последовательно рассматривает всю совокупность обстоятельств, связанных с появлением адвоката в месте производства следственных и иных процессуальных действий с доверителем, источниками информированности адвоката о потребности доверителя в защите, заключением соглашения об оказании юридической помощи и оплатой гонорара, периодом участия адвоката-защитника в уголовном деле, процессуальным поведением защитника после участия в первоначальных следственных и иных процессуальных действиях, а также с процессуальным поведением следователя по обеспечению реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Оценка дисциплинарного обвинения в подмене основания вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника (защита по соглашению вместо защиты по назначению) требует от органов адвокатского самоуправления соблюдения высокого стандарта доказывания, устраняющего любые разумные сомнения в том, что адвокат использовал личные связи с работниками правоохранительных органов для вступления в уголовное дело.

Рассматривая с этих позиций указанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет обращает

внимание, что подписание соглашения об оказании юридической помощи адвокатом и доверителем является актом формализации их отношений, которые по своему характеру являются фидуциарными (доверительными) и формируются не в силу самого факта подписания такого соглашения, а до этого под воздействием определенных, хотя и в каждом случае уникальных фактических обстоятельств, создающих для формирования доверительных отношений необходимые условия. Только в контексте таких отношений заключение соглашения об оказании юридической помощи может быть признано результатом волеизъявления обратившегося за оказанием юридической помощи лица, которое в уголовном судопроизводстве является одной из форм реализации права подозреваемого и обвиняемого на свободный выбор защитника.

На фоне отрицания заявителем Е. своего волеизъявления на заключение Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 05 апреля 2021 года № ... адвокатом С. не представлено убедительных объяснений об обстоятельствах, которые через формирование доверительных отношений между ней и заявителем Е. могли бы создать условия для добровольного заключения последним соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом С. При этом адвокат С. в своих письменных объяснениях не только не отрицает того обстоятельства, что до 05 апреля 2021 года Е. не был знаком с ней и не приглашал ее для осуществления его защиты по уголовному делу, но и не сообщает, кто конкретно обратился к ней с просьбой явиться в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы в ночное время для осуществления защиты Е., а также не поясняет другие обстоятельства заключения указанного Соглашения.

Квалификационной комиссией правильно установлено, что 05 апреля 2021 года Е. был доставлен в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы. В своей жалобе и дополнениях к ней Е. указывает, что он желал воспользоваться юридической помощью защитника по назначению, поскольку ограничен в денежных средствах. По этой же причине он не оплатил адвокату С. вознаграждение, предусмотренное Соглашением, что также подтверждается ответом Московской городской коллегией адвокатов «...» о том, что в кассу или на расчётный счёт адвокатского образования денежные средства в счёт оплаты работы адвоката С. по указанному Соглашению не поступали.

Несмотря на то, что Е. подозревался в совершении преступления, находился в ОД ОМВД России по району Д. города Москвы и был допрошен в качестве подозреваемого, старший дознаватель К. не разместила в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты Е. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, что подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 15 ноября 2021 года.

С учетом изложенного Совет приходит к выводу о том, что о находящемся в производстве старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К. уголовном деле в отношении Е. адвокат С. могла узнать только от нее (лично или опосредованно), и именно старший дознаватель К. (лично или опосредованно) предложила адвокату С. явиться в следственный орган для осуществления защиты Е.

При таких обстоятельствах, Совет признаёт, что оформление адвокатом С. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 05 апреля 2021 года № ... являлось лишь средством обеспечения ее вступления в уголовное дело по устной договоренности со старшим дознавателем К., в производстве которой находилось данное уголовное дело.

На это же указывает и последующее поведение адвоката С., которая впоследствии (вплоть до вынесения Заключения Квалификационной комиссии) не предпринимала никаких действий, направленных на взыскание с Е. вознаграждения по заключенному Соглашению.

Вместе с тем, согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами».

Следовательно, действия адвоката С. по заключению с Е. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 05 апреля 2021 года № ... противоречат приведенным правовым положениям.

Вступление адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника Е. на основании указанного Договора (соглашения) позволило дознавателю провести допрос Е. в качестве подозреваемого по уголовному делу, а также иные процессуальные действия с участием адвоката С. в качестве его защитника по соглашению, не создавая заявки в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы. Именно в этом, по мнению Совета, и заключалось практическое значение вступления адвоката С. 05 апреля 2021 года в уголовное дело.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., что выразилось в заключении ею 05 апреля 2021 года в помещении ОД ОМВД России по району Д. города Москвы с Е. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – ДО ОМВД России по району Д. города Москвы в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К., в качестве защитника Е. по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих

следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и злостный характер, сопряжённый с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил вступления в уголовное дело и участия в нём в качестве защитника. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в отсутствие законных оснований (назначения в установленном порядке или заключения соглашения об оказании юридической помощи на основе свободного выбора адвоката доверителем) в совокупности с явно недопустимым и недостойным звания адвоката способом привлечения доверителя путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов свидетельствует о преследовании адвокатом С. в профессиональной деятельности интересов и целей, несовместимых со статусом адвоката.

При этом Совет принимает во внимание систематическое нарушение адвокатом С. указанного выше запрета, что подтверждается Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 ноября 2021 года № ... и от 21 декабря 2021 года № ..., каждым из которых к ней была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за аналогичные нарушения.

Совет дважды предоставлял адвокату С. возможности скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, указывая об этом в своих решениях. Однако систематический характер аналогичных нарушений профессиональных правил поведения свидетельствует о стойком нежелании адвоката С. соблюдать установленные адвокатским сообществом обязательные требования и разделять профессиональные ценности.

Совокупность описанных обстоятельств убедительно показывает, что адвокат С. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами и не желает их приобретать.

При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката С. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату С. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что

оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые ею нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого С. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая наличие предыдущих дисциплинарных взысканий, считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., что выразилось в заключении ею 05 апреля 2021 года в помещении ОД ОМВД России по району Д. города Москвы с Е. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – ОД ОМВД России по району Д. города Москвы в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве старшего дознавателя ОД ОМВД России по району Д. города Москвы К., в качестве защитника Е. по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих дознавателя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе Е. от 13 сентября 2021 года (вх. № ... от 13.09.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

11. Совет прекратил статус адвоката, нарушившего Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве и не подавшего апелляционную жалобу на постановление суда об избрании обвиняемой меры пресечения в виде заключения под стражу. Помимо этого, адвокат включил в условия Соглашения пункт, предусматривающий, что при досрочном расторжении Соглашения по инициативе доверителя аванс и другие денежные средства, полученные адвокатом, не возвращаются; а также представил доверителю Акт выполненных работ с требованием выплатить ему сумму, превышающую согласованную сторонами Соглашения.

19 января 2022 года Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения дисциплинарного производства в отношении адвоката К., в котором объединены дисциплинарное производства, возбужденные по жалобе К.М. и по жалобе К.Ю., вынесла Заключение:

о ненадлежащем, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.М., выразившемся:

- во включении в Соглашение об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ..., заключенное между адвокатом К. и доверителем К.М., пункта 2.5, предусматривающего, что при досрочном расторжении Соглашения по инициативе доверителя, аванс и другие денежные средства, полученные адвокатом, не возвращаются;

- в представлении К.М. Акта выполненных работ от 24 октября 2021 года № 26, содержащего требование оплатить работу, выполненную адвокатом К. в ходе осуществления защиты К.Ю., в сумме, превышающей согласованную сторонами в пункте 2.1 Соглашения и рассчитанной адвокатом исходя из почасовой оплаты, не предусмотренной заключенным Соглашением, включая работу, выполненную в качестве защитника по назначению 08 сентября 2021 года, а также расходы на оплату бензина АИ-95 для личного автотранспорта, компенсация которых не предусмотрена Соглашением об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ...;

о неисполнении адвокатом К., вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем К.Ю., что выразилось в неподаче им апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года об избрании обвиняемой К.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу;

о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

02 марта 2022 года Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения дисциплинарного производства в отношении адвоката К., возбужденного по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ..., вынесла Заключение:

о нарушении адвокатом К. взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в осуществлении 08 сентября 2021 года защиты К.Ю. на стадии предварительного расследования уголовного дела № ..., находящегося в производстве ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176);

о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... № ... от 21 февраля 2022 года вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Протокольным постановлением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 марта 2022 года дисциплинарные производства в отношении адвоката К., возбужденные по жалобам К.М., К.Ю. и по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ..., объединены в одно дисциплинарное производство ввиду взаимосвязанности их обстоятельств.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился. Согласно сообщению заместителя руководителя О. межрайонного

следственного отдела Следственного управления Следственного комитета России по В. области П. от 03 марта 2022 года № ... (вх. № ... от 18.03.2022), адвокат К. 03 марта 2022 года задержан в порядке ст. 91 УПК РФ по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 291.1 и ч. 4 ст. 159 УК РФ. Согласно служебной записке руководителя отдела дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы Перминовой Т.А. от 24 марта 2022 года в состоявшемся в этот день телефонном разговоре заместитель руководителя О. межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета России по В. области П. сообщил, что 03 марта 2022 года О. районный суд города В. избрал в отношении адвоката К. меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца.

Представитель заявителя К.Ю., содержащейся под стражей в ФКУ № ... УФСИН России по городу Москве, - адвокат М. (регистрационный № ... в Реестре адвокатов К. области, удостоверение адвоката № ... выдано 17 января 2018 года Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по К. области, ордер от 12 января 2022 года № ...), извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился. Согласно служебной записке руководителя отдела дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы Перминовой Т.А. от 24 марта 2022 года, адвокат М. по телефону сообщил, что по причине занятости не может принять участие в заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката К. в его отсутствие, а также в отсутствие заявителя К.Ю. и ее представителя – адвоката М.

Заявитель К.М. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласилась с выводами Комиссии, выбор меры дисциплинарной ответственности адвокату К. оставила на усмотрение Совета.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключениями Квалификационной комиссии от 19 января 2022 года и 02 марта 2022 года, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного производства установлено, что в производстве ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве находилось уголовное дело № ..., возбужденное 07 июня 2021 года в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В одном производстве с указанным уголовным делом объединены еще 11 уголовных дел.

07 сентября 2021 года 21.10 час. следователь ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве Ш. разместил в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) заявку № ... на обеспечение подозреваемой И. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Эта заявка 08 сентября 2021 года в 00.12 час. была принята адвокатом К., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете. Заявка на обеспечение К.Ю. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, в АИС АПМ не размещалась.

Согласно пояснениям адвоката К., когда он 08 сентября 2021 года по заявке № ... прибыл к месту производства процессуальных действий для осуществления защиты И., от следователя ему стало известно, что по уголовному делу задержаны несколько лиц, поэтому следователь разместил в АИС АПМ несколько заявок с вымышленными фамилиями, с намерением в дальнейшем самостоятельно определять, какой из явившихся адвокатов будет защищать того или иного задержанного. Адвокату К. неизвестно, задерживалась ли 08 сентября 2021 года И. и является ли она обвиняемой по уголовному делу № ...

Несмотря на то обстоятельство, что заявка на защиту К.Ю. в АИС АПМ следователем не размещалась и адвокатом К. не принималась, он оформил ордер от 08 сентября 2021 года № ... на защиту К.Ю. в ... отделе СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, в графе «основание выдачи ордера» указал «ст. 51 УПК РФ», после чего предъявил этот ордер следователю и вступил в уголовное дело в качестве защитника К.Ю. При этом К.Ю. на имя входящего в следственную группу следователя СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Г. собственноручно было написано заявление от 08 сентября 2021 года следующего содержания: «Я, К.Ю., 06.01.1989 желаю, чтобы мою защиту осуществлял адвокат К.».

После этого с участием адвоката К. в 21.40 час. 08 сентября 2021 года был составлен протокол задержания К.Ю. в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, в котором подозреваемая К.Ю. указала, что с задержанием не согласна. В этот же день в период с 21.48 час. по 21.55 час. К.Ю. с участием адвоката К. была допрошена в качестве подозреваемого по уголовному делу № ... и отказалась от дачи показаний.

09 сентября 2021 года между матерью К.Ю. – К.М. и адвокатом К. в интересах К.Ю. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ..., предмет которого сформулирован следующим образом: «Защита К.Ю. на предварительном следствии и в суде». По условиям Соглашения вознаграждение адвоката составило 300 000 рублей, из которых при заключении Соглашения уплачивается аванс в размере 250 000 рублей, а остальные 50 000 рублей уплачиваются после выполнения требований, предусмотренных ст. 217 УПК РФ. В соответствии с п. 2.5 Соглашения, «В случае расторжения соглашения по инициативе доверителя до его выполнения, аванс и др. денежные суммы, полученные адвокатом, не

возвращаются и не компенсируются». К.М. оплатила адвокату К. аванс в размере 250 000 рублей, получение которого не отрицается адвокатом К.

В этот же день адвокат К. предъявил следователю ордер от 09 сентября 2021 года № ..., выданный адвокату К. на защиту К.Ю. в ... отделе СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, в графе «Основание выдачи ордера» которого указал соглашение. После этого К.Ю. было предъявлено обвинение, а в период с 21.15 час. по 21.30 час. она была допрошена в качестве обвиняемой. В протоколе допроса К.Ю. в качестве обвиняемой указано, что она не признает себя виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, при этом К.Ю. отказалась от дачи показаний. Все процессуальные действия с К.Ю. проходили с участием адвоката К., протоколы процессуальных действий подписаны К.Ю. и адвокатом К. без замечаний.

10 сентября 2021 года постановлением Т. районного суда города Москвы К.Ю. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении суда указано, что обвиняемая К.Ю. и ее защитник – адвокат К. возражали против удовлетворения ходатайства органа следствия и просили избрать К.Ю. меру пресечения в виде домашнего ареста. Адвокат К. постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года в апелляционном порядке не обжаловал.

06 октября 2021 года Т. районный суд города Москвы при участии адвоката К. продлил К.Ю. срок содержания под стражей.

24 октября 2021 года адвокат К. получил от К.М. заявление от 21 октября 2021 года, содержащие уведомление о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ..., а также просьбу вернуть уплаченное ею адвокату К. вознаграждение за вычетом оплаты выполненной работы. В этот же день адвокатом К. был составлен и вручен под роспись К.М. Акт выполненных работ № ..., в котором указано:

«1. Допрос в качестве подозреваемой в УВД ..., - затрачено 2 часа, Очная ставка в УВД ... – затрачено 2 часа, израсходовано 15 литров бензина аи-95.

2. Ожидание у ИВС УВД по ..., далее следственные действия – предъявление обвинения, допрос в качестве обвиняемой. Затрачено 3 часа, израсходовано 15 литров бензина аи-95.

3. Избрание меры пресечения в Т. районном суде г. Москвы – затрачено 2 часа, израсходовано 10 литров бензина аи-95.

4. Продление меры пресечения в Т. районном суде г. Москвы – затрачено 2 часа, израсходовано 10 литров бензина аи-95.

5. Посещение К.Ю. в СИЗО № Затрачено 4 часа. Израсходовано 15 литров бензина аи-95.

6. В виду заключения с вами соглашения, вынужден был отказаться от принятия уголовного дела и заключения соглашения на сумму 400 000 рублей.

Согласно п.п. 2.4 данного соглашения, при расторжении соглашения, сумма аванса не возвращается.

Согласно п.п. 2.2 соглашения – доверитель компенсирует расходы адвоката, связанные с исполнением поручения в полном объеме.

Согласно п.п. 2.3 Соглашения – если соглашение расторгнуто до того, как поручение исполнено полностью, доверитель обязан возместить адвокату понесенные расходы и уплатить вознаграждение соразмерно выполненной работе согласно прейскуранта стоимости правовой помощи адвоката, члена Адвокатской палаты г. Москвы. (согласно рекомендациям по гонорарной практике).

Всего в рамках соглашения мной было затрачено – 15 часов. Израсходовано 65 литров бензина аи-95.

Итого затрат адвоката: 1) 15 час * 30 000 руб. = 450 000 руб. 2) 65 литров * 51,3 = 3334,5. 450 000 + 3334,5 = 453 334,5 руб.

Вами был внесен аванс в сумме 250 000 руб. Исходя из условий соглашения, прошу вас незамедлительно оплатить мне деньги в сумме 203 334,5 рублей».

Рассматривая дисциплинарное обвинение, содержащееся в представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ..., о нарушении адвокатом К. установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, Совет отмечает, что в силу требований ч. 4 ст. 50 УПК РФ в случаях, когда участие защитника является обязательным, следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 4 ст. 50 УПК РФ, пп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов своим решением от 15 марта 2019 года утвердил «Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве», абз. 2 п. 2.1 которого установлено, что «В целях организации исполнения настоящего Порядка советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей».

На момент вступления 08 сентября 2021 года адвоката К. в уголовное дело № ... в качестве защитника по назначению подозреваемой К.Ю., действовали Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30

сентября 2019 года № 176). В п. 3 указанных Правил указано, что «обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ)» (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2019. Выпуск № 3 (146). С. 4-8*).

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что адвокат К. вступил в уголовное дело в качестве защитника К.Ю. на стадии предварительного расследования уголовного дела № отделом СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве и участвовал в нём при задержании К.Ю. в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, и в ходе последующего ее допроса в качестве подозреваемого 08 сентября 2021 года в период с 21.48 час. по 21.55 час., при этом в АИС АПМ соответствующее уведомление следователя о необходимости выделения адвоката для защиты К.Ю. в порядке, предусмотренном ст. 50, 51 УПК РФ, не размещалось, и, соответственно, адвокатом К. такая заявка не принималась.

Адвокат К. свое вступление в уголовное дело № ... в отношении К.Ю. минуя автоматизированную информационную систему Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) отрицал, поясняя, что принял заявку № ... от 07 сентября 2021 года, на основании которой явился в следственный орган для осуществления защиты И., однако следователем ему было устно поручено осуществление защиты не И., а К.Ю.

Приведенные доводы адвоката К. Совет отклоняет как несостоятельные, так как согласно абз. 4 п. 10 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ «сведения, предоставленные инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело».

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Сопоставляя приведенные выше правовые положения с установленными в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства обстоятельствами, Совет полагает, что адвокатом К. нарушен изложенный выше порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

В соответствии с пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом К. взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в осуществлении им 08 сентября 2021 года защиты К.Ю. на стадии предварительного расследования уголовного дела № ..., находящегося в производстве ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Совет полагает, что сам по себе факт вступления в уголовное дело адвоката К. в качестве защитника К.Ю. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, свидетельствует о невозможности и незаконности его участия в этом качестве в каких-либо следственных и иных процессуальных действиях. Вместе с тем Совет считает возможным самостоятельно рассмотреть иные доводы представления вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... и дать им правовую оценку.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката К. 08 сентября 2021 года в уголовное дело в качестве защитника К.Ю. на стадии предварительного расследования до истечения 24-часов с момента фактического задержания последней, Совет отмечает, что в Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года № 9 по вопросам профессиональной этики «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указано, что «24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки

приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42*).

В соответствии с ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что уголовные дела в отношении двенадцати неустановленных лиц были возбуждены 07 сентября 2021 года, в этот же день в 21.10 час. следователь ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве Ш. разместил в АИС АПМ заявку № ... на обеспечение 08 сентября 2021 года в 15.00 час. И. защитником в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ. Сами «неустановленные лица», включая К.Ю., на тот момент были фактически задержаны и находились в помещении УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве.

Первым процессуальным действием, в котором принял участие адвокат К., было задержание К.Ю. в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, которое имело место 08 сентября 2021 года в 21.40 час. Таким образом, исходя из времени размещения заявки № ... (21.10 час. 07 сентября 2021 года), к моменту оформления протокола задержания К.Ю. с участием адвоката К. с момента фактического лишения К.Ю. свободы передвижения истекло более 24-х часов.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушения адвокатом К. положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в указанной части.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя К.М. в том, что адвокат К. включил в Соглашение об оказании юридической помощи от 09 сентября 2022 года № ... условие, в соответствии с которым при досрочном расторжении доверителем Соглашения в одностороннем порядке доверителю не возвращается уплаченный аванс, а также другие денежные средства, полученные адвокатом, Совет отмечает, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только

оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

В силу п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. На основании п. 5 ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в адвокатском кабинете заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации адвокатского кабинета.

В соответствии с пп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к существенным условиям соглашения на оказание юридической помощи относятся также условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь. При этом согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение на оказание юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей.

Обязанность доверителя оплатить вознаграждение только соразмерно выполненной работе прямо предусмотрена положениями ст. 978 ГК РФ. При этом соглашение на оказание юридической помощи при осуществлении защиты по уголовному делу по своей правовой природе является разновидностью договора поручения.

Совет неоднократно отмечал, что правовая природа заключаемого адвокатом с доверителем соглашения на оказание юридической помощи исключает возможность возникновения у адвоката убытков просто из-за досрочного расторжения соглашения по инициативе доверителя, поскольку адвокатская деятельность не является предпринимательской (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6, (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 19*).

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года (*опубликованы для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11)*), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара». Указанные Разъяснения даны Советом Адвокатской палаты города Москвы в пределах его компетенции и подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.М. в указанной части, выразившемся во включении адвокатом К. в Соглашение об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ... пункта 2.5, в соответствии с которым в случае досрочного расторжения Соглашения по инициативе доверителя аванс и другие денежные средства, полученные адвокатом, не возвращаются.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя К.М. в том, что адвокат К. в Акте выполненных работ от 24 октября 2021 года № ... потребовал произвести дополнительную оплату денежных средств, не предусмотренных Соглашением об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ..., в том числе и за выполненную им работу до заключения указанного Соглашения, в одностороннем порядке изменил условия Соглашения, произвел расчет выполненной им работы на основании ничем не аргументированных завышенных ставок, Совет отмечает, что согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации» существенными условиями соглашения являются условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (пп. 3 п. 4), порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения, за исключением случаев, когда юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (пп. 4 п. 4).

В соответствии с п.п. 1, 2 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения, причитающегося ему за исполняемую работу. Вознаграждение определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В том случае, если между доверителем и адвокатом согласован фиксированный размер вознаграждения, он, в силу изложенных норм законодательства, указывается в заключаемом соглашении об оказании правовой помощи. Если же соглашением предусмотрено определение вознаграждения на основании почасовых ставок, то обязанность адвоката по надлежащей фиксации в понятной для доверителя и исключаяющей для него неопределенность в данном вопросе форме причитающегося адвокату за оказанную юридическую помощь вознаграждения реализуется посредством предоставления доверителю отчета о проделанной работе, содержащего перечень действий, совершенных адвокатом в рамках оказания юридической помощи, и, вместе с отчетом или отдельно от него, сделанного в соответствии с ним расчета вознаграждения.

При рассмотрении дисциплинарного производства установлено, что Соглашение об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ... предусматривает выплату адвокату К. только вознаграждения за оказываемую юридическую помощь в размере 300 000 рублей (п. 2.1 Соглашения) и не содержит условий о компенсации ему К.М. каких-либо расходов, связанных с использованием им личного автомобильного транспорта, а также об оплате его работы (включая время, затраченное на ожидание) исходя из почасовых ставок и сверх указанной суммы.

Несмотря на это, как указано выше, 24 октября 2021 года адвокат К. оформил Акт выполненных работ № ..., в котором указал всю работу, выполненную им с момента вступления в уголовное дело 08 сентября 2021 года (участие в допросе К.Ю. в качестве подозреваемой, в очной ставке, ожидание у изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органа следствия об избрании К.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу, участие в судебном заседании по рассмотрению

ходатайства органа следствия о продлении К.Ю. срока содержания под стражей, посещение подзащитной в следственном изоляторе), а также затраты, связанные с исполнением поручения, под которыми адвокат К. понимает оплату стоимости бензина АИ-95. При этом адвокат К. произвел расчет стоимости оказанной им юридической помощи исходя из почасовой ставки в размере 30 000 рублей, включая время, затраченное на ожидание. В результате такого подхода стоимость оказанной адвокатом юридической помощи в течение нескольких дней, указанная в Акте, существенно превысила стоимость оказания юридической помощи, согласованную сторонами в п. 2.1 Соглашения за защиту на стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства в суде первой инстанции.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства адвокат К. пояснил, что под указанным в Соглашении «Прейскурантом стоимости правовой помощи адвоката – члена Адвокатской палаты г. Москвы от 21.05.2009 г.» им в действительности имелся ввиду «Прейскурант цен», утвержденный 21 мая 2009 года на заседании президиума М. коллегии адвокатов, в которой он ранее осуществлял адвокатскую деятельность. При этом данный «Прейскурант» не являлся неотъемлемой частью Соглашения об оказании юридической помощи и до сведения доверителя К.М. не доводился, а возможность превышения согласованного размера вознаграждения Соглашением не предусмотрена.

Совет также отмечает, что адвокат К. 08 сентября 2021 года вступил в уголовное дело в качестве защитника К.Ю. по назначению. Соглашение об оказании юридической помощи № ... он заключил с К.М. 09 сентября 2021 года. Однако в Акт выполненных работ от 24 октября 2021 года № ... адвокат К. включил также и стоимость юридической помощи, оказанной им К.Ю. 08 сентября 2021 года в качестве защитника по назначению.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката К. о том, что он составил Акт выполненных работ от 24 октября 2021 года № ... для того, чтобы показать К.М. расходы, понесенные им в ходе исполнения поручения, и подтвердить полную отработку уплаченного К.М. аванса. Вопреки этому утверждению, в Акте содержится адресованное К.М. требование «незамедлительно оплатить мне [адвокату К. – Примечание Совета] деньги в сумме 203 334,5 рублей».

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт, что указание адвокатом К. в Акте приведенных выше сведений и предъявление им К.М. требования оплатить денежные средства сверх суммы, предусмотренной Соглашением, нарушает требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет разъясняет заявителю К.М., что имущественные споры между доверителями и адвокатами (включая споры о возврате адвокатом доверителю уплаченного вознаграждения полностью или в части) дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации неподведомственны, поскольку находятся за пределами их

компетенции, определенной Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката. Указанные споры подлежат разрешению судом в порядке гражданского судопроизводства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение заявителя К.Ю. в том, что адвокат К. не обжаловал постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года об избрании ей меры пресечения в виде заключения под стражу, Совет отмечает, что согласно п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (*Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <<http://fparf.ru>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57)», стр. 140-142*) адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

В соответствии с пп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, а также при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам». Согласно абз. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату». Вопрос о мере пресечения разрешается судом также и при постановлении приговора и является его составной неотъемлемой частью (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Поэтому содержание пп. 3 п. 4 абз. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, с учетом обязанности адвоката разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), распространяется не только на приговор суда, но и на все другие вопросы, разрешаемые при его постановлении, а также на судебные решения по вопросу об избрании, изменении и продлении меры пресечения. Данная правовая позиция является устоявшейся в правоприменительной практике Совета Адвокатской палаты города Москвы и неоднократно публиковалась в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (см., например, *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. № 1-3*).

Из постановления Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года усматривается, что адвокат К. возражал против удовлетворения ходатайства следователя об избрании обвиняемой К.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу и просил избрать в отношении нее меру

пресечения в виде домашнего ареста, ссылаясь на непричастность последней к совершенному преступлению, ее готовность сотрудничать с органами следствия, наличие у нее российского гражданства и постоянного места жительства в городе Москве, отсутствие намерения скрываться от органов следствия и суда, непредставление следствием объективных данных, свидетельствующих о наличии у нее таких намерений.

Т. районный суд города Москвы позицию адвоката-защитника К. не разделил, избрал обвиняемой К.Ю. меру пресечения в виде заключения под стражу. Однако адвокат К. постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года не обжаловал.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката К. о том, что указанное постановление суда он не обжаловал по той причине, что этого не желала К.Ю., и в дальнейшем ни она, ни ее защитники по соглашению не обжаловали данное постановление. Указанный довод опровергается тем, что в ходе судебного заседания К.Ю. возражала против избрания ей меры пресечения в виде заключения под стражу, а в силу приведенных выше правовых положений фиксация отказа подзащитного от обжалования исключительно письменным заявлением адвокату является гарантией обсуждения данного вопроса между ними, как и подтверждением отказа доверителя от реализации своего права.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат К. был обязан обжаловать постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года об избрании обвиняемой К.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу, однако не исполнил эту свою профессиональную обязанность.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат К. фактически не оказал К.Ю. юридической помощи, не ознакомился сам и не ознакомил К.Ю. с материалами уголовного дела, не был готов к ее допросу в качестве подозреваемой и участию в очной ставке, указал К.Ю. на необходимость воспользоваться правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации, не выяснил ее позицию по уголовному делу, активно настаивал на признании К.Ю. вины, даче ею изобличающих себя показаний, предоставил ей только 4 из 28 документов, имеющих в уголовном деле, Совет отмечает, что указанные дисциплинарные обвинения какими-либо доказательствами не подтверждаются. В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и злостный характер, игнорирование адвокатом правил участия адвокатов в качестве защитника по назначению, а также

безнравственность и наличие корыстного мотива в отношениях с доверителем. Подобное профессиональное поведение несовместимо с принадлежностью к адвокатскому сообществу. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката и полагает невозможным применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это противоречило бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, и могло бы дать основание полагать, что совершённые адвокатом К. нарушения совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая длительный стаж профессиональной деятельности адвоката К., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в Реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

нарушение им взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в осуществлении 08 сентября 2021 года защиты К.Ю. на стадии предварительного расследования уголовного дела № ..., находящегося в производстве ... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утверждён Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года), а также Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве,

утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176);

ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К.М., выразившееся:

- во включении в Соглашение об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ..., заключенное между адвокатом К. и доверителем К.М., пункта 2.5, предусматривающего, что при досрочном расторжении Соглашения по инициативе доверителя, аванс и другие денежные средства, полученные адвокатом, не возвращаются;

- в представлении К.М. Акта выполненных работ от 24 октября 2021 года № ..., содержащего требование оплатить работу, выполненную адвокатом К. в ходе осуществления защиты К.Ю., в сумме, превышающую согласованную сторонами в пункте 2.1 Соглашения и рассчитанной адвокатом исходя из почасовой оплаты, не предусмотренной заключенным Соглашением, включая работу, выполненную в качестве защитника по назначению 08 сентября 2021 года, а также расходы на оплату бензина АИ-95 для личного автотранспорта, компенсация которых не предусмотрена Соглашением об оказании юридической помощи от 09 сентября 2021 года № ...;

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем К.Ю., что выразилось в неподаче им апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 10 сентября 2021 года об избрании обвиняемой К.Ю. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Установить срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы ... от 21 февраля 2022 года № ... и по жалобе К.М. от 03 ноября 2021 года (вх. № ... от 26.11.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

12. Адвокат получил предупреждение за то, что приобрёл статус цессионария в целях завладения правом требования долга своего доверителя и предъявил иск о взыскании этого долга.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 19 января 2022 года адвокатом А. допущено:

1) ненадлежащее, вопреки положениям абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката») и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что в ходе оказания юридической помощи доверителю И. он за свой счет приобрел у И. на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года имущественные права требования к доверителю И. на сумму 2 900 000 рублей, возникшие из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, фактически уплатив за них И. 100 000 рублей;

2) нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что, получив в ходе оказания юридической помощи доверителю И. информацию о наличии у И. долговых обязательств перед ООО «...» в сумме 2 900 000 рублей, возникших из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, и приобретя по просьбе И. данные права требования за 100 000 рублей на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года, заключенного с И., он, действуя вопреки интересам И. и ранее достигнутой договоренности, предъявил 20 апреля 2021 года в Н. районный суд Н. области иск о взыскании с И. задолженности по вышеуказанным договорам займа в сумме 2 650 000 рублей.

Заявитель И. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним; отметила, что не согласна с одним выводом Заключения.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, не согласился с выводами Заключения, поддержал свои письменные возражения.

Иные объяснения, данные в ходе заседания Совета заявителем И., её представителем В. и адвокатом А., приведены далее.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, но частично не соглашается с её выводами в силу следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что заявитель И. обратилась к адвокату А. за правовой помощью по поводу урегулирования

своих долговых обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью. Между ними были заключены договоры, в числе которых соглашения от 26 июня 2020 года об оказании юридической помощи № ..., № ... и № ..., предусматривавшие представление и защиту интересов И. как индивидуального предпринимателя.

06 ноября 2020 года И. подписала отчеты «о выполненных услугах», подтвердив, что юридическая помощь по перечисленным соглашениям оказана адвокатом А. надлежащим образом, своевременно и в полном объеме, а также, что оказание юридической помощи по этим соглашениям прекращается с 03 ноября 2020 года.

Кроме того, адвокат А. на основе соглашения об оказании юридической помощи № ... от 10 апреля 2020 года представлял интересы ООО «...», где И. была генеральным директором.

В этот же период времени у И. возникла необходимость исполнения долговых обязательств перед ООО «...» (далее - ООО «...»), возникших из договоров займа: от 27 декабря 2017 года на сумму 1 250 000 рублей и от 09 января 2018 года на сумму 1 650 000 рублей. В этом она также рассчитывала на содействие адвоката А., оказывавшего ей в тот же период правовую помощь по вопросам, касающимся взаимоотношений с иными контрагентами. В ходе проводившихся переговоров заинтересованных лиц и их представителей обсуждалась возможность уступки третьему лицу прав требований к И. в целях её освобождения от долговых обязательств по договорам займа. В результате между ООО «...» (Цедент) и гражданином И. (Цессионарий) был заключен договор уступки прав требования от 01 июля 2020 года, на основании которого последним приобретены указанные выше права требования ООО «...» к индивидуальному предпринимателю И.

После этого, 26 ноября 2020 года между И. (Цедент) и адвокатом А. (Цессионарий) был заключен Договор № ... уступки права требования, согласно которому И. уступил, а А. принял в полном объеме право требования в отношении финансовой задолженности по заключенным между ООО «...» (займодавец) и индивидуальным предпринимателем И. (заемщик) договорам займа от 27 декабря 2017 года на сумму 1 250 000 рублей и от 09 января 2018 года на сумму 1 650 000 рублей. Адвокат А. уплатил И. за уступаемые права требования 100 000 рублей, в подтверждение чего им была выдана расписка от 26 ноября 2020 года.

Полагая, что И. не в полной мере рассчиталась с ним за выполненную работу, адвокат А. в декабре 2020 года предложил ей это сделать, а 14 февраля 2021 года направил письменные «Требования/претензии об оплате задолженности по Соглашениям об оказании юридических услуг от 09 февраля 2021 года (по Соглашениям № ..., № ... и № ... от 26 июня 2020 года)». 23 апреля 2021 года адвокат А. подал в суд исковое заявление о взыскании денежных средств, не выплаченных ему по Соглашению № ... от 10 апреля 2020 года. 02 августа 2021 года И. районным судом города Москвы по делу № ... вынесено решение в пользу адвоката А., которым с ООО «...» (генеральный

директор – И.) взыскано 1 000 000 рублей, а во встречном иске о признании Соглашения недействительным отказано.

Кроме того, 20 апреля 2021 года адвокат А. подал исковое заявление к индивидуальному предпринимателю И. (третьи лица И. и ООО «...») о взыскании задолженности по договорам займа в сумме 2 650 000 рублей, права требования по которым приобретены адвокатом А. на основании указанного выше Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № В настоящее время гражданское дело № ... по этому иску рассматривается П. районным судом города Москвы.

В поданной в Адвокатскую палату города Москвы жалобе И., в числе прочего, указала, что все использованные способы и средства защиты её интересов были предложены адвокатом А., представлявшим её интересы, в том числе, при согласовании и подписании всех необходимых документов. Под предлогом защиты И. от неправомерных требований о возврате сумм по договорам займа адвокат А. предложил ей «первым этапом» оформить уступку прав требования по договорам займа на него как на физическое лицо с гарантией последующей уступки прав требования сестре И. - В. В результате 26 ноября 2020 года уступка прав требования по всем договорам займа была совершена в пользу адвоката А.

В последующем адвокат А. отказался от уступки прав требования по договорам займа В., более того - предъявил к И. претензию с требованием о возврате денежных средств по договорам займа в полном объеме. Получив отказ в удовлетворении его претензии, адвокат А. обратился в суд с исковыми требованиями к И. о возврате заемных денежных средств на основании ранее подписанных договоров уступки права требования.

И. также указала в жалобе, что адвокат А., злоупотребляя её доверием, *«обманным путем переоформил на свое имя»* договоры уступки права требования к И., как индивидуальному предпринимателю, и в настоящее время, *«будучи осведомленным о заведомой необоснованности собственных действий, выдвигает незаконные требования о возврате денежных сумм»*. По мнению заявителя, указанные действия противоречат нормам профессиональной этики адвоката, установленным ст. 5 и пп. 8 п. 1 ст. 9 КПЭА.

По мнению И., последовательность действий адвоката А. в отношении неё свидетельствует *«о первоначальных корыстных намерениях адвоката»* по введению доверителя И. *«в заблуждение относительно характера и потенциальных последствий имеющихся споров»*, о чем говорит обманное получение адвокатом на себя как на физическое лицо прав требований к И. В связи с изложенным заявитель И. полагает, что совершенные адвокатом А. действия несовместимы со статусом адвоката и потенциально способны причинить вред не только его доверителям, но и репутации адвокатского сообщества.

После завершения разбирательства в Квалификационной комиссии в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката А. поступило «Заявление о

приобщении документов, в рамках дисциплинарного производства о выдаче протокола дисциплинарной комиссии по жалобе» от 26 января 2022 года (вх. № ... от 26.01.2022), где он указал, что обстоятельства, описанные в жалобе от имени И., идентичны обстоятельствам, являющимся предметом рассмотрения гражданского процесса по делу № ..., в котором судом рассматриваются его действия по приобретению прав требования по обязательствам бывшего доверителя. 24 января 2022 года в П. районный суд города Москвы от И. был подан встречный иск, где она просит дать оценку возможности приобретения им, А., прав требования по договору уступки и основывает свою позицию на нормах ГК РФ.

По мнению адвоката А., налицо однотипность предмета спора, который находится на рассмотрении суда и адвокатской палаты. Приоритет в его решении находится у суда, так как любой иной орган не вправе предрешать обстоятельства, являющиеся предметом рассмотрения в суде общей юрисдикции.

К данному «Заявлению» адвокат А. приобщил встречное исковое заявление И. как *«дополнительный документ, который если и не исключает дальнейшее вынесение решения Советом адвокатской палаты города Москвы, то обязывает учитывать тот, при определении наказания адвокату»*.

Кроме того, от адвоката А. поступили Замечания от 21.02.2022 на «Заключение дисциплинарной комиссии от 19 января 2022 года» с приложением документов на 27 листах (вх. № ... от 22.02.2022). В них утверждается, что обвинение в дисциплинарном проступке и доказательства этому строятся на допущениях и предположениях. Бывший доверитель И. имеет перед ним «претензионную» задолженность на сумму более 1 500 000 рублей, которую заинтересована не исполнять, и этому Квалификационной комиссией не дана оценка.

Адвокат А. полагает, что Квалификационная комиссия вышла за пределы своих полномочий, расширительно толкует предмет «соглашений», а также период их действия. Считает, что его действия во взаимоотношениях с И. *«должны рассматриваться исключительно как лица, действующего за рамками заключенных Соглашений»*. По мнению адвоката А., Комиссия проявила недопустимую предвзятость по отношению к нему в угоду интересам И., незаконно квалифицировала сделку как *«фиктивную/притворную/мнимую, то есть недействительную»*, а также стала исследовать документы и материалы арбитражного дела, которые не являются предметом дисциплинарного производства.

Адвокат А. также поясняет, что подписанные документы по договору уступки права требования он получил в декабре 2020 года, после чего, дождавшись возвращения И. из длительного заграничного отдыха, предложил ей произвести выкуп обязательств. Но, не получив предложений по выкупу прав требования, *«в соответствии с действующим законодательством,*

произвел единственное предусмотренное действие (ряд действий), направленных на исполнение предмета «Договора уступки»».

Как полагает адвокат А., требование, предусмотренное абз. 3 п. 3 ст. 9 КПЭА, не ограничивает лиц, имеющих статус адвоката, в инвестировании и извлечении доходов из иных источников, но это участие должно осуществляться в сделке не как адвокатом, а как физическим лицом. Доказательств того, что сделка была произведена им как адвокатом, в Заключении не содержится. Кроме того, Комиссия не привела в обоснование своей позиции ни один документ, в котором он как адвокат брал на себя обязательства удовлетворить волю И. по переоформлению уступки прав требования. Считает, что он *«не подорвал к себе доверия как высококлассного специалиста»*, а также отрицает, что его действия привели к подрыву доверия к адвокатуре.

Отвечая на вопросы в заседании Совета, адвокат А. пояснил, что не видит возможности для примирения с заявителем, поскольку не понимает сути претензий И. Комплексного соглашения у него с И. не было. Его действия по заключению договора об уступке права требования не охватываются соглашением и не могут оплачиваться. Эти действия не являются предметом поручения И. Она обратилась к нему с просьбой принять участие в этой сделке, так как у него с ней были взаимоотношения личного характера. Если бы он имел намерение обмануть, то бы мог поставить любого другого знакомого человека.

Он не предполагал, что переуступка права требования является незаконной или сомнительной сделкой, и доверял И. Он не думал, что здесь могут возникнуть какие-то проблемы, а считал, что она впоследствии переоформит и выкупит долги на себя или на своих родственников, как и предполагалось. Но И. этого не делает, а подала на него жалобу.

Он (адвокат А.) планировал заключение договора уступки права требования с его участием, как Цедента, с последующей переуступкой (продажей) И. прав требования за 200 000 рублей без извлечения дохода. Затем он предъявил И. требования на всю сумму в соответствии с условиями договора цессии, и эти его требования должен разрешить суд. Он вправе этого потребовать, а также может потребовать и компенсацию судебных расходов и фактически понесенных затрат в размере 200 000 рублей. Прямой договоренности о дальнейшей судьбе приобретённого им права требования к И., включая срок его дальнейшей передачи и следующего цессионария, не было, это просто подразумевалось как этапы помощи И. по избавлению от долгов. Прямой просьбы И. об этом тоже не было. Предположение о том, что он, адвокат А. специально заключил договор уступки права требования, чтобы иметь возможность воздействовать на И. по ее задолженностям перед ним по ранее заключенным соглашениям, неверное.

Он предлагал И. забрать долги по себестоимости, что зафиксировано в письменном документе, и этот факт подтверждает, что он не собирался

извлекать какую-либо выгоду. Поскольку И. не отвечала на его устные предложения, он стал оформлять документы письменно, передавая их ей.

Таким образом, адвокат А. считает, что нарушений в его действиях нет, так как И. сама попросила подписать договор уступки прав требования, причём к этому времени перестали действовать заключенные между ними соглашения об оказании юридической помощи, к тому же касавшиеся других юридических вопросов. Предъявляя к И. требования об уплате долга, он действовал не как адвокат, а просто как физическое лицо. По мнению адвоката А., намерения заявителя И. очевидны: использовать Адвокатскую палату города Москвы и дисциплинарное производство для укрепления своей позиции в суде по спорам с ним.

Заявитель И. подтвердила Совету, что возможности для примирения с адвокатом А. не усматривает. Они направляли друг другу свои предложения, но не договорились. А. хотел, чтобы она заплатила слишком большую сумму.

Также И. сообщила, что *«Решение по передаче долгов - это было комплексное решение по представлению моих интересов адвокатом А., это была часть общей сделки. Он представлял мои интересы. Я воспринимала его как своего адвоката»*. У неё, безусловно, была договоренность с адвокатом А. о том, что он заключает договор уступки права требования по займам с ООО «...» для того, чтобы в дальнейшем переуступить его указанным ею лицам. Срок действия этого договора не предусматривался, поскольку предполагалось, что А. является гарантом от предъявления ей этих долгов.

Адвокат А. предложил ей переоформить долг на него для того, чтобы не оформлять его на каких-либо ее родственников или доверенных лиц. Он должен был выступить неким гарантом в этой сделке, чтобы потом её нельзя было оспорить. Когда они встретились в феврале, И. предложила переоформить все долги, которые выкупил адвокат А., на себя, а затем была определенная договоренность, *«но он отменил все договоренности, затем пошли иски»*.

Как утверждает заявитель И., адвокат А. до заявления иска не предлагал ей возместить фактически понесенные им расходы, а после того, что она отказалась передать ему долю в своей компании, сразу предъявил иск. У них не дошел разговор до оформления или передачи долга другим лицам, обсуждения сроков или условий, поскольку адвокат А. отказался обсуждать это, хотя она несколько раз поднимала вопрос о передаче прав.

Представитель заявителя И. - В. в заседании Совета пояснила, что единственное, с чем они не согласны – это то, что в действиях адвоката А. не усматривается нарушение п. 8 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее «КПЭА» – примечание Совета). В материалах дела достаточно доказательств, подтверждающих, что информацию о долге адвокат А. получил в рамках исполнения обязательств по оказанию юридической помощи, и в самом Заключении не раз об этом упоминается.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката А. о том, что его действия не могут рассматриваться как совершённые адвокатом и не образуют дисциплинарного нарушения.

Прежде всего, Совет подчёркивает, что доверие к адвокатам со стороны обращающихся к ним за помощью лиц является неременным условием адвокатской деятельности. Как указано в п.1 ст.5 КПА, *убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему*. Это доверие не должно быть подорвано при выстраивании с доверителем финансовых отношений, прямо или косвенно связанных с исполняемыми адвокатом профессиональными обязанностями. Этот подход основан, в том числе, на традициях российской присяжной адвокатуры:

- *«Всякое заключение сделок по имуществу между присяжным поверенным и его доверителем в то время, когда дела доверителя находятся в руках этого поверенного, представляется вполне нежелательным, ибо оно всегда может быть источником нареканий на присяжного поверенного, что он воспользовался своим положением по отношению к доверителю ...»;*

- *«Смешение профессиональных обязанностей с личными денежными отношениями к доверителю безусловно недопустимо с точки зрения адвокатской этики»;*

- *«ограничение общегражданской правоспособности присяжного поверенного в сфере совершения имущественных сделок» вызвано «соображениями, истекающими из особой природы отношений между поверенным и его доверителем».*

(См.: Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. М., 1913, [326, 330, 759]).

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что в рассматриваемом случае в поведении адвоката А. следует выделить два взаимосвязанных действия, подлежащих оценке на предмет соответствия требованиям профессиональной этики: приобретение статуса цессионария в целях завладения правом требования долга своего доверителя И.; заявление судебного иска к своему доверителю о взыскании долга по договору об уступке права требования.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что в период рассматриваемых событий заявитель И. воспринимала А. в качестве своего адвоката, на профессиональную юридическую помощь которого она рассчитывала для разрешения имевшихся у неё различных долговых обязательств. Подтвердив это в заседании Совета, И. уточнила, что с привлечением адвоката А. было запланировано осуществление комплексного решения скопившихся проблем, и такой подход подтверждается совокупностью доказательств, представленных в дисциплинарном деле.

Так, установлено, что именно в ходе оказания правовой помощи И. адвокат А. узнал о наличии у неё долговых обязательств перед ООО «...» и принял затем активное участие в разработке схемы их минимизации

посредством использования юридических механизмов, предусмотренных гражданским законодательством. Это, в частности, следует из анализа переписки по электронной почте, произведенного Квалификационной комиссией (с.с. 22-23 Заключения). В этой связи Совет соглашается с выводом Комиссии о том, что адвокат А. получил информацию об обязательствах И. перед ООО «...» именно в ходе оказания юридической помощи И., и участвовал в обсуждении уступки прав требования ООО «...» к И. как адвокат, в том числе и в связи с оказанием И. юридической помощи по Соглашениям от 26 июня 2020 года № ..., № ... и № ... (с. 24). В итоге, будучи профессионально вовлеченным в заключение договора цессии и лично уплатив гр-ну И. 100 000 рублей, адвокат А. инвестировал свои средства и приобрел право требования к доверительнице И. на значительно большую сумму в размере 2 900 000 рублей.

По мнению Совета, для профессионально-этической оценки этих действий адвоката А. не имеет значения, было ли их совершение прямо предусмотрено каким-либо соглашением об оказании правовой помощи. Решающим является использование А. статуса адвоката, полученной при оказании юридической помощи информации и восприятие его доверителем И., как в тот момент, так и в последующем, именно в качестве адвоката.

Совокупность этих обстоятельств, достоверно установленных Квалификационной комиссией, свидетельствует о нарушении адвокатом А. требования абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката»*).

Вместе с тем, Совет полагает избыточной квалификацию этих же действий адвоката А. ещё и по п. 1 ст. 10 КПЭА (*«Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»*). Квалификационная комиссия исходила из того, что именно доверитель И. попросила адвоката А. заключить в качестве цессионария указанный выше договор уступки права требования. Однако доказательств обращения И. с такой просьбой к адвокату А. в материалах дисциплинарного производства не имеется. При этом заявитель И. последовательно и категорически отрицает обращение к адвокату А. с такой просьбой и утверждает, что это была именно его инициатива. Соответственно, в её жалобе не содержится дисциплинарное обвинение в том, что А., заключая договор цессии, выполнял её просьбу или требование, и поэтому нарушение п.1 ст.10 КПЭА не могло быть вменено адвокату А. в силу предписаний п.4 ст.23 КПЭА (*Разбирательство в комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении.*

Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается).

В то же время Совет соглашается с Квалификационной комиссией об отсутствии в данном эпизоде признаков нарушения пп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе *«приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь»*. Комиссия обоснованно признала, что приобретенные адвокатом А. права требования не являлись предметом спора, поскольку данные права передавались сначала от ООО «...», а потом от гр. И. на добровольных началах, в отсутствие на них чьих-либо притязаний.

Довод адвоката А. о том, что он, предъявляя к И. иск на основании приобретенного им права требования долговых обязательств, действовал как обычное физическое лицо, что якобы освобождает его от профессионально-этической ответственности за содеянное, Совет отклоняет как заведомо несостоятельный и прямо противоречащий фундаментальным требованиям профессиональной этики.

В соответствии с п.5 ст.9 КПЭА, в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Совет также отклоняет довод адвоката А. о том, что дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не вправе рассматривать те же обстоятельства, которые в настоящее время исследуются в П. районном суде города Москвы суде в порядке гражданского судопроизводства. Этим утверждением адвокат А. демонстрирует непонимание соотношения компетенции суда при разрешении гражданско-правового спора, и компетенции органов адвокатского самоуправления оценивать этические аспекты действий (бездействия) адвоката в связи с поступившей на него жалобой доверителя.

Кроме того, Совет признает несостоятельным и опровергнутым материалами дисциплинарного дела довод адвоката А. о том, что он намеревался взыскать с заявителя И. только фактически понесенные им расходы, а вовсе не весь её долг по обязательствам перед ООО «...». Согласно просительной части искового заявления от 16.04.2021, поданного адвокатом А. в Н. районный суд Н. области (вх. № ... от 20.04.2021), истец просит: взыскать с ИП И. в свою пользу 1 000 000 рублей в качестве долга по «Договору займа №1 от 27 декабря 2017 года», заключенному между ИП И. и ООО «...»; взыскать с неё денежные средства в сумме 1 650 000 рублей в качестве долга по «Договору займа №2 от 09 января 2018 года», заключенному

между ИП И. и ООО «...», а также расходы на оплату государственной пошлины.

При этом для целей настоящего дисциплинарного разбирательства не имеют значения неоднократные ссылки адвоката А. на его предложение И. о выкупе за 200 000 рублей ею или её доверенными лицами прав требования, приобретенных им на основании Договора уступки права требования № ... от 26 ноября 2020 года, поскольку оно было направлено адресату лишь 30 сентября 2021 года, то есть уже после обращения И. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой от 12 августа 2021 года.

Как следует из пояснений И. и подтверждается иными собранными в деле документами, она доверяла адвокату А. не только разработать возможные способы переуступки прав требования, но и непосредственно участвовать в них, выступая в качестве своего рода гаранта достижения искомого результата: «...Предполагалось, что А. является гарантом от предъявления мне этих долгов», «Он должен был выступить неким гарантом в этой сделке, чтобы потом её нельзя было оспорить» (из пояснений И. на заседании Совета 28 февраля 2022 года; см. также её объяснения на заседании Квалификационной комиссии 19 января 2022 года).

Вместо этого адвокат А., которому И. доверила поиск правовых путей разрешения её проблем, считая его исполнителем и гарантом проведения безопасной для неё сделки, сам предъявил к ней финансовые претензии практически в полном объеме на основании приобретенных им прав требования, что, по мнению Совета, дало заявителю И. весомые основания считать предпринятые против неё адвокатом А. действия обманом и подрывом доверия со стороны лица, к которому она ранее обратилась за оказанием правовой помощи.

Совет, как и Квалификационная комиссия, считает такие претензии заявителя И. обоснованными, нашедшими полное подтверждение в ходе дисциплинарного разбирательства и усматривает в данной части в действиях адвоката А. нарушение п. 2 ст. 5 КПЭА (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре).

При этом Совет отмечает, что недовольство (даже и обоснованное) адвоката А. неисполнением И. обязательств перед ним, вытекающих из ранее заключенных соглашений об оказании правовой помощи, ни при каких обстоятельствах не может быть поводом для совершения в отношении доверителя действий, противоречащих профессионально-этическим требованиям, предъявляемым к адвокатам.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката А. за допущенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом А. фундаментальных профессионально-этических требований, повлекшем конфликт с доверителем.

Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат А. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет полагает возможным сохранить адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- ненадлежащее, вопреки положениям абз. 3 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, например, от сдачи недвижимости в аренду (наем), если эта деятельность не предполагает использование статуса адвоката»), исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в том, что в ходе оказания юридической помощи доверителю И. он за свой счет приобрел у И. на основании Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № ... имущественные права требования к доверителю И. на сумму 2 900 000 рублей, возникшие из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, фактически уплатив за них И. 100 000 рублей;

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре), выразившееся в том, что, получив в ходе оказания юридической помощи доверителю И. информацию о наличии у И. долговых обязательств перед ООО «...» в сумме 2 900 000 рублей, возникших из заключенных между И. и ООО «...» договоров займа от 27 декабря 2017 года и от 09 января 2018 года, и приобретя по просьбе И. данные права требования за 100 000 рублей на основании Договора уступки права требования от 26 ноября 2020 года № ..., заключенного с И., он, действуя вопреки интересам И. и ранее достигнутой договоренности, предъявил 20 апреля 2021 года в Н. районный суд Н. области иск о взыскании с И. задолженности по вышеуказанным договорам займа в сумме 2 650 000 рублей.

13. Адвокату объявлено предупреждение за грубое игнорирование своих профессиональных обязанностей перед доверителем. В ходе дисциплинарного разбирательства было установлено, что адвокат не конкретизировал в соглашении виды оказываемой юридической

помощи, включил в него условие об удержании неотработанной части полученного от доверителя вознаграждения, не явился в качестве представителя доверителя в судебное заседание и не подал апелляционную жалобу по административному делу, а также не принял исчерпывающих мер к кассационному обжалованию приговора.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 ноября 2021 года адвокатом П. допущены:

1) неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем А. об оказании ему юридической помощи по Договору № ... на оказание юридических услуг от 22 июня 2020 года, что выразилось:

- в неявке адвоката П. в качестве представителя административного истца в судебное заседание Т. районного суда города Москвы 27 июля 2020 года по делу № ... по административному иску А., а также в неподаче адвокатом П. апелляционной жалобы на решение Т. районного суда города Москвы по данному административному делу;

- в непринятии адвокатом П. исчерпывающих мер к обжалованию приговора О. районного суда города Н. К. края от 05 сентября 2018 года по уголовному делу № ... в кассационном порядке, а именно в неподаче жалобы на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации № ... от 31 августа 2020 года об отказе в передаче кассационной жалобы адвоката П. в защиту А. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ;

2) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся:

- в том, что заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор № 15 на оказание юридических услуг (*далее по тексту Договор – примечание Совета*), адвокат П. при формулировании предмета поручения не конкретизировал виды оказываемой им юридической помощи и включил в предмет поручения вид юридической помощи (подача надзорной жалобы), который мог быть оказан им только при наступлении определенного процессуального условия (вынесение кассационного определения Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации);

- в том, что, заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор, адвокат П. включил в него индивидуального предпринимателя Г. в качестве лица, оказывающего доверителю А. юридическую помощь наряду с адвокатом П., а также в качестве лица, являющегося получателем вознаграждения по указанному Договору;

- в том, что, заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор, адвокат П. включил в него условие (п. 6.1), предусматривающее

возможность удержания неотработанной части полученного от доверителя вознаграждения.

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе А. от 01 октября 2021 года (вх. № ... от 05.10.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель А. и его представитель адвокат Х. в заседании Совета подтвердили получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласились.

Заявитель А. дополнительно пояснил, что, по его мнению, адвокат П. не исполнил своих обязательств, даже дело не изучил, только написал кассационную жалобу. Настаивал на доводах своей жалобы. Указал, что адвокат П. оприходовал гонорар в коллегии только в декабре 2021 года после того, как было вынесено Заключение Квалификационной комиссии.

Представитель заявителя А. адвокат Х. пояснила Совету, что целью А. было добиться отмены приговора, и он заключил соглашение именно с адвокатом П., а не с Г. Вред причинен ненадлежащим исполнением адвокатом своих обязанностей по соглашению. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката П. они оставляют на усмотрение Совета.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился частично. Пояснил, что поддерживает свои письменные возражения на Заключение Квалификационной комиссии.

В *«Пояснениях (возражениях) к Заключению Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы по дисциплинарному производству в отношении адвоката П.»* от 20.01.2022 (вх. № ... от 20.01.2022) адвокат П. указал следующее. Договор с А. был им зарегистрирован в журнале регистрации соглашений МКА «...» за № ..., что подтверждается справкой коллегии от 21.12.2021. По Договору на счет коллегии было внесено 212.315 рублей. По договоренности с А. подготовкой позиции по административному иску и участию в судебном заседании Т. районного суда города Москвы полностью занимался Г. Насколько известно адвокату П., А. совместно с Г. пришли к решению о нецелесообразности участия в данном процессе и дальнейшего поддержания требований административного истца. В своей жалобе А. не заявляет претензий в связи с неявкой в судебное заседание суда по данному административному делу, а также необжаловании судебного акта. После вынесения постановления судьи Верховного Суда РФ от 31.08.2020 об отказе в рассмотрении кассационной жалобы в судебном заседании А. дал указание приостановить все действия, связанные с обжалованием приговора. Соглашаясь в целом с выводом Квалификационной комиссии о неконкретности предмета договора, адвокат

П. обращает внимание на то, что пожелание А. состояло в том, чтобы его делом занимались полностью, используя все возможные правовые средства защиты, что и послужило основанием для такой широкой формулировки предмета договора таким образом. Проект Договора был изначально предложен Г., который обратился к нему с предложением оказать юридическую помощь А. Адвокат П. признает, что в оформлении Договора имеется определенная некорректность в части отсутствия распределения функций соисполнителя. Адвокат П. неоднократно предпринимал попытки урегулировать имущественные вопросы с А. и Г., однако ответов на свои предложения не получил. Он предпримет все возможные усилия для заключения мирового соглашения с А. в суде. С учётом обстоятельств данного дисциплинарного дела, а также наличия у него двадцатипятилетнего юридического стажа, научной степени кандидата юридических наук, просит не прекращать его статус адвоката.

В заседании Совета адвокат П. дополнительно пояснил, что он согласен с выводами Квалификационной комиссии с учетом представленных им пояснений.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав явившихся участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что приговором О. районного суда города Н. К. края от 05 сентября 2018 года А. признан виновным и осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ. 22 июня 2020 года между «Исполнителями» - индивидуальным предпринимателем Г., адвокатом П. и «Заказчиком» - доверителем А. был заключен Договор, где в п. 1.1 сказано: *«Заказчик поручает, а Исполнитель принимает на себя обязательство по оказанию Заказчику следующих юридических услуг, связанных с представлением интересов Заказчика и защите его интересов в судах, направленных на отмену приговора по делу № ... и обжалование отказа Генеральной прокуратуры РФ в возбуждении производства по уголовному делу № ... по вновь открывшимся обстоятельствам: 1) подготовка уточнений и дополнений к административному иску; 2) подача кассационной жалобы в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, надзорной жалобы; 3) подготовка и подача в суд заявления в порядке ст. 125 УПК РФ об обжаловании отказа в возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам».* При этом в п. 1.2 оговорено, что *«...окончание услуг – вынесение судебного акта Верховного Суда РФ, в том числе определения судьи Верховного Суда РФ, по делам, возбужденным по административному иску и жалобе, указанным в п. 1.1 настоящего Договора».*

Согласно п. 4.1 Договора, *«Вознаграждение за юридические услуги Исполнителя по настоящему Договору составляет сумму 800 000 рублей...».* В соответствии с п. 4.2 Договора, *«Вознаграждение за юридические услуги*

Исполнителя уплачивается на расчетный счет ИП Г. по реквизитам, указанным в п. 7 настоящего договора. Исполнители самостоятельно урегулируют свои взаиморасчеты по полученному от Заказчика вознаграждению». В силу п. 6.1 Договора, «<...> Суммы, уплаченные Заказчиком Исполнителю в виде вознаграждения, возврату не подлежат в случае досрочного прекращения Договора, если Исполнитель приступил к оказанию услуг, и считаются установленной ценой работы, выполненной до получения извещения об отказе Заказчика от исполнения Договора».

26 июня 2020 года, 21 июля 2020 года и 07 августа 2020 года тремя платежами индивидуальному предпринимателю Г. перечислено вознаграждение по Договору в сумме 800.000 рублей.

Заявитель А. выдвинул в отношении адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

- в несоответствии полученного адвокатом вознаграждения объему фактически оказанной им юридической помощи, необоснованном завышении стоимости юридической помощи и уклонении от возврата вознаграждения, уплаченного по договору;

- в самоустранении адвоката П. от исполнения поручения, предусмотренного Договором;

- в обещании доверителю А. положительного результата выполнения поручения в виде отмены приговора О. районного суда города Н. К. края от 05 сентября 2018 года;

- в некорректности (противоречивости) условий Договора, выразившемся в указании в п. 1.1 о представлении интересов А. в судах, хотя при перечислении конкретных видов юридической помощи в пп. 1-3 п. 1.1 указаны лишь подготовка и подача процессуальных документов;

- в заключении адвокатом П. Договора с участием индивидуального предпринимателя Г. в качестве лица, оказывающего доверителю А. юридическую помощь наряду с адвокатом П. на условиях, не позволяющих разграничить их обязанности перед доверителем А., а также определить размер вознаграждения каждого из лиц, оказывающих юридическую помощь;

- во включении в Договор п. 6.1, предусматривающего, что «суммы, уплаченные Заказчиком Исполнителю в виде вознаграждения, возврату не подлежат в случае досрочного прекращения Договора, если Исполнитель приступил к оказанию услуг, и считаются установленной ценой работы, выполненной до получения извещения об отказе Заказчика от исполнения Договора»;

- в уклонении от регистрации Договора в адвокатском образовании и нарушении «бухгалтерской дисциплины»;

- в непредоставлении доверителю отчета о проделанной работе.

Дисциплинарные обвинения в несоответствии полученного адвокатом П. вознаграждения объему фактически оказанной им юридической помощи, необоснованном завышении стоимости юридической помощи и уклонении от возврата вознаграждения, уплаченного по Договору, не могут быть

рассмотрены в дисциплинарном производстве как выходящие за пределы компетенции органов адвокатского самоуправления. В Заключении Квалификационной комиссии приведены надлежащие обоснования этого вывода, с которыми Совет соглашается.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в самоустранении адвоката П. от исполнения поручения, предусмотренного Договором, Совет принимает во внимание, что адвокат П. ознакомился с материалами уголовного дела по светокопиям, ссылки на которые были предоставлены ему А. по электронной почте, а затем подготовил и подал в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ кассационную жалобу в защиту А. Эти обстоятельства не позволяют признать обоснованным данное дисциплинарное обвинение.

Вместе с тем, предусмотренный пп. 2 п. 1.1 Договора предмет поручения предусматривал подачу не только кассационной, но и надзорной жалобы. 31 августа 2020 года судьей Верховного Суда РФ было вынесено постановление об отказе в передаче кассационной жалобы адвоката П. в защиту А. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В связи с этим право А. на судебную защиту могло быть реализовано подачей жалобы Председателю Верховного Суда РФ согласно ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ, тогда как подача надзорной жалобы на вышеуказанные судебные решения была невозможна в силу закона. Тем не менее, адвокатом П. не была подана жалоба в порядке ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ.

Кроме того, адвокат П. устранился от исполнения принятого им поручения по оказанию А. юридической помощи в административном судопроизводстве. Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката П. о том, что оказание А. юридической помощи в административном судопроизводстве осуществлялось индивидуальным предпринимателем Г., поскольку включение его в Договор в качестве соисполнителя не освобождало адвоката П. от выполнения поручения в объеме, определенном данным соглашением. Приняв поручение по оказанию А. юридической помощи в административном судопроизводстве, адвокат П., тем не менее, фактически такую помощь не оказал, поскольку не явился 27 июля 2020 года в судебное заседание решение Т. районного суда города Москвы и не обжаловал вынесенное им решение в апелляционном порядке.

Вопреки доводу адвоката П., в жалобе А. содержится дисциплинарное обвинение в неявке в судебное заседание, сформулированное следующим образом: *«ни единого раза адвокат не вышел в процесс»*. Это дисциплинарное обвинение было неоднократно подтверждено А. в последующих объяснениях в ходе дисциплинарного производства.

Анализ содержания Договора, заключённого адвокатом П. с заявителем А., приводит Совет к следующим выводам.

Предмет поручения сформулирован в п. 1.1 неконкретно и противоречиво, что создает неопределенность в вопросе о том, какие именно поручения принял адвокат П. Кроме того, данная формулировка содержит обязательство подать надзорную жалобу, которая могла быть подана лишь при

условии вынесении кассационного определения Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ. Данное условие отсутствовало при заключении Договора, и его возникновение никак не могло зависеть от адвоката П.

Кроме того, включение в Договор в качестве одного из его «исполнителей» индивидуального предпринимателя Г. дополнительно усугубило неопределенность во взаимоотношениях адвоката П. с доверителем А., который был лишен возможности достоверно определить объём и содержание юридической помощи, которую приглашенный им адвокат П. должен был оказать, а также разграничить обязанности «соисполнителей» и определить размер вознаграждения каждого из них.

Недопустимым является и условие п. 4.2 Договора, согласно которому *«Вознаграждение за юридические услуги Исполнителя уплачивается на расчетный счет ИП Г. по реквизитам, указанным в п. 7 настоящего договора. Исполнители самостоятельно урегулируют свои взаиморасчеты по полученному от Заказчика вознаграждению»*. Согласно п.6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», *«вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением»*.

Условие об удержании неотработанной части вознаграждения, предусмотренное п. 6.1 Договора, противоречит Разъяснению Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённому Советом 29 сентября 2014 года: *«При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесённого гонорара»*.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что заключенный адвокатом П., ИП Г. и доверителем А. в адвокатском образовании не регистрировался. При этом Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт данное обстоятельство составной частью дисциплинарного обвинения в нарушении предписаний ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», поскольку в адвокатском образовании может быть зарегистрировано лишь соглашение между адвокатом и доверителем.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой в части перечисленных дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении данных нарушений - установленной.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката П. за допущенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем, что повлекло острый конфликт с ним. Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат П. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, фактически признал нарушения и предпринимал попытки примирения с заявителем А.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату П. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Дисциплинарное обвинение в непредставлении доверителю А. отчета об оказанной юридической помощи не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, поскольку 28 августа 2020 года «Заказчиком» А. и «Исполнителями» - индивидуальным предпринимателем Г. и адвокатом П. был подписан Отчет № ... об оказанных услугах по Договору. В этом отчёте указана юридическая помощь, на оказание которой ссылается адвокат П. в своих объяснениях. Кроме того, в своей жалобе от 01 октября 2021 года заявитель А. признает получение подписанного адвокатом П. и индивидуальным предпринимателем Г. ответа на претензию от 17 мая 2021 года, где также приводится подробное описание видов и содержания оказанной ему юридической помощи.

Дисциплинарное обвинение в обещании адвокатом П. доверителю А. положительного результата выполнения поручения в виде отмены приговора О. районного суда города Н. К. края от 05 сентября 2018 года какими-либо доказательствами не подтверждено, в связи с чем также не может быть признано обоснованным.

При таких обстоятельствах в части указанных дисциплинарных обвинений Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. неопровергнутой.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», профессиональных обязанностей перед доверителем А. об оказании ему юридической помощи по Договору № ... на оказание юридических услуг от 22 июня 2020 года, что выразилось:

- в неявке адвоката П. в качестве представителя административного истца в судебное заседание Т. районного суда города Москвы 27 июля 2020 года по делу № ... по административному иску А., а также в неподаче адвокатом П. апелляционной жалобы на решение Т. районного суда города Москвы по данному административному делу;

- в непринятии адвокатом П. исчерпывающих мер к обжалованию приговора О. районного суда города Н. К. края от 05 сентября 2018 года по уголовному делу № ... в кассационном порядке, а именно в неподаче жалобы на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации № ... от 31 августа 2020 года об отказе в передаче кассационной жалобы адвоката П. в защиту А. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем А., выразившееся:

- в том, что, заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор № ... на оказание юридических услуг, адвокат П. при формулировании предмета поручения не конкретизировал виды оказываемой им юридической помощи и включил в предмет поручения вид юридической помощи (подача надзорной жалобы), который мог быть оказан им только при наступлении определенного процессуального условия (вынесение кассационного определения Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации);

- в том, что, заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор № ... на оказание юридических услуг, адвокат П. включил в него индивидуального предпринимателя Г. в качестве лица, оказывающего доверителю А. юридическую помощь наряду с адвокатом П., а также в качестве лица, являющегося получателем вознаграждения по указанному Договору;

- в том, что, заключив (оформив) с доверителем А. 22 июня 2020 года Договор № ... на оказание юридических услуг, адвокат П. включил в него условие (п. 6.1), предусматривающее возможность удержания неотработанной части полученного от доверителя вознаграждения.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе А. от 01 октября 2021 года (вх. № ... от 05.10.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

14. Адвокат привлечён к дисциплинарной ответственности за то, что не внес денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами в порядке, установленном действующим законодательством.

Квалификационная комиссия 09 февраля 2022 года вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившемся в том, что он, получив от доверителя Ч. 13 декабря 2021 года путем безналичного перечисления на личную банковскую карту в счет оплаты вознаграждения денежные средства в размере 200 000 рублей, в период до получения от доверителя Ч. 22 декабря 2021 года информации о расторжении с ним Соглашения об оказании юридической помощи от 13 декабря 2021 года не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (надлежащей квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Одновременно в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства в отношении адвоката А. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещённый надлежащим образом, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство от 25.04.2022 (вх. № ... от 25.04.2022) о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. Кроме того, от адвоката А. в Совет поступило Заявление от 25.04.2022 (вх. № ... от 25.04.2022) в котором он указал, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен в полном объёме и с выводами полностью согласен, обратил внимание Совета, что после рассмотрения дисциплинарного производства в Адвокатскую палату города Москвы поступило письмо начальника УЭБиПК по С. области, согласно которому подтверждается участие адвоката А. в процессуальных действиях с доверителем Ч., просил Совет при вынесении решения ограничиться указанием на допущенное нарушение и прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного проступка в соответствии с п.п. 7 ч. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Заявитель жалобы Ч., извещённый надлежащим образом и получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился. В материалах дисциплинарного производства имеется Служебная записка Руководителя отдела обеспечения дисциплинарных производств Адвокатской палаты города Москвы Перминовой Т.А. от 26 апреля 2022 года, согласно

которой ею предпринимались попытки связаться с заявителем Ч. 14 и 22 апреля 2022 года по имеющимся в материалах дисциплинарного производства телефонным номерам, однако Ч. не отвечал. Супруга заявителя Ч. – Ч.Е., участвовавшая при рассмотрении дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии на основании устного заявления Ч., сообщила Пермновой Т.А., что заявитель Ч. в настоящее время находится под стражей, участвовать в заседании Совета лично, либо через представителя не сможет, а также сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии Ч. ознакомлен и ходатайствует о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел настоящее дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объёме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

13 декабря 2021 года между адвокатом А. и заявителем Ч. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи без номера, предметом которого, в соответствии с п. 1 Соглашения, являлась *«защита гр. Ч. в рамках доследственной проверки по материалу по ст. 285, 290 УК РФ, находящемуся в производстве УЭБиПК по С. области»*. Пунктом 2 указанного Соглашения размер вознаграждения адвоката А. был определен в размере 200 000 руб., которые 13 декабря 2021 года были перечислены супругой заявителя Ч. – Ч.Е. со своей банковской карты клиента С. № **** на банковскую карту клиента С. А. № ****. Данные обстоятельства не отрицаются адвокатом А. В этом же пункте 2 Соглашения указывалось, что вознаграждение вносится Доверителем или по поручения Доверителя третьим лицом *«лично Адвокату»*. Пункт 5 Соглашения устанавливал право Доверителя *«в любой момент отменить поручение, предусмотренное п. 1 данного Соглашения, с оформлением заявления о прекращении поручения и незамедлительно, любым доступным способом, сообщить Адвокату об отмене поручения»*. В подтверждение получения данных денежных средств адвокатом А. за своей подписью 13 декабря 2021 года заявителю Ч. была выдана квитанция № ..., из которой следует, что адвокатом А. принята от Ч. оплата за оказанные по соглашению об оказании юридической помощи без номера от 13 декабря 2021 года «услуги» в размере 200 000 руб. Какой-либо печати адвокатского образования на данной квитанции проставлено не было.

22 декабря 2021 года заявитель Ч. по телефону уведомил адвоката А. о своем решении расторгнуть Соглашение об оказании юридической помощи без номера от 13 декабря 2021 года и предложил адвокату А. самостоятельно определить размер отработанного им гонорара, а оставшуюся сумму вернуть доверителю Ч., на что адвокат А. ответил отказом указав, что поручение им выполнено в полном объеме.

23 декабря 2021 года адвокат А. со своего счета в банке «ООО «...» перечислил на расчетный счет МКА «...» 200 000 руб., указав в назначении платежа «*гонорар по квитанции ... от 13.12.2021 г.*».

В жалобе Ч. от 22 декабря 2021 года, явившейся поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, основным является дисциплинарное обвинение в полном самоустранении адвоката А. от выполнения принятого поручения по оказанию Ч. квалифицированной юридической помощи в стадии доследственной проверки, проводимой УЭБиПК ГУ МВД России по С. области в отношении заявителя Ч. Последним, в качестве выполненных адвокатом А. действий, в жалобе назывались только подписание Соглашения об оказании юридической помощи без номера от 13 декабря 2021 года и выдача заявителю Ч. квитанции № ..., подтверждавшей получение адвокатом А. денежного вознаграждения в размере 200 000 рублей, предусмотренного п. 2 вышеназванного Соглашения от 13 декабря 2021 года.

Однако после представления адвокатом А. в Адвокатскую палату города Москвы письменных объяснений от 10 января 2022 года, в которых адвокатом А. были перечислены все проведенные им в рамках принятого на себя поручения мероприятия, заявителем Ч. доводы жалобы в этой части были полностью изменены. Новые дисциплинарные обвинения заявитель Ч. изложил в своих дополнительных пояснениях от 16 января 2022 года. Заявитель Ч. признал, что адвокатом А. проводились неоднократные встречи как с ним, так и по его просьбе с адвокатом К., а также с оперуполномоченным И. Факты проведенных адвокатом А. в рамках исполнения Соглашения от 13 декабря 2021 года по оказанию юридической помощи Ч. указанных встреч и консультаций были полностью признаны заявителем Ч. и его представителем – Ч.Е. и в ходе заседания Квалификационной комиссии 09 февраля 2022 года. Одновременно ими стали оспариваться целесообразность данных действий со стороны адвоката А., продолжительность мероприятий с участием адвоката А., а также обоснованность размера полученного адвокатом А. вознаграждения за данную деятельность.

Согласно пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, жалоба признается допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, если в ней указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. Одновременно с этим, в силу требований п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям,

которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы не допускается.

Как отмечается в абз. 4 Разъяснений Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о пределах рассмотрения дисциплинарного дела в квалификационной комиссии, утвержденной Решением Совета ФПА РФ 25 декабря 2020 года (*размещено на официальном сайте ФПА РФ по адресу: <https://fparf.ru/documents/fparf/documents-commissions/razyasnenie-komissii-fpa-rf-po-etike-i-standartam-predely/>*), иные выявленные в ходе дисциплинарного разбирательства нарушения квалификационной комиссией не рассматриваются.

При таких обстоятельствах Совет рассмотрел жалобу Ч. от 22 декабря 2021 года, содержащую два дисциплинарных обвинения: 1) полный отказ адвоката А. от выполнения принятого на себя по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года с доверителем Ч. поручения по оказанию ему юридической помощи в ходе проводимой в отношении Ч. УЭБиПК ГУ МВД России по С. области доследственной проверке, и 2) ненадлежащее оформление адвокатом А. полученного по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года с доверителем Ч. денежного вознаграждения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката А. о ненадлежащем оформлении им полученного по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года с доверителем Ч. денежного вознаграждения, Совет пришел к выводу, что оно нашло свое подтверждение, и адвокатом А. допущено неисполнение обязанности по формализации отношений с доверителем Ч.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Нарушения со стороны адвокатов, связанные с невнесением в кассу адвокатского образования полученных от доверителя по соглашению денежных средств, а также с невыдачей доверителю документов по проведению операции с его средствами, нашли свое отражение в пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к

подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)*).

Как указано выше, 13 декабря 2021 года в 12.54 час. Ч.Е. перечислила адвокату А. вознаграждение в сумме 200 000 рублей со своей банковской карты на банковскую карту А. Факт получения адвокатом А. денежного вознаграждения по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года с Ч. на свою личную банковскую карту не отрицается самим адвокатом А.

Впоследствии, 23 декабря 2021 года, адвокат А. перечислил на счет Московской коллегии адвокатов «...» 200 000 рублей с иного своего личного счета, указав в назначении платежа «*гонорар по квитанции от ... от 13.12.2021 г.*». 23 декабря 2021 года платежное поручение было исполнено и указанные денежные средства поступили на счет вышеназванного адвокатского образования.

Совет и Квалификационная комиссия в своей дисциплинарной практике исходят из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Однако в данном случае по состоянию на 22 декабря 2021 года, когда адвокату А. стало достоверно известно о расторжении с ним доверителем Ч. соглашения об оказании юридической помощи от 13 декабря 2021 года, данные денежные средства на расчетный счет адвокатского образования – Московской коллегии адвокатов «...» внесены не были.

Факт их внесения адвокатом А. на следующий день после получения от доверителя Ч. извещения о расторжении с ним соглашения не меняет оценки профессионального поведения адвоката А. как нарушения профессиональной обязанности, а напротив - подтверждает её.

Более того, как следует из представленных самим адвокатом А. в дисциплинарное производство доказательств, еще 02 декабря 2021 года на его расчетный счет в С., на который ему была осуществлена выплата денежного вознаграждения по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года, был наложен арест в рамках исполнительного производства. Перечисление адвокатом А. 200 000 руб. на счет Московской коллегии адвокатов «...» было осуществлено им 23 декабря 2021 года с иного личного счета, открытого в другом банке.

Эти обстоятельства, в совокупности позволяют прийти к выводу о том, что адвокат А. не планировал надлежащим образом оформлять денежное вознаграждение, полученное в рамках заключенного с доверителем Ч. Соглашения на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года, и сделал это вынужденно - только тогда, когда ему достоверно стало известно о расторжении с ним доверителем Ч. вышеназванного Соглашения. Тот факт, что жалоба Ч. в Адвокатскую палату города Москвы датирована также 22 декабря 2021 года, является дополнительным подтверждением данного вывода.

Факт предоставления Ч. адвокатом А. за личной подписью квитанции от 13 декабря 2021 года № ... о получении от доверителя Ч. 200 000 руб. в качестве «оплаты за оказанные услуги» по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года не может быть признан надлежащим оформлением отношений с доверителем, так как при выписке подобных квитанций от имени адвокатского образования денежные средства должны быть внесены в кассу этого адвокатского образования и подлежат оприходованию по соответствующим счетам его бухгалтерского учета. Вопреки этому, как указано выше, денежные средства удерживались адвокатом А. в своем распоряжении. Выданная же адвокатом А. заявителю Ч. квитанция является по существу формой расписки в получении адвокатом от доверителя соответствующей денежной суммы для последующего ее внесения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования.

Утверждения адвоката А. о невозможности своевременного оприходования, полученного от заявителя Ч. денежного вознаграждения Совет отклоняет как несостоятельные, так как не имелось препятствий для перечисления Ч.Е. денежных средств не на личную банковскую карту адвоката А., а на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «...», членом которой он являлся.

Таким образом, адвокат А. не исполнил обязанность по внесению полученного от доверителя Ч. вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не устранил данное нарушение в период действия соглашения на оказании юридической помощи с 13 декабря 2021 года по 22 декабря 2021 года, чем нарушил предписания пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Вместе с тем Совет отклоняет как несостоятельные утверждения заявителя Ч. о необоснованности принятия адвокатом А. денежного вознаграждения не от него, как лица, подписавшего Соглашение на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года, а от его супруги – Ч.Е. Заключенное Ч. Соглашение в п. 2 прямо предусматривало возможность оплаты вознаграждения адвокату третьим лицом по поручению доверителя, что соответствует и предписаниям п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. Каких-либо доказательств того, что Ч. возражал против

оплаты его супругой оказываемой ему юридической помощи, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства в связи с отсутствием в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Дисциплинарное обвинение в полном отказе адвоката А. от выполнения принятого на себя по Соглашению на оказание юридической помощи от 13 декабря 2021 года поручения по оказанию Ч. юридической помощи в ходе проводимой в его доследственной проверки не нашло подтверждения в ходе дисциплинарного разбирательства и, как указано выше, оно фактически не было подтверждено самим Ч. в ходе разбирательства, а было им трансформировано в обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом А. своих профессиональных обязанностей, заключающемся в проведении «нецелесообразных» и «бессмысленных» действий при исполнении соглашения.

При этом в заседании Квалификационной комиссии заявителем Ч. и его представителем Ч.Е. подтвержден факт осуществления адвокатом А. всех действий во исполнение принятых на себя обязательств, указанных им в своих объяснениях.

Утверждение заявителя Ч. об отсутствии в материале проверки ордера адвоката А., подтверждающего его полномочия по представлению заявителя Ч. в УЭПиПК ГУ МВД России по С. области, какими-либо доказательствами не подтверждено. Вместе с тем, адвокатом А. в материалы дисциплинарного производства представлена светокопия ордера от 13 декабря 2021 года № ..., выданного ему МКА «...», с поручением с 13 декабря 2021 года осуществлять «защиту Ч. в УЭБиПК по С. области».

После рассмотрения настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссией в Адвокатскую палату города Москвы поступило (вх. № ... от 03.03.2022) письмо от 02.03.2022 № ... начальника управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по С. области С., согласно которому в рамках проверки по факту противоправных действий Ч. он вызывался в ГУ МВД России по С. области для получения объяснений, где присутствовал 13.12.2021 и 16.12.2021 с адвокатом А., представившим ордер от 13.12.2021 № К указанному письму приложена копия указанного ордера.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в указанной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката А. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката А. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, нарушение признал. Кроме того, допущенное адвокатом нарушение не причинило существенного вреда заявителю. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся в том, что, он, получив от доверителя Ч. 13 декабря 2021 года путем безналичного перечисления на личную банковскую карту в счет оплаты вознаграждения денежные средства в размере 200 000 рублей, в период до получения от доверителя Ч. 22 декабря 2021 года информации о расторжении с ним Соглашения об оказании юридической помощи от 13 декабря 2021 года не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (надлежащей квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе Ч. от 22 декабря 2021 года (вх. № ... от 30.12.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

15. Адвокат не исполнил обязательства перед доверителем по представлению его интересов в судах, за что получил предупреждение.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2021 года адвокатом К. допущено неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1, ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившееся в том, что он, заключив с доверителем О. Соглашения об оказании юридической помощи от 01 декабря 2020 года № ... и от 04 мая 2021 года № ..., согласно условиям которых он обязался вести его

гражданское дело, включая представление его интересов в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций, не принял участие в судебных заседаниях Т. районного суда города Москвы 01 декабря 2020 года, Судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 22 апреля 2021 года и Судебной коллегии по гражданским делам В. кассационного суда общей юрисдикции 29 июня 2021 года.

Одновременно Квалификационная комиссия признала необходимым прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе О. от 26 августа 2021 года (вх. № ... от 30.08.2021):

- в части обвинения О. адвоката К. в том, что по своей вине адвокат не смог довести свою позицию до судов, а также в части оценки О. действий, связанных с получением адвокатом К. вознаграждения от доверителя О., что доверитель считает обманом, совершенным с целью завладения его денежными средствами, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель О. 24 января 2022 года письменно подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, сообщил о согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное дело в его отсутствие (вх. ... от 24.01.2022). Совет, принимая во внимание это обстоятельство, а также положения пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривающие, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что О., проживающий в Ф., обратился к адвокату К. за оказанием квалифицированной юридической помощи в связи с предъявленным к нему в Т. районный суд города Москвы иском о взыскании денежных средств по договору займа. 01 декабря 2020 года О. с адвокатом К. заключили Соглашение об оказании юридической помощи № ..., согласно п. 1.2.1 которого адвокат К. был обязан собрать и подготовить необходимые документы, представлять интересы О. при рассмотрении гражданского дела в Т. районном суде города Москвы и при рассмотрении апелляционной жалобы на решение Т. районного суда города

Москвы в М. городском суде. О. своевременно и в полном объеме выполнил свои обязательства по Соглашению, выплатил адвокату К. вознаграждение в размере 70 000 рублей

Адвокат К. исполнил часть принятых на себя обязательств по сбору и подготовке необходимых для защиты интересов доверителя документов, составил и подал апелляционную жалобу на решение Т. районного суда города Москвы от 01 декабря 2020 года.

Вместе с тем, адвокат К. не принимал участия ни в судебном заседании Т. районного суда 01 декабря 2020 года, ни в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 22 апреля 2021 года.

04 мая 2021 года О. и адвокат К. заключили Соглашение об оказании юридической помощи № ..., предметом которого было: представление интересов Заявителя при рассмотрении кассационной жалобы во В. кассационном суде общей юрисдикции (п.1.2.1.); сбор и подготовка необходимых документов, составление и подача кассационной жалобы (п.1.2.2. Соглашения). Адвокат К. подготовил, составил и подал кассационную жалобу на постановленные судами первой и апелляционной инстанций судебные акты. Судебная коллегия по гражданским делам В. кассационного суда общей юрисдикции рассмотрела эту жалобу в судебном заседании 29 июня 2021 года, в котором адвокат К. участия не принимал.

Заявитель считает, что своими действиями адвокат К. лишил его возможности защитить свои интересы в Т. районном суде города Москвы, в М. городском суде и во В. кассационном суде общей юрисдикции. И это невозможная потеря, так как законодательство Российской Федерации не содержит норм, позволяющих О. просить о повторном рассмотрении его дела в этих судебных инстанциях. О. считает, что он обладал сильной позицией по этому делу и обратился к адвокату именно для того, чтобы он довел эту позицию до судов. Цинизм поступков адвоката К. заключается в том, что он отлично знал, что О. живет в другом государстве и в силу ряда причин не может лично прибыть в суды.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат К. сам сформулировал предмет обоих Соглашений об оказании юридической помощи, при этом из них ясно следует, что адвокат К. принял на себя обязательство по представлению интересов доверителя в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций. Среди видов юридической помощи, перечисленных в пп. 4, п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», указано и на участие адвоката в качестве представителя доверителя в гражданском судопроизводстве. В соответствии с п. 1 ст. 6 вышеназванного Закона полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных

правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации.

О. выдал адвокату К. доверенность, предоставив ему все права, которые согласно гражданскому процессуальному законодательству предоставлены истцу, ответчику, третьему лицу, то есть уполномочил быть его судебным представителем.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат К. был обязан принимать участие в судебных заседаниях судов трех инстанций. Однако эту обязанность адвокат К. не исполнил, данный факт установлен материалами дисциплинарного производства и не оспаривается адвокатом.

Не исполнив свои обязанности перед доверителем О., адвокат К. нарушил требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката: честно, разумно, добросовестно, квалифицированно исполнять свои обязанности, активно защищать интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за допущенное им нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, демонстрирующий пренебрежение адвокатом требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату К. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что «по своей вине адвокат не смог довести свою позицию до судов», Совет соглашается с

подробно обоснованным в Заключении Квалификационной комиссии выводом о его неконкретности. Оценка дисциплинарного обвинения в том, что действия адвоката К. содержат признаки уголовно наказуемого мошенничества, выходит за пределы компетенции органов адвокатского самоуправления и свидетельствует о недопустимости жалобы в этой части. По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в этой части.

При оценке утверждений заявителя о том, что адвокат К. сообщал ему о своем участии в судебных заседаниях судов всех трех инстанций, Совет исходит из того, что заявителем О. не опровергнуты утверждения адвоката К., отрицающего факты сообщения доверителю О. такой информации. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства такого информирования адвокатом К. заявителя О.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой в данной части.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этих выводов, с которыми Совет также соглашается.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившееся в том, что он, заключив с доверителем О. Соглашения об оказании юридической помощи от 01 декабря 2020 года № ... и от 04 мая 2021 года № ..., согласно условиям которых он обязался вести его гражданское дело, включая представление его интересов в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций, не принял участия в судебных заседаниях: Т. районного суда города Москвы 01 декабря 2020 года, Судебной коллегии по гражданским делам М. городского суда 22 апреля 2021 года и Судебной коллегии по гражданским делам В. кассационного суда общей юрисдикции 29 июня 2021 года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе О. от 26 августа 2021 года (вх. № ... от 30.08.2021):

в части обвинения О. адвоката К. в том, что по своей вине адвокат не смог довести свою позицию до судов, а также в части оценки О. действий, связанных с получением адвокатом К. вознаграждения от доверителя О., что

доверитель считает обманом, совершенным с целью завладения его денежными средствами, - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

16. Адвокат включил в соглашение об оказании юридической помощи недопустимое условие, ограничив возможность его расторжения доверителем, а затем поставил возможность расторжения соглашения доверителем в зависимость от возмещения адвокату «убытков» в форме упущенной выгоды, за что получил предупреждение.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 08 декабря 2021 года адвокатом Л. допущены:

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что:

заключив с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ..., он включил в него условие (п. 12), ограничивающее право доверителя М. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи, а также условие (п. 11), предусматривающее выплату доверителем неустойки (пени) за просрочку исполнения доверителем обязательства по выплате адвокату вознаграждения за оказываемую юридическую помощь;

получив от доверителя М. 13 апреля 2021 года посредством мессенджера WhatsApp уведомление об отмене поручения по заключенному Соглашению об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ..., направил доверителю М. письмо исх. № ... от 27 апреля 2021 года, в котором поставил возможность расторжения Соглашения в зависимость от возмещения ему предполагаемых «убытков» в форме «упущенной выгоды»;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что получив не позднее 21 мая 2018 года от доверителя М. в счет оплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь 2 000 000 рублей с последующим оформлением приходного кассового ордера от 21 мая 2018 года № ..., в период

действия Соглашения об оказании юридической помощи не выдал доверителю М. финансовый документ по проведению операции с ее средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям положений п. 1, 2 ст. 1, пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 1 ст. 9 и п. 4 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что он без получения письменного согласия доверителя М. привлек У. к оказанию юридической помощи по заключенному с М. Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 28 апреля 2018 года, в котором право адвоката Л. на привлечение к оказанию юридической помощи иных адвокатов не было предусмотрено.

Одновременно Квалификационная комиссия признала необходимым прекратить дисциплинарное производство:

в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом Л. неквалифицированной юридической помощи, в том числе в самоустранении адвоката Л. от ее оказания при отсутствии к тому оснований, - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии не согласился, поддержал свои письменные возражения (вх. № ... от 24.01.2022).

Заявитель М. в заседание Совета не явилась, представила письменные возражения о несогласии с Заключением Квалификационной комиссии (вх. № ... от 25.01.2022).

Представитель заявителя П. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласилась частично, поддержала доводы, изложенные в письменных возражениях (вх. № ... от 25.01.2022).

Принимая во внимание, что заявитель М. своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, представила свои возражения, а также с учетом требований пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами о наличии нарушений в действиях адвоката Л. соглашается частично.

Квалификационной комиссией установлено, что 03 апреля 2018 года между ООО «Т.» и ООО «А.» заключен договор № ..., в соответствии с которым ООО «А.» приняло на себя обязательство произвести «подготовку и согласование документов, необходимых для легализации объекта недвижимости по адресу: город Москва, ул. ...».

28 апреля 2018 года между адвокатом Л. и доверителем М. заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ... в пользу третьего лица – ООО «Т.» («Заказчика»).

Согласно п. 2 этого Соглашения адвокат Л. принял обязательство «по поручению М. представлять интересы Заказчика в Государственной инспекции по контролю за использованием объектов недвижимости города Москвы, по вопросу легализации объекта самовольной постройки, расположенного по адресу: город Москва, ул. ...».

Пунктом 7 этого же Соглашения предусмотрено вознаграждение адвоката Л. в размере 6 950 000 рублей.

Согласно п. 8 Соглашения выплата адвокату Л. вознаграждения за оказываемую юридическую помощь осуществляется в следующем порядке:

- 2 600 000 рублей при заключении Соглашения;

- 4 350 000 рублей в течение пяти дней с момента положительного решения Государственной инспекцией по контролю за использованием объектов недвижимости города Москвы, о сохранении объекта самовольной постройки, расположенного по адресу: город Москва, ул. ...

В силу п. 11 Соглашения «в случае несвоевременной оплаты, начисляется пеня в размере 0,1 % за каждый просроченный день».

Согласно п. 12 Соглашения «настоящее соглашение односторонний порядок расторжения не предусматривает. В случае расторжения Соглашения по инициативе Заказчика в соответствии с гражданским законодательством РФ, то Заказчик обязан оплатить Адвокату сумму понесенных затрат».

К оказанию юридической помощи по Соглашению от 28 апреля 2018 года № ... адвокат Л. привлек У., выплатив ему 21 мая 2018 года вознаграждение в размере 1 500 000 рублей в счет оказания услуг по согласованию в Государственной земельной комиссии и Госинспекции по недвижимости «сохранения объекта недвижимости, расположенного по адресу: город Москва, ул. ...», о чем У. была составлена расписка.

ООО «Т.» выдало адвокату Л. и У. доверенность от 22 мая 2018 года на представление его (ООО «Т.)) интересов.

В результате действий адвоката Л. по оказанию юридической помощи в адрес ООО «Т.» были направлены письма первого заместителя начальника

Госинспекции по недвижимости 3. от 15 июня 2018 года № ГИН-исх-... и от 25 июня 2018 года № ГИН-исх-....

21 мая 2018 года адвокатом Л. получено вознаграждение по Соглашению от 28 апреля 2018 года № ... в размере 2 000 000 рублей, которое было внесено в кассу адвокатского образования с оформлением приходного кассового ордера от 21 мая 2018 года №

23 мая 2018 года ООО «А.» перечислило адвокату Л. Вознаграждение по этому же Соглашению в размере 600 000 рублей, что подтверждается платежным поручением от 23 мая 2018 года №

На обороте первого листа Соглашения от 28 апреля 2018 года № ... имеется расписка адвоката Л. без даты следующего содержания: «п. 8.1. В процессе исполнения договора Доверитель передал Адвокату по договору в счет оплаты 1 000 000 рублей».

09 апреля 2021 года заявителем М. в адрес адвоката Л. посредством «Почты России» было направлено Уведомление об отмене поручения по Соглашению от 28 апреля 2018 года №

13 апреля 2021 года указанное Уведомление направлено адвокату Л. посредством мессенджера WhatsApp.

27 апреля 2021 года адвокат Л. посредством мессенджера WhatsApp направил М. письмо исх. № ... от 27 апреля 2021 года, в котором указал, что считает возможным «осуществить расторжение Соглашения по обоюдному согласию Сторон (ч. 1 ст. 450 ГК РФ), а в случае отсутствия согласия, расторжение будет осуществлено в соответствии с ч. 2 ст. 450 ГК РФ с последующим взысканием: 1. Задолженности оплаты фактически выполненных работ в размере 900 000 рублей, рассчитанной по Прейскуранту, предусмотренному п. 18 Соглашения. 2. Возмещения упущенной выгоды в размере не меньшем, чем доходы, полученные М. с 8 261 038 рублей (п. 2 ч. 2 ст. 15 ГК РФ). 3. Компенсации всех затрат и убытков».

Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утверждённых Советом 29 сентября 2014 года и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы».

Данные разъяснения по вопросам профессиональной этики адвоката подлежат обязательному исполнению адвокатами города Москвы в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их

компетенции. В свою очередь, игнорирование данных решений адвокатом исключает исполнение общего требования пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Совет и Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99).

В силу положений п. 2 ст. 430 ГК РФ, «Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица».

Совет принимает во внимание, что адвокат Л., включив в соглашение условие о том, что оно «односторонний порядок расторжения не предусматривает», не привел в соглашении какой-либо ссылки на норму п. 2 ст. 430 ГК РФ. В результате такая формулировка в соответствии с ее буквальным значением необоснованно ограничивает право доверителя, заключившего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, на расторжение данного соглашения.

Совет также учитывает, что сам адвокат Л. толкует положения п. 12 от 28 апреля 2018 года Соглашения № ... именно как запрет на его расторжение в одностороннем порядке.

Кроме того, адвокат Л. поставил возможность расторжения Соглашения от 28 апреля 2018 года № ... в зависимость от возмещения ему предполагаемых «убытков» в форме «упущенной выгоды», что явно

противоречит уже упомянутому п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утверждённых Советом 29 сентября 2014 года, согласно которому «Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара».

Так, в письме М. от 27 апреля 2021 года (исх. № ...) адвокат Л. заявляет о том, что при отсутствии обоюдного согласия сторон соглашение об оказании юридической помощи может быть расторгнуто лишь в соответствии п. 2 ст. 450 ГК РФ, то есть по решению суда, с последующим взысканием упущенной выгоды, а также «компенсацией всех затрат и убытков».

Совет также учитывает позицию адвоката Л., выраженную им в переписке с М. посредством мессенджера WhatsApp, где адвокат в категоричной форме указывает «Я вам ничего не должен, а вот вы мне упущенную выгоду должны!».

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией в оценке данных действий адвоката Л. как дисциплинарного нарушения, считает необходимым объединить дисциплинарные обвинения во включении им в Соглашение условия (п. 12), ограничивающего право доверителя М. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи и в том, что, получив от доверителя М. 13 апреля 2021 года уведомление об отмене поручения по Соглашению, он направил доверителю М. письмо от 27 апреля 2021 года (исх. № ...), в котором поставил возможность расторжения Соглашения в зависимость от возмещения ему предполагаемых «убытков» в форме «упущенной выгоды». Совет полагает, что второе дисциплинарное обвинение не требует самостоятельной квалификации, поскольку эти действия адвоката Л. направлены на реализацию недопустимого условия Соглашения, препятствующего реализации заявителем безусловного права на расторжение заключенного соглашения в одностороннем порядке.

При таких обстоятельствах Совет признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Л. в данной части и признаёт установленной его вину в ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утверждённых Советом 29 сентября 2014 года, исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем М. выразившемся в том, что заключив с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ..., он включил в него условие (п. 12), ограничивающее право доверителя М. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи, а получив от доверителя М. 13 апреля 2021 года посредством мессенджера WhatsApp

уведомление об отмене поручения по указанному Соглашению, направил доверителю М. письмо от 27 апреля 2021 года (исх. № ...), в котором поставил возможность расторжения Соглашения в зависимости от возмещения ему предполагаемых «убытков» в форме «упущенной выгоды».

Заявителем М. выдвинуто в отношении адвоката Л. дисциплинарное обвинение в том, что он не выдал ей финансовый документ по проведению операции с ее денежными средствами.

Квалификационная комиссия в Заключении указывает, что заявитель М. настаивает на выплате адвокату Л. по Соглашению от 28 апреля 2018 года № ... вознаграждения в размере 3 600 000 рублей, из которых 600 000 рублей были выплачены в безналичном порядке на расчетный счет Коллегии адвокатов города Москвы «...», а 3 000 000 рублей выплачены адвокату Л. М. в наличной форме без выдачи ей адвокатом Л. квитанций к приходным кассовым ордерам.

Адвокат Л. признает факт получения вознаграждения в размере 2 600 000 рублей, из которых 2 000 000 рублей были выплачены ему 21 мая 2018 года в наличной форме с внесением 21 мая 2018 года указанных денежных средств в кассу адвокатского образования, но без выдачи квитанции к приходному кассовому ордеру доверителю М.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем указано на недопустимость нарушений этих требований и разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)).

Учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства, а именно получение адвокатом Л. не позднее 21 мая 2018 года

от доверителя М. в счет оплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь 2 000 000 рублей с последующим оформлением приходного кассового ордера от 21 мая 2018 года № ... и невыдачу в период действия указанного Соглашения доверителю М. финансового документа по проведению операции с ее средствами в порядке, установленном действующим законодательством, Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей перед доверителем М. и признает презумпцию добросовестности адвоката Л. опровергнутой в указанной части дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении дисциплинарного проступка - доказанной.

При этом Совет соглашается с мотивированным выводом Квалификационной о том, что довод заявителя М. о передаче ею адвокату Л. вознаграждения в размере 1 000 000 рублей именно по Соглашению от 28 апреля 2018 года № ... не нашёл своего подтверждения с учетом неопровергнутых объяснений адвоката Л. об ином назначении этой выплаты, не связанном с анализируемым Соглашением.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в привлечении адвокатом Л. к оказанию юридической помощи по Соглашению от 28 апреля 2018 года № ... У. без согласия доверителя М., Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о его обоснованности в силу следующего.

Совет неоднократно отмечал, что при конкуренции позиций доверителя – лица, заключившего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и доверителя – лица, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании такого соглашения, приоритет в оценке оказанной адвокатом юридической помощи отдается получателю этой помощи.

Представленная адвокатом Л. в материалы дисциплинарного производства доверенность от 22 мая 2018 года на представление интересов ООО «Т.» выдана одновременно двум лицам: адвокату Л. и У. Этот факт является достаточным доказательством ясно выраженного доверителем - получателем юридической помощи ООО «Т.» волеизъявления на привлечение к оказанию юридической помощи У. наряду с адвокатом Л. Согласия М. как стороны соглашения, заключённого в пользу третьего лица - ООО «Т.» на привлечение У. к оказанию юридической помощи по при таких обстоятельствах не требовалось, поскольку это согласие, как и его отсутствие не могло бы изменить волеизъявления получателя юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заключение Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке действий адвоката Л., приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в части обвинения в привлечении адвокатом Л. без согласия доверителя М. к оказанию юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ... У. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об

адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет также полагает необходимым исключить дисциплинарное обвинение адвоката Л. в том, что он включил в *Соглашение от 28 апреля 2018 года № ... условие (п. 11), предусматривающее начисление пени за каждый день просрочки исполнения обязательства по выплате адвокату вознаграждения*. Принимая это решение, Совет учитывает, что п. 2 приведённых выше Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» признаётся недопустимым возложение на доверителя каких-либо финансовых санкций в связи с односторонним расторжением соглашения. Однако анализируемое условие Соглашения предусматривает выплату неустойки не по этому основанию, а за просрочку исполнения доверителем обязательства по оплате вознаграждения адвоката. Это условие является обычной деловой практикой и, как справедливо отметила в своем *Заключении* Квалификационная комиссия, оно не противоречит требованиям ГК РФ. Не противоречит оно и требованиям профессиональной этики.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки *Заключению* Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке действий адвоката Л., приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В части обвинений адвоката Л. в ненадлежащем исполнении обязанности по формулированию в *Соглашении об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ... предмета поручения*, а также в неознакомлении М. с «*Прейскурантом стоимости правовой помощи адвоката Коллегии адвокатов города Москвы «...»*» дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В *Заключении* Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Относительно выдвинутого заявителем М. дисциплинарного обвинения в оказании адвокатом Л. неквалифицированной юридической помощи по *Соглашению от 28 апреля 2018 года № ...*, а также в самоустранении от ее оказания при отсутствии к тому оснований, Совет обращает внимание, что только ООО «Т.» как получатель юридической помощи адвоката Л. могло выдвинуть против него данное дисциплинарное обвинение.

При отсутствии претензий к качеству оказания юридической помощи со стороны доверителя, которому адвокат оказывает юридическую помощь по

соглашению, заключенному другим лицом, дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Поскольку ООО «Т.» с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы на действия (бездействие) адвоката Л. не обращалось, дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката Л. от возвращения полученного от доверителя М. вознаграждения за фактически не оказанную юридическую помощь, Совет констатирует отсутствие у него соответствующих полномочий.

Споры о возврате каких-либо денежных средств за оказанную адвокатом доверителю юридическую помощь дисциплинарным органам адвокатской палаты не подведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Л. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются грубыми и умышленными. Совет полагает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Л. наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, Совет учитывает тот факт, что адвокат Л. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. С учетом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Л. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Л. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что он, заключив с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи № ... от 28 апреля 2018 года, включил в него условие (п. 12), ограничивающее право доверителя М. на

расторжение соглашения об оказании юридической помощи, а впоследствии, получив от доверителя М. 13 апреля 2021 года посредством мессенджера WhatsApp уведомление об отмене поручения по указанному Соглашению, направил доверителю М. письмо от 27 апреля 2021 года (исх. № ...), в котором поставил возможность расторжения Соглашения в зависимости от возмещения ему предполагаемых «убытков» в форме «упущенной выгоды»;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что получив не позднее 21 мая 2018 года от доверителя М. в счет оплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь 2 000 000 рублей с последующим оформлением приходного кассового ордера от 21 мая 2018 года № ..., он в период действия Соглашения об оказании юридической помощи не выдал доверителю М. финансовый документ по проведению операции с ее средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобам М. от 06 сентября 2021 года (вх. № ... от 06.09.2021) и без даты (вх. № ... от 09.11.2021):

в части дисциплинарных обвинений в оказании неквалифицированной юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 28 апреля 2018 года № ..., в том числе в самоустранении от ее оказания при отсутствии к тому оснований - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.